РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Монгольские языки: история и современность

Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.

MONGOLIC LANGUAGES: HISTORY AND PRESENT

Extended Abstracts for the Conference
St. Petersburg, October 21–23, 2013

МОНГОЛ ХЭЛНҮҮД: ТҮҮХ БА ОРЧИН ҮЕ

Олон улсын хурлын илтгэлийн хураангуй
Санкт-Петербург, 2013 оны 10 сарын 21–23

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Монгольские языки: история и современность

Материалы международной научной конференции
Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.

MONGOLIC LANGUAGES: HISTORY AND PRESENT

Extended Abstracts for the Conference
St. Petersburg, October 21–23, 2013

МОНГОЛ ХЭЛНҮҮД: ТҮҮХ БА ОРЧИН ҮЕ

Олон улсын хурлын илтгэлийн хураангуй
Санкт-Петербург, 2013 оны 10 сарын 21–23

Санкт-Петербург
Нестор-История
2013

УДК 811.512.3
ББК 81.2

Монгольские языки: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г. / Отв. ред. П.О. Рыкин. — СПб.: Нестор-История, 2013. — 156 с.

Mongolic Languages: History and Present: Extended Abstracts for the Conference, St. Petersburg, October 21–23, 2013 / Ed. by P.O. Rykin. — St. Petersburg: Nestor-Historia, 2013. — 156 p.

Монгол хэлнүүд: түүх ба орчин үе: Олон улсын хурлын илтгэлийн хураангуй, Санкт-Петербург, 2013 оны 10 сарын 21–23 / Эрхлэн нийтлүүлсэн П.О. Рыкин. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. — 156 т.

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Издание подготовлено в рамках программы целевых расходов Президиума РАН «Общеакадемические мероприятия» (международная конференция «Монгольские языки: история и современность»)

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-04-00211 «Корпус транскрипций китайских иероглифов в памятниках уйгуро-монгольской письменности доклассического периода (XIII–XVI вв.)»

Издание осуществлено с оригинал-макета, подготовленного в ИЛИ РАН

ISBN 9-785-4469-0115-9

9 785446 901159

© Коллектив авторов, 2013
© ИЛИ РАН, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ / CONTENTS / ГАРЧИГ

От редактора 6

Editor's foreword....12

Редакторын үг....18

Н.Б. Бадмацыренова (Улан-Удэ). К вопросу о выделении уступительного наклонения в монгольских языках....24

Л. Болд (Улан-Батор). Значение орхонских письменных памятников для исследований монгольского языка....27

B. Brosig (Stockholm). Aspect, tense and evidentiality in Khalkha and Khorchin....29

А.А. Бурыкин (Санкт-Петербург). О критериях идентификации лексических заимствований в лексикологии, общей компаративистике и алтаистике....35

Д.Б. Гедеева (Элиста). Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв. 41

Г.А. Дырхеева (Улан-Удэ). Буряты и бурятский язык в зеркале статистики....44

K. Higuchi (Matsuyama). Linguistic and philological value of Mongolian Buddhist works 48

J. Janhunen (Helsinki). On Para-Mongolic vs. Pre-Proto-Mongolic loanwords in Jurchen-Manchu....52

B. Kempf (Szeged). An etymological dictionary of the Buryat language....58

Y. Kobayashi (Matsuyama). Changes of spoken Mongolian in Inner Mongolia caused by language contact with Chinese 63

С.А. Крылов (Москва). База данных «Квантитативно-реализационный грамматический словарь современного монгольского языка» (на основе Генерального корпуса современного монгольского языка)....66

Д.Н. Музраева (Элиста). К проблеме изучения языка письменных памятников конца XVI–XVIII вв. (на материале монгольских и ойратских переводов тибетской «Сутры о мудрости и глупости») 70

Otgon Borjigin (Lanzhou). A Brief Introduction to the Fragments of a Clear Script Manuscript of the *Thar-pa čhen-po* Found in Qinghai....75

А.М. Певнов (Санкт-Петербург). О монгольском происхождении маньчжурского показателя дательного падежа 79

М.М. Пильчинова (Улан-Удэ). Фрейм-анализ как способ представления ви́дения индивидами языковой ситуации на примере Республики Бурятия....84

В.Э. Раднаев (Москва). Слова *хутва* и *худам* в монгольском языке: семантика и этимология....89

В.И. Рассадин (Элиста). Об этимологии некоторых бурятских шаманистических терминов 93

П.О. Рыкин (Санкт-Петербург). Некоторые особенности употребления аффрикат в среднемонгольском языке и вопрос о реконструкции (до)протомонгольских аффрикат 98

Т.Д. Скрынникова (Санкт-Петербург). Тюркизмы социальной лексики Монгольской империи....106

Е.В. Сундуева (Улан-Удэ). Звукоподражательные возможности корней с согласным *l* в монгольских языках....111

J. Tang (Bratislava). Towards Two Khitan Macroscripts Related to Iron....115

С.М. Трофимова, В.И. Рассадин (Элиста). Историческое развитие лексического состава языка дербетов Калмыкии и Монголии 119

H. Umetani (Tokyo). Description of *-xgüjs* in Khalkha Mongolian..123

Г.Н. Чимитдоржиева (Улан-Удэ). Взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: исторические аспекты 127

Zheng Yue (Цагаансар) (Хөх-Хот). Юан улсын төрийн үсэг болох дөрвөлжин үсгийн нэгэн хувилбар – Төвөд зоосон дахь дөрвөлжин үсгийн тухай 131

М. Энхбат (Улан-Батор). Сведения о грамматике маньчжурского языка в словаре «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности» (1717 г.) 137

Yu Rong (Хөх-Хот). Монгол ярианы хэлний материалын сан 141

Ю. Ямада (Хөх-Хот). Дагуур хэлний *k* ба *x* гийгүүлэгчийн түүхэн хувиралтын шинжлэх нь 144

Н.С. Яхонтова (Санкт-Петербург). Толкования монгольских слов в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» 148

Названия языков и диалектов
Abbreviations for languages and dialects
Хэл аялгуунуудын хураангуйлсан нэр 152

Сведения об авторах
List of Contributors
Зохиогчдын тухай мэдээ 153

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник охватывает материалы докладов участников международной научной конференции «Монгольские языки: история и современность» (Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.), организованной отделом языков народов России Института лингвистических исследований РАН. Включенные в сборник материалы освещают целый ряд актуальных проблем изучения монгольских языков и отражают современные подходы к их решению. В сборнике органично сочетаются как работы общего характера, вносящие вклад в теорию и методологию монгольского языкознания, так и конкретные исследования, основанные на полевых материалах, архивных источниках и печатных публикациях.

Авторы опубликованных в сборнике материалов представляют основные российские и зарубежные центры изучения монгольских языков: в России – Санкт-Петербург (А.А. Бурыкин, А.М. Певнов, П.О. Рыкин, Т.Д. Скрынникова, Н.С. Яхонтова), Москву (С.А. Крылов, В.Э. Раднаев), Улан-Удэ (Н.Б. Бадмацыренова, Г.А. Дырхеева, М.М. Пильчинова, Е.В. Сундуева, Г.Н. Чимитдоржиева), Элисту (Д.Б. Гедеева, Д.Н. Музраева, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова), в Монголии – Улан-Батор (Л. Болд, М. Энхбат), в Венгрии – Сегед (Б. Кемпф), в Китае – Ланьчжоу (Б. Отгон), Хух-Хото (Чжэн Юэ (Цагаансар), Юй Жун, Ю. Ямада), в Словакии – Братиславу (Дж. Тан), в Финляндии – Хельсинки (Ю. Янхунен), в Швеции – Стокгольм (Б. Бросиг), в Японии – Мацуяму (Ё. Кобаяси, К. Хигути), Токио (Х. Умэтани).

Предлагаемые материалы подразделяются на следующие тематические группы:

1) аспекты истории монгольской письменности и лингвистического исследования монгольских письменных памятников XVI–XIX вв. (доклады Д.Б. Гедеевой, Д.Н. Музраевой, Б. Отгона, Чжэн Юэ (Цагаансара), К. Хигути);
2) тюрко-монгольские языковые контакты и изучение тюркских лексических заимствований в монгольских языках (доклады Л. Болда, В.И. Рассадина, Т.Д. Скрынниковой);

3) историческое взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, монгольско-маньчжурские лексикографические памятники (доклады А.М. Певнова, Г.Н. Чимитдоржиевой, М. Энхбат, Ю. Янхунена, Н.С. Яхонтовой);
4) историческая фонология монгольских языков и проблемы (до)протомонгольской реконструкции (доклады П.О. Рыкина, Ю. Ямады);
5) вопросы изучения грамматики монгольских языков (доклады Н.Б. Бадмацыреновой, Б. Бросига, Х. Умэтани);
6) лексикологические и этимологические исследования по монгольским языкам (доклады Б. Кемпфа, В.Э. Раднаева, С.М. Трофимовой и В.И. Рассадина);
7) корпусная лингвистика и ее использование в монгольском языкознании (доклады С.А. Крылова, Юй Жуна);
8) социолингвистика и социология монгольских языков, проблемы языковой политики (доклады Г.А. Дырхеевой, Ё. Кобаяси, М.М. Пильчиновой).

Кроме того, отдельные авторы в своих материалах затрагивают различные аспекты фоносемантики (Е.В. Сундуева), методологии выявления лексических заимствований в алтайских языках (А.А. Бурыкин), дешифровки т.н. большой киданьской письменности (Дж. Тан).

Конференция «Монгольские языки: история и современность» организована на базе нового научного центра по изучению монгольских языков, независимого от двух традиционных для Санкт-Петербурга центров – сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН и кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Данный центр сформировался в начале 2000-х гг. в рамках отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН как продолжение научных традиций, заложенных в 1960-70-х гг. работами В.М. Наделяева, Л.А. Карабаевой и С.Л. Чарекова. В настоящее время он представлен тремя сотрудниками отдела – доктором филологических наук Сергеем Леонидовичем Чарековым, кандидатом исторических наук Павлом Олеговичем Рыкиным и кандидатом исторических наук Владой

Вячеславовной Барановой. Спецификой этого центра в сравнении с двумя другими монголоведными центрами Санкт-Петербурга является сугубо лингвистический характер проводимых исследований, затрагивающих широкий круг проблем синхронии и диахронии в изучении монгольских языков. Монголоведы ИЛИ РАН осуществляют разработку нескольких основных научных направлений:

С.Л. Чареков – сопоставительная морфология и лексикология бурятского и эвенкийского языков, происхождение языка;

П.О. Рыкин – историческая фонология монгольских языков, среднемонгольский язык, история монгольской письменности, тюрко-монгольские языковые контакты;

В.В. Баранова – грамматика калмыцкого языка, языковая ситуация в Калмыкии в прошлом и настоящем.

Сотрудниками монголоведного центра ИЛИ РАН была организована международная научная конференция «Проблемы исторического развития монгольских языков» (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.), по результатам которой был опубликован сборник материалов:

Проблемы исторического развития монгольских языков: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.) / Отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007. 149 с.

Монголоведы ИЛИ РАН ведут активную научную и публикаторскую деятельность. Они неоднократно выступали с докладами на различных конференциях, в том числе на крупных международных форумах, таких как IX и X Международные конгрессы монголоведов (Улан-Батор, Монголия, 2006, 2011), the 16th World Congress of The International Union of Anthropological and Ethnological Sciences “Humanity, Development and Cultural Diversity” (Kunming, China, 2009), the 13th International Conference of the Foundation for Endangered Languages “Endangered Languages and History” (Khorog, Tajikistan, 2009). Основные публикации сотрудников центра по монголоведению и алтаистике за 2003–2013 гг. приводятся ниже:

С.Л. Чареков:

– К происхождению языка. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. 85 с.

– Специфика агглютинативной суффиксации эвенкийского языка // Актуальные проблемы монголоведения. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 23–34.

– Лексическая полисемия в эвенкийском и бурятском языках. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2010. Ч.1: Имена существительные и прилагательные. 132 с.

– Семантическая структура локативных падежей эвенкийского языка // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 5 (Т. 1): Филология. С. 138–149.

– Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. 116 с.

– Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках. СПб.: Наука, 2004. 105 с.

П.О. Рыкин:

– К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре *Дада юй/Бэйлу июй* (конец XVI–начало XVII в.) // Олон улсын монголч эрдэмтний X их хурлын илтгэлүүд. Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists. Улаанбаатар: Б. и., 2012. Vol. 2: Монгол хэл, соёлын тулгамдсан асуудлууд. Mongolian Language and Culture and their Urgent Problems. С. 339–348.

– Китайская транскрипция монгольских велярных и увулярных согласных в словаре *Дада юй/Бэйлу июй* (конец XVI–начало XVII в.) // «Живём дружно, “молодые” разного возраста»: Сб. ст. в память востоковеда-тюрколога А.Н. Самойловича / Сост. А.Д. Васильев, С.В. Дмитриев. М.: Пробел-2000, 2012. С. 87–120.

– On the principles of Chinese transcription of Mongolian sounds in the Sino-Mongolian glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th century) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2012. Vol. 65, № 3. P. 323–334.

– Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб.: Наука, 2011. 320 с. + 117 рис. (*в соавт. с В.Ц. Головачевым, А.Л. Ивлиевым, А.М. Певновым*).

– The System of Kinship and Affinity Terms in Middle Mongolian // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64, № 1. P. 25–47.

– Towards an etymology of Middle Mongolian *Bodončar* ~ *Bodančar* // Mongolo-Tibetica Pragensia '10: Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture. 2010. Vol. 3, № 1. P. 105–122.

– Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования. 2009. № 1(1). С. 80–91.

– Методы и принципы семантического описания социальной лексики в среднемонгольском языке (на материале терминов родства) // IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): Доклады российских ученых. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 330–339.

В.В. Баранова:

– Enseignement du kalmouk et situation linguistique (fin 1950–2000) // L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes / Éd. par E. Simonato. Lausanne, 2013. P. 75–99. (Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; № 35.)

– Каждый калмык должен знать родной язык? (Языковая лояльность сообщества в диахронии) // Nomen est omen: Сб. ст. к 60-летию Н.Б. Вахтина (от непослушных учеников). СПБ.: Издательство ЕУ СПБ, 2010. С. 15–23.

– Пути грамматикализации глагола *gi-* 'говорить' в калмыцком языке // Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.). М.: ИВ РАН, 2010. С. 96–114. (Бюллетень Общества востоковедов; Вып. 17.)

– Deportation and Language Identity in Kalmykia // Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference, 24–26 September 2009, Khorog, Tajikistan / Ed. by H. Elnazarov and N. Ostler. S.l., 2009. P. 67–71.

– Языковая ситуация в Калмыкии: Социолингвистический очерк // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. С.С. Сай, В.В. Баранова, Н.В. Сердобольская. СПб.: Наука, 2009. С. 22–43. (Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН; Т. 5, ч. 2.)

– Сложные глаголы в калмыцком языке // Там же. С. 255–309.

Редактор сборника выражает глубокую признательность членам Оргкомитета конференции кандидату исторических наук В.В. Барановой, кандидату филологических наук А.А. Сюрюн, аспиранту С.А. Оскольской, оказавшим неоценимую помощь в подготовке и проведении данного научного мероприятия, научному сотруднику Института Кочевых Цивилизаций Академии наук Монголии Д. Пурэвжав за перевод данного предисловия на монгольский язык, а также директору Института лингвистических исследований РАН академику РАН Н.Н. Казанскому и зам. директора по науке, заведующему отделом языков народов России ИЛИ РАН члену-корреспонденту РАН Е.В. Головко, без постоянной поддержки и любезного содействия которых организация конференции и издание настоящего сборника едва ли были бы возможны.

EDITOR'S FOREWORD

The present volume is a collection of extended abstracts for the International Conference "Mongolic Languages: History and Present" (St. Petersburg, October 21–23, 2013) organized by the Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. It covers a number of topical issues in the study of Mongolic languages and reflects modern approaches to their research. The volume includes paper abstracts that, on the one hand, contribute to the theory and methodology of Mongolic linguistics, and, on the other hand, present the results of case studies based on fieldwork, archival sources, and published works.

The authors of the Conference papers published in this volume represent the main centers of Mongolian studies from eight countries: Russia – St. Petersburg (A.A. Burykin, A.M. Pevnov, P.O. Rykin, T.D. Skrynnikova, N.S. Yakhontova), Moscow (S.A. Krylov, V.E. Radnaev), Ulan-Ude (N.B. Badmatsyrenova, G.A. Dyrkheeva, M.M. Pilchinova, E.V. Sundueva, G.N. Chimitdorzhieva), Elista (D.B. Gedeeva, D.N. Muzraeva, V.I. Rassadin, S.M. Trofimova); Mongolia – Ulaanbaatar (L. Bold, M. Enkhbat); China – Lanzhou (B. Otgon), Hohhot (Zheng Yue (Tsagaansar), Yu Rong, Y. Yamada); Finland – Helsinki (J. Yanhunen); Hungary – Szeged (B. Kempf); Japan – Matsuyama (K. Higuchi, Y. Kobayashi), Tokyo (H. Umetani); Slovakia – Bratislava (J. Tang); Sweden – Stockholm (B. Brosig).

The extended abstracts published here are devoted to the following general topics:

1) history of Mongolian writing systems, linguistic and philological studies of the Mongolian written monuments of the 16th–19th centuries (papers by D.B. Gedeeva, K. Higuchi, D.N. Muzraeva, Zheng Yue (Tsagaansar), B. Otgon);

2) Turkic-Mongol language contacts and the study of Turkic loanwords in Mongolic languages (papers by L. Bold, V.I. Rassadin, T.D. Skrynnikova);

3) historical interaction between Mongolic and Tungusic languages, early Manchu-Mongolian lexicography (papers

by G.N. Chimitdorzhieva, M. Enkhbat, J. Janhunen, A.M. Pevnov, N.S. Yakhontova);

4) historical phonology of Mongolic languages and the problems of (Pre-)Proto-Mongolic reconstruction (papers by P.O. Rykin, Y. Yamada);

5) grammatical features in various Mongolic languages (papers by N.B. Badmatsyrenova, B. Brosig, H. Umetani);

6) lexicological and etymological studies of Mongolic languages (papers by B. Kempf, V.E. Radnaev, V.I. Rassadin, S.M. Trofimova);

7) corpus linguistics and its application to the study of Mongolian (papers by S.A. Krylov, Yu Rong);

8) sociolinguistics and sociology of Mongolic languages, language policy (papers by G.A. Dyrkheeva, Y. Kobayashi, M.M. Pilchinova).

In addition, some authors in their papers deal with various aspects of phonosemantics (E.V. Sundueva), methodology of the identification of lexical borrowings in Altaic languages (A.A. Burykin), decipherment of the Khitan "large script" characters (J. Tang).

The International Conference "Mongolic Languages: History and Present" was organized on the basis of a new research center for the study of Mongolic languages, separate from two traditional centers of Mongolian studies in St. Petersburg which are the Section of Central Asian Studies, the Department of Central Asian and South Asian Studies, Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, and the Department of Mongolian and Tibetan Studies, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University. The new center was formed in the early 2000s within the Department of Languages of Russia, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, as a continuation of scientific tradition established in the 1960s and 1970s by the works of V.M. Nadeljaev, L.A. Karabaeva and S.L. Charekov. It is currently represented by three members of the Department – Sergey L. Charekov, Pavel O. Rykin, and Vlada V. Baranova. The distinctive feature of this center as compared to the other two centers of Mongolian studies in St. Petersburg is that it

conducts research only on linguistic matters covering a wide range of synchronic and diachronic problems in the study of Mongolic languages. The scientific interests of the Mongolists at the Institute for Linguistic Studies are linked to the following research areas:

S.L. Charekov – comparative morphology and lexicology of Buryat and Evenki, the origin of language;

P.O. Rykin – historical phonology of Mongolic languages, Middle Mongolian, history of Mongolian writing systems, Turkic-Mongol language contacts;

V.V. Baranova – Kalmyk grammar, the linguistic situation in Kalmykia in the past and present.

The members of the Department of Languages of Russia organized the International Conference "Mongolian Languages: Problems of Historical Development" (St Petersburg, October 24–26, 2007), the results of which were published in the Proceedings:

Rykin, P.O. (ed.): *Problemy istoričeskogo razvitija mongol'skih jazykov: Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii (Sankt-Peterburg, 24–26 oktjabrja 2007 g.).* Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija. 149 p.

The Mongolists of the Institute for Linguistic Studies are engaged in research and publishing activities. They made a number of presentations at various conferences, among them some major international forums, such as the 9th and 10th International Congresses of Mongolists (Ulaanbaatar, Mongolia, 2006, 2011), the 16th World Congress of The International Union of Anthropological and Ethnological Sciences "Humanity, Development and Cultural Diversity" (Kunming, China, 2009), the 13th International Conference of the Foundation for Endangered Languages "Endangered Languages and History" (Khorog, Tajikistan, 2009). The main publications of the members of the Department of Languages of Russia on Mongolian and Altaic studies for the last ten years are as follows:

S.L. Charekov:

– 2011. *K proisxoždeniju jazyka.* Sankt-Peterburg: LGU imeni A.S. Puškina. 85 p.

– 2011. Specifika aggljutinativnoj suffiksacii evenkijskogo jazyka. In: *Aktual'nye problemy mongolovedenija*. 4. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAS, pp. 23–34.

– 2010. *Leksičeskaja polisemija v evenkijskom i burjatskom jazykax.* 1. *Imena suščestvitel'nye i prilagatel'nye.* Sankt-Peterburg: LGU imeni A.S. Puškina. 132 p.

– 2010. Semantičeskaja struktura lokativnyx padežej evenkijskogo jazyka. *Vestnik LGU imeni A.S. Puškina* 5(1). *Filologija*, pp. 138–149.

– 2009. *Semantičeskaja struktura slovoobrazovanija v russkom i altajskix jazykax.* 2nd edition, revised and enlarged. Sankt-Peterburg: LGU imeni A.S. Puškina. 116 p.

– 2004. *Semantičeskaja struktura slovoobrazovanija v russkom i altajskix jazykax.* Sankt-Peterburg: Nauka. 105 p.

P.O. Rykin:

– 2012. K voprosu o principax kitajskoj transkripcii mongol'skoj leksiki v kitajsko-mongol'skom slovare *Dada juj/Bejlu ijuj* (konec XVI–načalo XVII v.). In: *Olon ulsyn mongolč erdemtnij X ix xurlyn iltgelüüd. Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists.* 2. Ulaanbaatar, pp. 339–348.

– 2012. Kitajskaja transkripcija mongol'skix veljarnyx i uvuljarnyx soglasnyx v slovare *Dada juj/Bejlu ijuj* (konec XVI–načalo XVII v.). In: Vasiljev, A.D. – Dmitriev, S.V. (eds.): *«Živem družno, "molodye" raznogo vozrasta»: Sbornik statej v pamjat' vostokoveda-tjurkologa A.N. Samojloviča.* Moskva, pp. 87–120.

– 2012. On the principles of Chinese transcription of Mongolian sounds in the Sino-Mongolian glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th century). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 65, pp. 323–334.

– 2011. *Tyrskie stely XV veka: Perevod, kommentarii, issledovanie kitajskix, mongol'skogo i čžurčžen'skogo tekstov.* Sankt-Peterburg: Nauka. (with V.C. Golovačev, A.L. Ivliev, A.M. Pevnov.) 320 p. + 117 pl.

– 2011. The System of Kinship and Affinity Terms in Middle Mongolian. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 64, pp. 25–47.

– 2010. Towards an etymology of Middle Mongolian *Bodončar ~ Bodančar*. *Mongolo-Tibetica Pragensia '10: Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture* 3:1, pp. 105–122.

– 2009. Semantičeskij analiz terminov rodstva i svojstva v srednemongol'skom jazyke. *Voprosy filologii. Uralo-altajskie issledovanija* 1(1), pp. 80-91.

– 2006. Metody i principy semantičeskogo opisanija social'noj leksiki v srednemongol'skom jazyke (na materiale terminov rodstva). In: *IX Meždunarodnyj kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 8–12 avgusta 2006 g.): Doklady rossijskix učenyx*. Moskva, pp. 330–339.

V.V. Baranova:

– 2013. Enseignement du kalmouk et situation linguistique (fin 1950–2000). In: Simonato, E. (ed.): *L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes*. [Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; № 35.] Lausanne, pp. 75–99.

– 2010. Každyj kalmyk dolžen znat' rodnoj jazyk? In: *Nomen est omen: Sbornik statej k 60-letiju N.B. Vakhtina (ot neposlušnyx učenikov)*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo EU SPb, pp. 15–23.

– 2010. Puti grammatikalizacii glagola *gi-* 'govorit'' v kalmyckom jazyke. In: *Trudy mežinstitutskoj naučnoj konferencii "Vostokovednye čtenija 2008" (Moskva, 8–10 oktjabrja 2008 g.)*. [Bjulleten' Obščestva vostokovedov; Vyp. 17.] Moskva: IV RAS, pp. 96–114.

– 2009. Deportation and Language Identity in Kalmykia. In: Elnazarov, H. – Ostler, N. (eds.): *Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference, 24–26 September 2009, Khorog, Tajikistan*. S.l., pp. 67–71.

– 2009. Jazykovaja situacija v Kalmykii: Sociolingvističeskij očerk. In: Saj, S.S. – Baranova, V.V. – Serdobol'skaja, N.V. (eds.): *Issledovanija po grammatike kalmyckogo jazyka*. [Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN; Vol. 5, pt. 2.] Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 22–43.

– 2009. Složnye glagoly v kalmyckom jazyke. In: Saj, S.S. – Baranova, V.V. – Serdobol'skaja, N.V. (eds.): *Issledovanija po grammatike kalmyckogo jazyka.* [Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvističeskix issledovanij RAN; Vol. 5, pt. 2.] Sankt-Peterburg: Nauka, pp. 255–309.

The editor of the present volume expresses his deep gratitude to the members of the Organizing Committee who provided invaluable help in preparing and holding the Conference: Dr. Vlada V. Baranova, Dr. Arzhaana A. Syuryun, Sofia A. Oskol'skaja, a graduate student at the Department of Languages of Russia, to D. Purevzhav, a research fellow at the International Institute for the Study of Nomadic Civilizations, Mongolian Academy of Sciences, for translating this foreword into Mongolian, as well as to Professor Nikolai Kazansky, Director of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, and to Professor Evgeny Golovko, Deputy Director of the Institute for Linguistic Studies, Head of the Department of Languages of Russia, – their lasting support and kind assistance contributed immensely to the organization of the Conference and to the publication of this volume.

РЕДАКТОРЫН ҮГ

Энэхүү эмхэтгэлд ОХУ-ын ШУА-ийн Хэл шинжлэлийн хүрээлэнгийн Оросын ард түмнүүдийн хэлийг судлах салбараас зохион байгуулж буй “Монгол хэлнүүд: түүх ба орчин үе” (Санкт-Петербург, 2013 оны 10 сарын 21–23) олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хуралд оролцогчдын илтгэлийг хэвлэн хүргэж байна. Эмхэтгэлд багтсан судалгааны бүтээлүүд нь монгол хэлнүүдийн судлалын тулгамдсан асуудлыг дэвшүүлэн тавьсан төдийгүй тэдгээрийг шийдвэрлэх орчин үеийн арга замыг тусгажээ. Монгол хэл шинжлэлийн онолын болоод арга зүйн цаашдын хөгжилд хувь нэмэр болохуйц суурь судалгааны шинжтэй бүтээлүүд болон хээрийн шинжилгээ, архивын эх сурвалж, хэвлэл мэдээлэлд суурилсан тодорхой судалгаануудын үр дүнг оновчтой уялдуулсан нь сайшаалтай.

Эмхэтгэлд орсон бүтээлүүдийн зохиогчид нь үндсэндээ Оросын болон дэлхийн монгол хэл судлалын төвүүдийг төлөөлж байгаа бөгөөд ОХУ-ын Санкт-Петербург хотоос А.А. Бурыкин, А.М. Певнов, П.О. Рыкин, Т.Д. Скрынникова, Н.С. Яхонтова, Москва хотоос С.А. Крылов, В.Э. Раднаев, Улаан-үүд хотоос Н.Б. Бадмацыренова, Г.А. Дырхеева, М.М. Пильчинова, Е.В. Сундуева, Г.Н. Чимитдоржиева, Элистэй хотоос Д.Б. Гедеева, Д.Н. Музраева, В.И. Рассадин, С.М. Трофимова, Монгол улсаас Л. Болд, М. Энхбат, Унгар улсын Сегед хотоос Б. Кемпф, БНХАУ-аас Ланжу хотын Б. Отгон, Хөх хотын Чжэн Юэ (Цагаансар), Юй Жун, Ю. Ямада, Словак улсын Братислав хотоос Ж. Тан, Финландын Хельсинки хотоос Ю. Янхунен, Швед улсын Стокгольм хотоос Б. Бросиг, Япон улсын Мацуяма хотоос Ё. Кобаяси, К. Хигути, Токио хотоос Х. Умэтани нарыг дурьдаж болно.

Танилцуулан буй бүтээлүүдийг дараах сэдэвчилсэн ангилалд хуваан авч үзэж болохоор байна. Үүнд:

1) Монгол бичиг үсгийн түүх болон XVI–XIX-р зууны монгол бичгийн дурсгалуудад хийсэн хэл шинжлэлийн судалгаа (Д.Б. Гедеева, Д.Н. Музраева, Б. Отгон, Чжэн Юэ (Цагаансар), К. Хигути нарын илтгэлүүд);
2) Түрэг-монгол хэлнүүдийн харилцан нөлөөлөл, монгол хэлэн дэх түрэг хэлний үгсийн сангийн нөлөө (Л. Болд, В.И. Рассадин, Т.Д. Скрынникова нарын илтгэлүүд);

3) Монгол болон манж-тунгуус хэлнүүдийн түүхэн харилцаа, харилцан-нөлөөлөл, монгол-манж хэлнүүдийн үгсийн сангийн дурсгалуудын судалгаа (А.М. Певнов, Г.Н. Чимитдоржиева, М. Энхбат, Ю. Янхунен, Н.С. Яхонтова нарын илтгэлүүд);
4) Монгол хэлнүүдийн түүхэн авиан зүй болон өвөг монгол хэлний өмнөх үеийн хэлбэрийг сэргээн судлах асуудал (П.О. Рыкин, Ю. Ямада нарын илтгэлүүд);
5) Монгол хэлнүүдийн хэлний зүйн судалгааны асуудлууд (Н.Б. Бадмацыренова, Б. Бросиг, Х. Умэтани нарын илтгэлүүд);
6) Монгол хэлнүүдийн үгсийн сангийн болон гарал зүйн судалгаа (Б. Кемпф, В.Э. Раднаев, С.М. Трофимова, В.И. Рассадин нарын илтгэлүүд);
7) Корпус хэл шинжлэл болон монгол хэл шинжлэлд түүнийг хэрэглэх асуудал (С.А. Крылов, Юй Жун нарын илтгэлүүд);
8) Нийгэм хэл шинжлэл болон монгол хэлнүүдийн социологи, хэлний бодлогын асуудлууд (Г.А. Дырхеева, Ё. Кобаяси, М.М. Пильчинова нарын илтгэлүүд) зэрэг болно.

Үүний сацуу зарим судлаачид бүтээлдээ авианы утга (Е.В. Сундуева), алтай хэлнүүд дэх үгсийн сангийн нөлөө, зээлдмэл үгсийг илрүүлэх арга зүй (А.А. Бурыкин), Хятаны их бичгийг тайлж унших аргачлал (Ж. Тан) зэрэг тодорхой асуудлыг дэвшүүлсэн байна.

Өгүүлэн буй “Монгол хэлнүүд: түүх ба орчин үе” олон улсын бага хурал нь монгол хэлнүүдийг судлах шинэ судалгааны төвийн бааз суурь дээр түшиглэн зохион байгуулагдаж байгаа юм. Энэ шинэ төв бол Санкт-Петербург хотноо байдаг уламжлалт хоёр монгол судлалын төв болох ОХУ-ын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлүүдийн хүрээлэнгийн Төв болон Өмнөд Азийн судлалын салбарын Төв Ази судлалын тасаг болон Санкт-Петербургийн Улсын их сургуулийн Дорно дахины салбарын Монгол, төвд судлалын тэнхмээс тусдаа байгууллага болно. Энэ шинэ төв нь ОХУ-ын ШУА-ийн Хэл шинжлэлийн хүрээлэнгийн Оросын ард түмнүүдийн хэлийг судлах салбар дээр 1960–70 онд В.М. Наделяев, Л.А. Карабаева, С.Л. Чареков нарын үүсгэн байгуулсан монгол судлалын уламжлалыг үргэлжлүүлэх зорил-

гоор 2000-аад оны эхээр хэлбэржин тогтсон юм. Өнөөдөр энэхүү төвийн үйл ажиллагааг тус салбарын ажилтнууд болох хэл бичгийн ухааны доктор Сергей Леонидович Чареков, түүхийн ухааны дэд доктор Павел Олегович Рыкин, түүхийн ухааны дэд доктор Влада Вячеславовна Баранова нар эрхлэн явуулж байна. Санкт-Петербург хотын монгол судлалын уламжлалт хоёр төвтэй харьцуулбал, энэ төвийн онцлог нь монгол хэлнүүдийн цуваа болон хам цагийн судалгааны өргөн хүрээг хамарсан хэл шинжлэлийн гүнзгийрүүлсэн судлагаагаар тодорхойлогдоно. ОХУ-ын ШУА-ийн Хэл шинжлэлийн хүрээлэнгийн монгол судлаачид шинжлэх ухааны хэд хэдэн чиглэлээр судалгаа шинжилгээ хийж байна. Үүнд:

С.Л. Чареков – Зэрэгцүүлсэн үг зүй (бүтээвэр зүй), буриад, эвенк хэлнүүдийн үгсийн сан, хэлний гарал зүй;

П.О. Рыкин – Монгол хэлнүүдийн түүхэн авиан зүй, дундад үеийн монгол хэл, монгол бичиг үсгийн түүх, түрэг-монгол хэлнүүдийн харилцаа холбоо;

В.В. Баранова – Халимаг хэлний зүй, Халимаг дахь хэлний өнгөрсөн ба одоогийн нөхцөл байдал зэрэг судалгааг онцлон дурьдах нь зүйтэй.

Мөн тус хүрээлэнгийн монгол судлалын төвийн эрдэмтэн судлаачид «Монгол хэлнүүдийн түүхэн хөгжлийн асуудлууд» (Санкт-Петербург, 2007 оны 10 сарын 24–26) олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлыг зохион байгуулсан бөгөөд хурлын үр дүн болгож, илтгэлийн эмхэтгэлийг “Проблемы исторического развития монгольских языков: Материалы международной научной конференции” (Санкт-Петербург, 24–26 октября 2007 г.) / Эрхлэн нийтлүүлсэн П.О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007, нэрээр хэвлүүлсэн юм.

Түүнчлэн эдгээр монгол судлаачид судалгааны үр дүнгээ хэвлэн нийтлэж, шинжлэх ухааны эргэлтэд оруулахад анхааран ажиллаж байна. Тэд судалгааны үр дүнгээсээ эрдэм шинжилгээний хурлууд, олон улсын томоохон форум дээр тавьж хэлэлцүүлсний дотор Монгол судлалын IX, X-р их хурал (Улаанбаатар, Монгол улс, 2006, 2011), “Хүн төрөлхтөн, хөгжил ба соёлын олон талт байдал” сэдэвт Хүн судлал, угсаатны зүйн олон улсын холбооны 16-р их хурал (БНХАУ, Кунминь, 2009),

“Мөхөж буй хэлнүүд болон түүх” сэдэвт Мөхөж буй хэлнүүдийг хамгаалах сангийн 13-р олон улсын бага хурал (Тажикстан, Хорог, 2009) зэрэг хуралд оролцсон байна. Монгол болон Алтай судлалын төвийн ажилтнуудын 2003-2013 онуудад хэвлүүлсэн гол бүтээлүүдийг дор дурьдав. Үүнд:

С.Л. Чареков:

– К происхождению языка, Санкт-Петербург, 2011, 85 т.

– Специфика агглютинативной суффиксации эвенкийского языка, *Актуальные проблемы монголоведения* 4, Улан-Удэ, 2011, 23–34.

– Лексическая полисемия в эвенкийском и бурятском языках, Санкт-Петербург, 2010, Б.1: Имена существительные и прилагательные, 132 т.

– Семантическая структура локативных падежей эвенкийского языка, *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина* 5(1), 2010, 138–149.

– Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках, Хянан засварласан хоёр дахь хэвлэл, Санкт-Петербург, 2009, 116 т.

– Семантическая структура словообразования в русском и алтайских языках, Санкт-Петербург, 2004, 105 т.

П.О. Рыкин:

– К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре *Дада юй/Бэйлу июй* (конец XVI–начало XVII в.), *Олон улсын монголч эрдэмтний X их хурлын илтгэлүүд. Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists*, Улаанбаатар, 2012, vol. 2: *Монгол хэл, соёлын тулгамдсан асуудлууд. Mongolian Language and Culture and their Urgent Problems*, 339–348.

– Китайская транскрипция монгольских велярных и увулярных согласных в словаре *Дада юй/Бэйлу июй* (конец XVI–начало XVII в.), *«Живём дружно, “молодые” разного возраста»: Сб. ст. в память востоковеда-тюрколога А.Н. Самойловича*, М., 2012, 87–120.

– On the principles of Chinese transcription of Mongolian sounds in the Sino-Mongolian glossary *Dada yu/Beilu yiyu* (late 16th–early 17th century), *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 65:3, 2012, 323–334.

– *Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов* (В.Ц. Головачев, А.Л. Ивлиев, А.М. Певнов нарын хамт), Санкт-Петербург, 2011, 320 т. + 117 зураг.

– The System of Kinship and Affinity Terms in Middle Mongolian, *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 64:1, 2011, 25–47.

– Towards an etymology of Middle Mongolian *Bodončar ~ Bodančar*, *Mongolo-Tibetica Pragensia '10: Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture* 3:1, 2010, 105–122.

– Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке, *Вопросы филологии. Серия Урало-алтайские исследования* 1(1), 2009, 80–91.

– Методы и принципы семантического описания социальной лексики в среднемонгольском языке (на материале терминов родства), *IX Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.): Доклады российских ученых*, М., 2006, 330–339.

В.В. Баранова:

– Enseignement du kalmouk et situation linguistique (fin 1950–2000), *L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes*, [= Cahiers de l'Institut de linguistique et des sciences du langage; № 35.], Lausanne, 2013, 75–99.

– Каждый калмык должен знать родной язык? (Языковая лояльность сообщества в диахронии), *Nomen est omen: Сб. ст. к 60-летию Н.Б. Вахтина (от непослушных учеников)*, Санкт-Петербург, 2010, 15–23.

– Пути грамматикализации глагола *gi-* 'говорить' в калмыцком языке, *Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.)*, [= Бюллетень Общества востоковедов; 17.], М., 2010, 96–114.

– Deportation and Language Identity in Kalmykia, *Endangered Languages and History: Proceedings of the Thirteenth FEL Conference, 24–26 September 2009, Khorog, Tajikistan*, S.l., 2009, 67–71.

– Языковая ситуация в Калмыкии: Социолингвистический очерк, *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, [= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН; 5/2], Санкт-Петербург, 2009, 22–43.

– Сложные глаголы в калмыцком языке, *Исследования по грамматике калмыцкого языка*, [= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН; 5/2], Санкт-Петербург, 2009, 255–309.

Эмхэтгэлийн хянан тохиолдуулагч-редакторын зүгээс тус эрдэм шинжилгээний бага хурлыг зохион байгуулах Комиссын гишүүд болох түүхийн ухааны дэд доктор В.В. Баранова, хэл бичгийн ухааны дэд доктор А.А. Сюрюн, докторант С.А. Оскольская нарт шинжлэх ухааны энэхүү арга хэмжээг зохион байгуулахад үнэлж баршгүй хувь нэмрээ оруулсанд, мөн өмнөх үгийг орчуулсан Монгол улсын Нүүдлийн соёл, иргэншлийг судлах олон улсын хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний ажилтан Д. Пүрэвжав, түүнчлэн уг хурлыг зохион байгуулах, эмхэтгэлийг хэвлэх ажлыг эхнээс аван дуустал нь тууштай дэмжиж, гүнээ тусалсан ОШУА-ийн Хэл шинжлэлийн хүрээлэнгийн захирал, академич Н.Н. Казанский болон захирлын эрдэм шинжилгээ эрхэлсэн орлогч, Оросын ард түмнүүдийн хэлний салбарын эрхлэгч, ОШУА-ийн сурвалжлагч гишүүн Е.В. Головко нарт гүн талархал дэвшүүлж, сайн сайхныг хүсэн ерөөе.

Орос хэлнээс орчуулсан Д. Пүрэвжав

Н.Б. БАДМАЦЫРЕНОВА (Россия, Улан-Удэ)

К вопросу о выделении уступительного наклонения в монгольских языках

Функционирование глагольных форм в монгольских языках, составляющих парадигму уступительного наклонения, в частности, и вопрос выделения уступительного наклонения в целом, не получили удовлетворительного освещения в исследованиях по современным монгольским языкам. Вопрос об уступительном наклонении в данных языках требует тщательного анализа.

В монголоведном языкознании сложилась традиция выделения лишь двух разновидностей наклонения: изъявительного и повелительно-желательного. Однако, согласно последним исследованиям В.И. Рассадина, сложились следующие 4 наклонения со своими конкретными формами, выражающими различные виды отношений действия к действительности:

1. Темпоральное наклонение (изъявительное, индикатив, временно́е):
   а) Формы прошедшего времени.
   б) Формы настоящего времени.
   в) Формы будущего времени.

2. Модальное наклонение:
   а) Формы повеления (императив).
   б) Формы увещевания.
   в) Формы призыва.
   г) Формы желания и воли.
   д) Формы опасения и предостережения.

3. Адвербиальное наклонение (обстоятельственное):
   а) Условная форма (форма условия действия).
   б) Уступительная форма (форма уступки действия).

4. Ирреальное наклонение:
   а) Сослагательная форма [Рассадин 2011: 103].

Рамки уступительности в монгольских языках принято было очерчивать придаточным уступительным предложением, уступи-

тельным деепричастием и уступительным союзом. В объективной действительности действия чаще всего происходят не в линейной последовательности, а при выполнении / невыполнении каких-либо дополнительных условий. В связи с этим в системе языка появились специальные формы глагола, отражающие данные условия. К таким условиям в монгольских языках относятся и форма уступки действия (по В.И. Рассадину). Так, вопрос об уступительном наклонении он считает безусловно решенным:

> В бурятском языке оно образуется на базе условной формы, которая включает уступительную частицу *-шье*: *-аашье һаам*, *-аашье һааш* и т.д. Например: *Мүнөөдэр хура бороо ороошье һаа*, *бидэ дача руу ошохомнай* «Хотя сегодня и пойдет дождь, мы поедем на дачу». В халха-монгольском языке эти отношения выражены уступительным деепричастием *-вч*, в калмыцком – формой *болв чигн*, например, монг. *Чи өнөөдөр орой харьж ирэвч*, *би чамайг хүлээж байх юм* «Хотя ты сегодня поздно вернешься домой, я тебя буду ждать», калм. *Тер залху болв чигн*, *сурһулян сәәнәр сурдг билә* «Учился он хорошо, хотя и был ленив» [Там же: 102].

Одним из показателей сформированности наклонения принято считать спрягаемость аффиксов, что мы и наблюдаем на материале бурятского языка:

1 л. ед. ч. *-шье һаам*
1 л. мн. ч. *-шье һаамнай*
2 л. ед. ч. *-шье һааш*
2 л. мн. ч. *-шье һаатнай*
3 л. ед. ч. *-шье һаань*
3 л. мн. ч. *-шье һаань*

В разговорной речи произошло стяжение представленной аналитической формы, состоящей из настоящего (незаконченного) причастия на *-аа* (*-оо*, *-ээ*), уступительной частицы *-шье* и условной частицы *һаа* до *-шһаам* в 1 л. ед. ч.

В современном монгольском языке вопрос об уступительном наклонении тесно связан с вопросом о статусе деепричастных оборотов и придаточных предложений. Однако не возникает никаких сомнений, что непосредственно аффикс уступительного деепричастия в монгольском языке имеет отглаголь-

ное происхождение. Более того, данный показатель представляет собой аффикс прошедшего времени изъявительного наклонения на *-в* в сочетании с уступительной частицей *ч*. Несмотря на то, что аффикс уступительного деепричастия на *-вч* давно приобрел свой статус, при восприятии все же ощущается оттенок прошедшего времени: монг. *Цас оровч*, *гадаа хүйтэн биш* ‘Несмотря на то, что выпал снег, на улице не холодно’.

Таким образом, опираясь на понимание сути наклонения как грамматической формы, выражающей отношение действия к действительности, причем принимая широкий спектр этих отношений, включая туда не только модальность, т.е. отношение говорящего к предмету высказывания, в данном случае к действию, но и отношение ко времени действия, к реальности действия, а также маркированность этой формы и ее спрягаемость, можно прийти к выводу, что в современном бурятском и монгольском языках наряду с реальными наклонениями функционирует и адвербиальное наклонение, одной из форм которого является форма уступки действия. Несомненно, вопрос о данном наклонении все еще открыт и требует более детального анализа.

Библиография

Рассадин 2011 – *Рассадин В.И.* Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков. 2-е изд., испр. и доп. Элиста, 2011.

Лувсандоржийн БОЛД (Монголия, Улан-Батор)

Значение орхонских письменных памятников для исследований монгольского языка

Детальное изучение орхонской письменности с лексической и грамматической сторон имеет важное значение в деле освещения неясных до сих пор сторон монгольского языка.

Например, проанализируем одну фразу из «Тайной истории монголов» (ТИМ). В третьем параграфе ТИМ можно встретить такое предложение:

> *toroqoljin-bayan boroqcin-qo'a gergeitü boroldai-suyalbi jala'utu dayir boro qoyar külü'üt aqtastu büle'e* [Rachewiltz 1972: 13].

Относительно слова *külü'üt* < *külüg* необходимо отметить, что структура его состоит из *kü+lüg* (< **-lïq ~ -lik*), при этом *kü* встречается в надписях на стелах в честь мудрого Тоньюкука и сановника Кули-чура, являющихся крупнейшими памятниками древнетюркской орхонской письменности, в выражениях *kü är ökülür* (Тон. 32), где *kü är* означает 'славный муж (мужчина)', и *tabγačqa bunča süŋüsip alpïn ärdämin üčün kü bunča tutdï* (КЧ 12) 'столько сражался с табгачами, благодаря своему геройству и доблести он столь прославился'. От слова *kü* 'слава', которое встречается в вышеприведённых примерах, путём прибавления суффикса *-lik*, широко употреблявшегося в тюрко-монгольских языках [Дондуков 1988], образовали новое слово *külüg* (< *kü-lik*) со значением 'славный, знаменитый' [ДТС 326а].

В этой фразе привлекает наше внимание также слово *dayir*. На фонетическом уровне его можно сопоставлять со словом древнетюркского языка *yaγïz*. Из памятников орхонской письменности очевидно, что это слово могло обозначать масть лошади, что само по себе вызывает большой интерес:

> *kül tigin az yaγïzïn binip oplayu tigin bir ärig sančdï* [КТб 45] 'Кюль-тегин, сев на своего бурого азского [коня] и бросившись в атаку, заколол одного мужа'.

Перевод данного предложения на современный монгольский язык звучит так: *Кул тегин Азын* [*хар*] *хүрнийг унан довтлон гуйцэж* [*ирээд*] *нэгэн эрийг цавчив*.

Из памятников орхонской письменности, находящихся на территории Монголии, следует также, что слово *yaγïz* использовалось не только при обозначении масти лошадей, но и в качестве имени прилагательного с указанием на цвет – ‘бурый, темный’ [ДТС 225a].

Основываясь на вышеизложенном, приведенное нами предложение из третьего параграфа ТИМ следует истолковывать следующим образом:

> ‘Богач Тороколджин имел жену Борокчин-ко’а, слугу Боролдой-Суялби и двух славных лошадей бурой и серой [мастей]’.

По нашему мнению, это идентично описаниям героев, встречающихся в монгольском героическом эпосе.

Список сокращений

ДТС – Древнетюркский словарь. Л., 1969.

КТб – «большая» руническая надпись на стеле в честь Кюль-тегина [Болд 2011].

КЧ – руническая надпись на стеле в честь Кули-чура [Малов 1959: 25–30].

Тон. – руническая надпись на стеле в честь Тоньюкука [Болд 2010].

ТИМ – «Тайная история монголов» [Rachewiltz 1972].

Библиография

Болд 2010 – *Болд Л.* Орхон бичгийн дурсгал III (Тоньюкукийн бичээс) (= Памятники орхонской письменности III [Надпись Тоньюкука]). Улаанбаатар, 2010. (ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Монголын Алтай судлаачдын холбоо; 11.)

Болд 2011 – *Болд Л.* Орхон бичгийн дурсгал IV (Күл-тегиний бичээс) (= Памятники орхонской письменности IV [Надпись Кюль-тегина]). Улаанбаатар, 2011. (ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэн, Монголын Алтай судлаачдын холбоо; 12.)

Дондуков 1988 – *Дондуков У.-Ж.Ш.* Об аффиксе *-лиг* в монгольских языках // Проблемы монгольского языкознания: Сб. науч. тр. / Отв. ред. д.ф.н. Л.Д. Шагдаров. Новосибирск, 1988. С. 148–155.

Малов 1959 – *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.

Rachewiltz 1972 – *Rachewiltz I. de*. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972. (Indiana University Publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121.)

BENJAMIN BROSIG (Sweden, Stockholm)

Aspect, tense and evidentiality in Khalkha and Khorchin

1. Introduction

The official classification of Mongolian in China from 1978 assumes three groups, Mongolian proper, Oirat and Buriat, also a common approach in Russia. For the international level, some Mongolian scholars (e.g. Batzayaa) and the official Chinese line favour a four-level classification into Russian Oirat, Russian Buriat, Mongolian in China and Mongolian in Mongolia, deliberately misclassifying Xinjiang Oirat and Kalmyk Oirat or Shiliin gol and Northern Khalkha into separate groups. Classifications primarily guided by recent linguistic data such as the early Chinese classification by Chinggeltei almost invariably recognize at least four major groups: Buriat, Oirat, Khalkha-Chakhar and Khorchin. Table 1 indicates that the tense-aspect-evidentiality (TAE) system of Khorchin has acquired a different structure, while Oirat and Khalkha basically retained the system of Middle Mongolian (MM). In this paper, I will elaborate on the differences between the Khalkha and Khorchin verbal systems.

Table 1. Simple past tenses in MM, Oirat, Khalkha and Khorchin[1]

	Middle Mongol	**Oirat**	**Khalkha**	**Khorchin**
**-ba*	neutral	firsthand	–	–
**-jugu*	secondhand	secondhand	secondhand	neutral
**-luga*	firsthand	completed firsthand	firsthand-near (past/future)	near (past/future)
**-san*	?present perfect	–	completed	?present perfect

2. Forms

The forms of maximal predicates show that Khalkha is not a MM by other means, while Khorchin isn't either, for completely different reasons:

[1] Oirat is based on [Orulamǰab 2013]. The analysis of MM heavily draws from [Street 2009].

Table 2. Complex TAE forms in MM

stem	converb+copula	participle+copula	finite suffix
V-	*-n/-jU a-*	*-QU bü-*	*-lUGA*
	-n a-	*-GsAn a-*	*-jUgU*

Table 3. Some attested complex TAE form patterns in Khalkha

stem	CVB/PTCP+COP	PTCP/CVB+COP	PTCP+COP	finite suffix
V-	*-aad bai-*	*-j bai-*	*-san bai-*	*-na / -dag*
	-j/-san bai-	*-dag bai-*	*-san bai-*	*-na*
	-j bai-	*-san bai-*	*-dag bai-*	*-na*

Table 4. Complex TAE forms in Khorchin

stem	converb+copula	non-finite unit	finite suffix
V-	*-ad bEE-*	*-zE-*	*-z(E)* *-sen*
	-tqeg-	*-ad bEE-*	

Table 2 indicates that MM only allows for few complex markers with two copulas, and all attested forms are past. Table 3, on the other hand, indicates that Khalkha is able to express very complex present forms (in *-na* / *-dag*) with up to three instances of the copula *bai-*. Both past and present forms are possible if the copula is used twice. That is, Khalkha can use two more copulas for present forms than MM. Conversely, table 4 shows the only attested kind of more complex predication possible in Khorchin. As *-zE-* < *-z bEE-* is not an instance of the copula synchronously, one might right away argue that two copulas never occur in Khorchin. But if one accepts the form, it is similar to MM in that only past forms can be complex. While it is not directly obvious from the table, Khorchin doesn't allow particle + copula combinations in any position, thus greatly reducing the number of possible predications. The number of possible finite non-mood suffixes in positive declarative sentences differs greatly between Khalkha and Khorchin:

Table 5. Finite non-mood suffixes in Khalkha and Khorchin: finite verbal suffixes and converbs

Khalkha (2010)	*-n, -n=aa*	*-l=aa*	*-j, -j=ee*	*-aad / -aad=l*	
Khorchin (1950)	*-n, -n=a*	*-la*	*-z, -z=E*	*-ad / -ad=a*	*-sar / -sar=a*
Khorchin (2010)	*-n, -n=a*	*-la*	*-z, -z=E*	*-ad / -ad=a*	

Table 6. Finite non-mood suffixes in Khalkha and Khorchin: participles

Khalkha (2010)	*-san / -s=iin -saan / -s=iim=aa*	*-dag / -d=iin -dg=aa / -d=iim=aa*	*-h=iin -h=iim=aa*	(*-aa / -aa=n*) (*/ -aa=m=aa*)
Khorchin (1950)[2]	(*-sen*)	(*-deg*)	(*-x=in*)	
Khorchin (2010)	(*-sen*)			

As can be seen from table 5, the forms of finite verbal suffixes are morphologically identical. The forms of converbs differ slightly in that Khorchin integrated them into the paradigm of the long final vowel, while Khalkha can add *=l*. The loss of *=saar* is common to both Khalkha and Khorchin. An actual difference can be found for participles where Khalkha uses the modal clitic *=iin* (< *yum*) to great extent, while Khorchin forms such as *-sen yim* don't seem to have been contracted. Moreover, those forms that existed seem to have been phased out of use.

3. Meanings

With an overall smaller form inventory, Khorchin can make fewer explicit distinctions than Khalkha. In the expression of non-past future-genericity-habituality-progressivity, Khorchin is limited to two forms, while Khalkha has eight:

[2] The data are drawn from [Bayančoγtu 2002]. Note that the extent to which *-sen*, *-deg* and *-xin* could be used in Khorchin during the 1950s is not quite obvious, and that I am bracketing them here in a mere attempt to be conservative.

Table 7. Imperfective markers in Khalkha and Khorchin

	progressivity	**habituality**	**genericity**	**future**
Khalkha	*-jiin, -jiihiin*	*-dag, -diin*	*-n, -hiin*	
	-jaigaa, -jaigaan			
Khorchin	*-zEna*	*-na*		

In Khorchin, the difference between the two forms seems straightforward: events somehow perceived as being in progress are marked by *-zE-na*, while habitual, generic and future events only take *-na*. Whether a given real event is perceived as being in progress (possibly with breaks in-between) for a rather long time or as habitually repeating / permanent state is partly at the discretion of the speaker, so in a few cases the same state of affairs in the real world could be coded in two ways. But the system itself is very simple.

For Khalkha, the exact difference between the eight forms is still subject to ongoing research. Ignoring modal particles that can alter the range of aspectual applicability of forms (sometimes due to combinatory restrictions), evidence so far suggests that:

1. *-jiin* is used for events ongoing at the time of speaking. Breaks in-between are tolerated somewhat, but e.g. an *activity* carried out for a lifetime up to now (*nasaaraa tuslah hii-* 'to work as assistant during all of one's life') is unacceptable with this form on its own. For telic events especially with less salient duration phase (such as *ir-* 'to come'), *-jiin* can refer to approaching the telos.

2. *-jaigaa*, in contrast, is still used to mark events perceived as ongoing, but to some extent can include the past and future. *nasaaraa tuslah hiijaigaa* is perfectly acceptable, while *ineejaigaa* 'it is smiling' said about a baby just observed by a visitor is infelicitous. Events thus marked do not appear to be conceived of as consisting of distinct subevents, and there seems to be an implication that the speaker didn't witness the entire event. E.g. saying *medjaigaa* 'knows' will indicate a non first-person subject known to have this knowledge (while, in contrast, *medjiin* would refer to the speaker herself or indicate knowledge based on recent observation of somebody acting like she knows). *-jaigaa* can also be used as part of a presentational style that presents activities as atelic temporary states to a wider audience. This usage cancels the secondhand implication, i.e., speaking about one's own activities in this way becomes possible.

3. *-dag* on its own is used for events that happen repeatedly or permanently. *-dag* might not be as widely used with states as previously thought, i.e., it is not yet clear whether it can actually be designated as unrestricted non-progressive imperfectivity (as implied by [Hashimoto 1995]). Combined with other markers (e.g. with the progressive in *-jii-dag*), it can also pertain to events happening (in this case, being in progress) regularly under certain conditions. In some contexts apparently connected with surprise, regret or raising the interest of the listener, *-dag* can be used for singular activities and accomplishments. (*Bi öchigdör mashin-d yav-jai-san=chin shees hüreed bai-dag. Teg-sen=chin mashin zogso-h bol-oo=güi bai-san* 'When I was going by car yesterday, I suddenly needed to urinate. But the car hadn't arrived at its destination yet'.)

4. *-n* appears to be compatible with future readings in all non-contradictory contexts, and the use of *-n* for future meaning is further emphasized by the unambiguous future marker *-h bolon* being used only twice in an 6-hour corpus of spoken language. When discussing potential events or when explaining in a kind, engaging way, *-n* can also be used habitually or generically.

5. While the meaning of the forms in *-iin* in declaratives is still somewhat unclear, in questions, they appear to signal interest (under certain circumstances aggression) on the part of the asker, thus becoming a communicative requirement that has almost displaced the question clitic *=ve* still used in the great majority of content questions in the written language.

The discussion above didn't include the suffix *-chig-* with its allomorphs. It never combines with the progressive marker, the copula or other ways of expressing an ongoing situation. In Khorchin, it is used to express dissatisfaction or partial completion of the event or a helpful stance towards the addressee. Partial completion is a mere implicature and a helpful stance is mostly assumed when the addressee is not performing well, thus the *Gesamtbedeutung* might be dissatisfaction. Research on the Khalkha marker is still very much ongoing, but dissatisfaction is also a meaning recurrently associated with *-chih-*. Volition on the part of the subject also seems to be related.

While understanding the exact development of TAME markers in Khorchin and Khalkha would require further research, the overall areal implications are easy to see. Sizable TAME systems as

in Khalkha and the overall more conservative Oirat exhibit a structural complexity similar to that found e.g. in Chechen, and a linkage between these must exist via Turkic. On the other hand, the systems of languages neighboring Khorchin such as Manchu and north-eastern Mandarin don't integrate evidentiality marking into the core system, express tense in a simple system or not grammatically at all, and use only small inventories of aspect markers.

References

Bayančoγtu 2002 – *Bayančoγtu.* Qorčin aman ayalγun-u sudulul. Köke-qota, 2002.

Hashimoto 1995 – *Hashimoto K.* Shūkansō // Muroran kōgyō daigaku kenkyū hōkoku (bunrihen). 1995. T. 45. P. 35–67.

Orulamǰab 2013 – *Orulamǰab*. Mongγol kelen-ü torγud ayalγun-u üile ügeyin sudulul. MA thesis, pre-final version. Beijing, 2013.

Street 2009 – *Street J.C.* On the three past tense endings of early Middle Mongolian // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. 2009. Bd. 23. P. 126–159.

А.А. БУРЫКИН (Россия, Санкт-Петербург)

О критериях идентификации лексических заимствований в лексикологии, общей компаративистике и алтаистике

Проблема лексических заимствований для сравнительно-исторического изучения алтайских языков более чем актуальна в нескольких аспектах. Первый и самый главный аспект до конца XX в. – ответ на главный вопрос о причинах лексических сходств алтайских языков: «Общее наследие или заимствования?». Второй аспект – взаимоотношения отдельных групп алтайских языков и межгрупповые заимствования как проявления их взаимодействия в диапазоне той лингвистической истории, которая известна нам по поверхностным групповым реконструкциям или письменным памятникам. Третий аспект – изучение взаимодействий алтайских языков с неалтайскими языками, в том числе и как источник данных по истории отдельных групп алтайских языков (проблема, разрабатываемая в основном для тюркских языков, но не менее значимая для тунгусо-маньчжурских). Четвертый аспект – выявление и исследование тех межгрупповых заимствований внутри алтайской общности, которые документируют неизвестные ныне языки. Это по существу *terra incognita* для алтайских языков, несмотря на большой объем примеров нарушения межъязыковых соответствий внутри тюркских или монгольских языков, не говоря уже о нетривиальных сходствах между словами разных групп алтайских языков, которые остаются незамеченными.

Нет сомнений в том, что самая систематика направлений изучения заимствованной лексики в алтаистике зависит от решения определенных сверхзадач, которые ставят для себя исследователи. Для «контралтаистов», стремившихся не столько выяснить генетические связи монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков, сколько показать на основе формальных близких сходств совпадающих лексем и несходств в номинационной составляющей «базисной лексики», третий аспект проблемы терял значимость и сводился к изучению культурных контактов по

лексическим данным, четвертый же аспект игнорировался вовсе – так, коррекцию того суммарно-тюркского состояния, которое было представлено А.М. Щербаком [Щербак 1970], было невозможно себе представить, хотя она вполне осуществима по фактам тех же тюркских языков и тем более по фактам тюрко-монгольских корреспонденций (логика понятна: любые подвижки и даже простое исправление допущенных ошибок в групповых реконструкциях неизбежно выводили бы на проблематику родства). Для антиалтаистов (С.Е. Яхонтов, А.В. Вовин), проявлявших скепсис в отношении внутреннего родства алтайских языков, но допускавших существование ностратической макросемьи, и для «ортодоксальных» алтаистов вопросы о заимствованиях внутри алтайских языков были более чем актуальными как в плане выявления самих фактов и дезавуирования соответствующих примеров для реконструкции на уровне семьи, так и в плане использования данного материала для верификации и совершенствования групповых реконструкций. Не случайно Б.Я. Владимирцов и Н.Н. Поппе написали об очевидных заимствованиях внутри алтайских языков едва ли не больше, чем «контралтаисты» вместе взятые, а такая работа, как книга А.В. Дыбо, целиком посвященная заимствованиям [Дыбо 2007], могла быть написана только с позиций ортодоксальной алтаистики, где средством контроля описания выступает по материалу знание родственных и неродственных отношений языков и языковых групп, а по системе – реконструкция на уровне семьи в ее известных вариантах и проявление этой реконструкции (опять же в системе вариантов) в виде реконструкции пратюркского и общетюркского состояния.

Проблемы критериев определения лексических заимствований внутри алтайских языков обсуждались неоднократно (см., напр. [Щербак 1997; Рассадин 2007; Новгородов 2009]). Однако вопрос о критериях выявления заимствований и установления направлений заимствований в работах этих авторов отвечал даже не столько достигнутому на то или иное время уровню знаний об истории алтайской семьи и отдельных групп входящих в нее языков, сколько задачам авторов и лишь отчасти – уровню изученности лексики отдельных групп алтайских языков или отдельных языков в исторической перспективе.

Так, В.И. Рассадин вслед за А.М. Щербаком перечисляет следующие критерии идентификации заимствований: 1) основной (внешнее совпадение), с поддержкой в этимологии; 2) фонетический (пример – ротацизм); 3) морфолого-этимологический (наличие мотивировки в языке-источнике); 4) критерий исконности (на фоне явных замен в языке-реципиенте); 5) семантический критерий; 6) калькирование [Рассадин 2007: 22 и сл.]. Все они требуют комментариев: а) совпадение звучания слов может быть результатом одинаковой эволюции (так, эвенк. *конг-но-рин* ‘черный’ указывает на архетип **kongro* ~ **kangra* с одинаковыми рефлексами **kara* для общемонгольского и общетюркского состояний, и дискуссия о направлении заимствования тут теряет смысл); б) критерий идентификации внешнего облика слова с известными вариантами облика слова не может ограничиваться минимумом, документированным групповыми реконструкциями, и должен включать все возможные проявления дисперсии облика слов, в том числе и соотносительные с недокументированными языками; в) экспликация структуры слова есть надежный критерий его языковой принадлежности языку-источнику, но только если этимология не является придуманной, а словообразовательная интерпретация – сомнительной; г) критерий исторического анализа синонимического ряда реально эффективен, если учитывать то, что явные производные более претендуют на инновации, нежели сходные первообразные лексемы; д) любые несовпадения в семантике заимствований являются аргументом скорее против фактов заимствования, нежели в их пользу, ибо дифференциация значений есть обычное проявление процесса языковой дивергенции, и соответственно, логичнее трактовать как иллюстрации заимствований все то, что ей не соответствует, а отнюдь не факты несовпадений в семантике; е) кальки как проявление параллелизма внутренней формы являются красивым аргументом для указаний на заимствования, если только речь не идет о хорошо известных семантических переносах – изосемантических рядах (С.С. Майзель) или параллельных синонимических рядах (В.И. Цинциус). Реально ни один из пяти критериев определения заимствований, использовавшихся в алтаистике, не дает стопроцентной гарантии факта и направления заимствования – обнаруживается масса случаев,

когда те или иные критерии не срабатывают; кроме того, оперирование одним-двумя критериями из нескольких предлагаемых (когда другие неприменимы или не срабатывают), на наш взгляд, методически некорректно.

В нашей работе предлагается новая система признаков и свойств лексических заимствований в словарном составе языков и групп языков, призванная иметь универсальный характер: для того, чтобы лексические схождения можно было признавать заимствованиями и определять их направление, единые критерии должны действовать для такого материала, как тюркизмы и иные ориентализмы (и не только ориентализмы) в русском языке, арабизмы в турецком, романская лексика в английском, европейские заимствования в корейском и японском, финно-угорские заимствования в русских говорах, монголизмы в тюркских языках и тюркизмы в монгольских языках, якутизмы в тунгусо-маньчжурских языках и тунгусо-маньчжуризмы в якутском и т.д.

Из числа критериев идентификации заимствований, предлагаемых нами, наиболее важны следующие: 1) единство ареала заимствования и контактной зоны в известных хронологических границах [Насипов 2010: 15–16] (можно сколько угодно спорить о направлении заимствований эвенк. Брг. *укар* ‘журавль’ и бур. *ухара* ‘цапля’ (в других монгольских и тунгусо-маньчжурских языках этих слов нет; спор обессмысливается наличием турецкого *okar* ‘выпь’, максимально удаленного от точки тунгусско-монгольского контакта); 2) типовой характер фонетической структуры заимствованного слова (примеры – японские или тюркские слова в русском и европейских языках); 3) сходство или тождество фонетической структуры слова от первого до последнего звука (с коррекциями на субституцию или позднейшие процессы); 4) соответствие языку-источнику в историко-фонетической перспективе его места в своей группе языков или системе дивергенций данной группы, даже если подобный язык отсутствует среди живых языков или памятников (пример последнего – слова с согласным *ч* на месте интердентального *D* в тюркских заимствованиях маньчжурского языка типа *хучин* ‘колодец’); 5) тождество основных значений слов (любое несовпадение значений трактуется иначе, если не известны реальные причины изменения семантики, как в русских названиях мастей ло-

шадей, соотносимых с тюркскими цветообозначениями); 6) системность заимствования слов данной лексико-семантической группы, поддерживаемая неединичностью заимствования слов данной группы (нарушения этой закономерности, как и несоотносительность систем значений, трактуются в пользу проявления признаков родства); 7) мотивированность слова в языке-источнике при ее отсутствии в языке-реципиенте [Дыбо 2007: 4] (только для производных слов и при недопустимости подмены словообразовательного анализа этимологическим); 8) кардинальные различия словообразовательных гнезд в языке-источнике и реципиенте; 9) ограниченная словообразовательная продуктивность заимствованных основ; 10) непродуктивность или специфическая продуктивность заимствованных словообразовательных элементов.

Практика показывает, что наиболее надежным и эффективным критерием идентификации и анализа направления заимствований является соотнесение вариантов слова в языке-источнике и языке-реципиенте с групповыми реконструкциями последних и при фактах потенциальных межгрупповых заимствований – с вариантами фонетической реконструкции на уровне семьи. Этот подход позволяет с большой точностью идентифицировать заимствования даже на уровне праязыка. Так, тюрк. **a:s* ‘горностай’, не имеющее явных параллелей в других алтайских языках, соотносится с эвенк. *амсир* и як. *амсыыр* ‘id.’, но соотносится таким образом, как соответствуют друг другу явно общеалтайские слова (см. [Бурыкин 1999]), а не как заимствования – однако это слово, видимо, не является общеалтайским при всех гипотезах: ср. чук. *эмчачокалгын* ‘горностай’, близкое к форме, предполагаемой для общеалтайского состояния.

Материал межгрупповых и ранних междиалектных заимствований в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, а также материал заимствованной лексики в контексте тунгусо-маньчжуро-нивхских языковых контактов дают множество примеров для иллюстрации положений доклада.

Библиография

Бурыкин 1999 – *Бурыкин А.А.* Роль монгольских языков для алтаистических исследований // История развития монгольских языков. Улан-Удэ, 1999. С.19–42.

Дыбо 2007 – *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд; Пратюркский период. М., 2007.

Насипов 2010 – *Насипов И.С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: Синопсис и таксономия: Автореф. док. дис. Казань, 2010.

Новгородов 2009 – *Новгородов И.Н.* Якутско-эвенкийские языковые взаимосвязи: Автореф. док. дис. Казань, 2009.

Рассадин 2007 – *Рассадин В.И.* Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Элиста, 2007. Ч. 1: Тюркское влияние на лексику монгольских языков.

Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Щербак 1997 – *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997.

Д.Б. ГЕДЕЕВА (Россия, Элиста)

Форманты множественного числа в языке калмыцких законодательных памятников XVII–XIX вв.*

Материалом данного исследования послужили калмыцкие законодательные памятники *yeke ca:ǰi* ‘Великое уложение’ (1640 г.), *šaǰin töröyin zarčim* ‘Духовные и светские законы’ (сер. XVIII в.) и Зинзилинские постановления (1882 г).

Несмотря на то, что язык указанных памятников имеет свои особенности, передающие официально-деловой стиль, он отражает общее состояние языка того времени, что делает эти памятники важными и необходимыми источниками для изучения истории развития калмыцкого языка.

Предметом данного исследования послужили форманты множественного числа, встречающиеся в указанных памятниках.

Следует отметить, что в современном калмыцком языке и в рассматриваемых источниках суффиксы множественного числа одни и те же: *-нр* (*-nar / -ner / -nor*), *-д* (*-d*), *-с* (*-s*), *-уд / -үд* (*-uud / -üüd*), *-муд / -мүд* (*-muud / -müüd*). Однако в исследуемых правовых текстах можно отметить интересный факт: только наименования сословий и в одном случае родственных отношений имеют форму множественного числа. Множественность же предметов, отражающая размер штрафа, передается сочетанием числительного с существительным в единственном числе: *arban teme:n* ‘десять верблюдов’, *zoun xuyaq* ‘сто панцирей’, *mingγan adoun* ‘тысяча лошадей’ и т.д. Наименования предметов, являющихся объектом преступления, чаще всего кражи, переданы также в единственном числе.

О том, что в монгольских языках неодушевленные имена редко встречаются во множественном числе, писал еще А.А. Бобровников в своей «Грамматике монгольско-калмыцкаго языка» [Бобровников 1849].

Наиболее употребительным суффиксом в данных текстах является ***-nar / -nor / -ner***. Этот формант пишется после основ,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-04-00553а.

оканчивающихся на гласный звук: *blama-nar* ‘ламы’, *bandi-nar* ‘пандиты’, *corǰi-nor* ‘цорджи’, *kötöči-nör* ‘слуги, конюхи’, *ka:-nar* ‘телохранители’, *manǰi-nar* ‘послушники’, *tayiǰi-nar* ‘тайджи’, *demči-ner* ‘демчи, старосты сорока кибиток’, *zarγači-nar* ‘судьи’, *naγaca-nar* ‘родственники по матери’.

Суффикс ***-s*** также присоединяется к словам, оканчивающимся на гласный. Однако это не названия сословий, а слова, характеризующие представителей сословий: *yeke-s* ‘главные’, *erke-s* ‘держащие власть, начальники’.

Суффикс ***-d*** пишется со словами, имеющими конечный согласный *-n*: *noyo*(*n*)*-d* ‘нойоны, владельцы’, *sayi*(*n*)*-d* ‘сайды, чиновники’, *eze*(*n*)*-d* ‘владельцы, хозяева’, *kümü*(*n*)*-d* ‘люди’.

Н.Н. Поппе предполагал, что в одном из прошлых состояний монгольского языка ***-***nar, *-d*, *-s* являлись, прежде всего, не суффиксами множественного числа, а словообразовательными формантами, обозначающими группы, коллективы, притом преимущественно социальные группы. Отсюда отдельные индивиды, входящие в эти социальные группы, тоже обозначались этими же формами. Он считал, что это объясняет употребление двойных суффиксов множественного числа (*noyo*(*n*)*-d-oud* ‘нойоны, владельцы’, *sayi*(*n*)*-d-oud* ‘чиновники’, *ka:-nar-muud* ‘телохранители’[3]), где «второй формант является действительно формантом множественного числа» [Поппе 1933: 66].

Его слова можно подтвердить примером из других письменных памятников, где встречается слово *nayiǰi-nar* ‘супруга’, по-видимому, образованное от слова *nayiǰi* ‘друг’. В современном калмыцком языке слово *күүкн* имеет значение ‘девочка; девушка’, а словосочетание *күүк*(*н*)*-д күн* – ‘женщина’.

Высказанное в этой же работе [Там же: 67] предположение ученого о том, что формант *-nar* использовался в словах для обозначения социальной группы вышестоящей, а форманты *-d* и *-s* обозначали группу нижестоящую, по нашим материалам не подтверждается.

Суффикс ***-uud*** присоединяется к словам, оканчивающимся на согласные *-q* и *-ng* (*-ŋ*). Перед заднерядными гласными согласный *q* превращается в *γ*: *xuvaraq–xuvaraγ-uud*. После согласного

[3] Примеры наши.

ng перед суффиксом *-uud* появляется интерфикс *γ*: *zayisang-γ-uud* ‘зайсанги’, *tabanang-γ-uud* ‘табунанги’, *dgeslong-γ-uud* ‘гелонги’.

Встретился также вариант этого суффикса ***-üüs***, характерный для торгутского диалекта: *šüülüng-g-üüs* ‘шуленги’. В торгутском диалекте вместо суффикса множественного числа *-д* произносится *-с*: *көвүс* ‘мальчики, юноши’, *күүкс* ‘девочки’, *модс* ‘деревья’ и т.д. В данном случае вместо суффикса *-üüd*, вероятно, имеет место торгутское *-üüs*.

С суффиксом ***-muud / -müüd*** встретилось только одно слово: *gecül-müüd* ‘гецюлы, монахи, принявшие 36 обетов’.

Слово ***noγoud***, представляющее собой показатель множественного числа, встретилось один раз: *xuraltan noγoud* ‘служители монастыря’.

Библиография

Бобровников 1849 – *Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкаго языка. Казань, 1849.

Поппе 1933 – *Поппе Н.Н.* Вопросы грамматики монгольского языка // Записки Института Востоковедения АН СССР. 1933. Т. 2, вып. 2. С. 51–68.

Г.А. ДЫРХЕЕВА (Россия, Улан-Удэ)

Буряты и бурятский язык в зеркале статистики

По данным переписи 2010 г., в Республике Бурятия (РБ) проживали представители более 100 национальностей, из них русские – 630783 (66,1 %), буряты – 286839 (30 %), украинцы – 5654 (0,6 %), татары – 6813 (0,7 %), сойоты – 3579 (0,4 %), эвенки – 2974 (0,3 %). Основная масса носителей бурятского языка проживает в Российской Федерации, из них на территории РБ – 61%, а в сумме в трех бурятских субъектах РФ (Республике Бурятия, национальных округах Иркутской области и Забайкальского края) – 83,5%. За рубежом они компактно проживают в Монголии (около 60 тысяч человек) и Китае (около 6000 человек).

Республика отличается высокой степенью неоднородности расселения. На ее территории расположено 6 городов, 17 поселков городского типа и 273 сельских поселения. В этническом плане она гетерогенна, преимущественно здесь проживают русские и буряты, которые составляют подавляющее большинство населения (96,1 %). На данный момент в 7 (из 22) районах большинство составляют буряты: в Курумканском (65,4 %), Закаменском (63,2 %), Тункинском (62,8 %), Кижингинском (59,1 %), Еравнинском (54,1 %), Иволгинском (52,3 %) и Окинском (49 %) районах. По территории республики они расселены неравномерно, чему способствуют привычные места обитания и традиционный уклад жизни в быту и хозяйстве. Согласно Концепции государственной национальной политики РБ, коренными народами республики являются русские, буряты и эвенки.

По данным переписи 2010 г., городское население в республике составляло 58,4 %, сельское – 41,6 %. Основная масса городского населения проживает в г. Улан-Удэ, столице республики (из 447,4 тысяч – 404,4 тысячи). Город Улан-Удэ построен в конце XVII в., на протяжении почти трех столетий являлся оплотом российской урбанизации. Даже в начале XX в. численность бурятского населения в городе (в 1904 г. – 90 человек, 10 юрт) уступала не только русскому населению, но даже евреям, полякам и китайцам. В середине XX в., с развитием образования, науки и культуры, число бурят в столице начало увеличиваться.

На сегодня их численность в Улан-Удэ составляет около 117 тысяч человек, это примерно 30 % от общего числа жителей города. По данным статистического сборника, в 1994 году родным из них признали бурятский язык 78,3%, русский – 21,7%. За 50 лет число бурят в столице Бурятии увеличилось более чем в 6 раз, с 5–7 % в 1950–60-х гг. до почти 30 % в 2000-е гг. Доля бурят среди улан-удэнцев продолжает расти. Этому способствует приток сельского (в большинстве своем бурятского) населения в пригороды Улан-Удэ и отток русского населения за пределы Бурятии.

Основными компонентами языковой ситуации Республики Бурятия являются русский и бурятский языки. В целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении: от русского языка, который применяется во всех сферах общения, до украинского, эвенкийского, немецкого и других языков, которые используются только в быту. Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком, незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается.

По данным переписи 1989 г., родным признали бурятский язык 89,4 % жителей республики бурятской национальности, а в 2010 г. – 81,8 %. Однако фактически, как показывают социолингвистические исследования, уровень владения родным языком гораздо ниже, и можно констатировать постоянное ухудшение ситуации по разным показателям, в том числе, по признанию того или иного языка родным, в среднем на 3 % каждое десятилетие.

В настоящее время бурятский языковой ландшафт характеризуется наличием достаточно развитого литературного бурятского языка, в основе которого лежат диалект хоринских бурят, старомонгольский язык, бурятский фольклор, а также ряда диалектов и говоров, которые в основном функционируют в бытовой сфере, и разговорного языка, занимающего промежуточное положение между бурятским литературным языком, диалектами и русским языком.

Особенностью современной национально-языковой ситуации в республике является то, что впервые в истории бурятского народа бурятский язык приобрел юридический статус. Основными государственными документами по юридическому статусу бурятского языка являются Конституция Республики Бурятия (статья 67), принятая 22 февраля 1994 г., и закон «О языках народов Республики Бурятия» (статья 1), принятый 10 июня 1992 года, согласно которым русский и бурятский языки были признаны государственными языками.

Принятый закон направлен на укрепление позиций бурятского языка, он предусматривает кардинальное расширение функционирования государственного бурятского языка во всех сферах, поддающихся правовому регулированию; особое внимание, как и в большинстве республиканских языковых законов, уделено области образования, поскольку оно должно обеспечить преемственность поколений, воспитание у молодежи любви и уважения к собственной культуре и языку, языку и традициям других народов.

По переписи 2002 г., когда впервые в вопросник был включен вопрос о владении языками, 98,6 % граждан РБ ответили, что владеют русским языком. Вторым государственным языком республики, бурятским, владели 23,6 % (при этом доля бурят в РБ составляла 27,8 %, т.е. можно сказать, что, с небольшой долей погрешности, около 4 % бурят не владели родным языком). Из других языков наиболее распространенными являлись английский – 3,8 %, немецкий – 1,2 %, украинский – 0,6 %, татарский – 0,4 %, французский – 0,4 %, китайский – 0,2 %. При этом 13238 человек (1,3 % всего населения РБ) ответили, что не владеют русским языком, из них около 1 % (978 человек) русских, более 4 % (10585 человек) бурят, 38 % китайцев, более 20 % корейцев, около 9 % сойот, более 1% эвенков.

В 2010 г. доля положительно ответивших на вопрос о владении русским языком выросла с 98,6 % до 99,7 % от общего числа ответивших на вопрос о владении языками. Доля же положительно ответивших на вопрос о владении бурятским языком существенно снизилась – до 13,7 % всех граждан РБ. Каждым из трех языков – украинским, китайским, татарским – владеют около 0,3 % опрошенных.

В 1989 г. 99,9 % русских РБ назвали русский язык своим родным языком, 146 человек (0,02 %) ответили, что владеют им как вторым языком, 2048 (0,3 %) ответили, что владеют бурятским как вторым языком, при этом 111 человек признали бурятский язык родным. 89,4 % бурят признали родным бурятский язык, при этом 73,6 % своим вторым языком признали русский язык («свободно владею вторым языком»). 4002 (1,6 %) человека ответили, что владеют своим бурятским языком как вторым. Третья самая многочисленная этническая группа – украинцы (22868 человек). Половина из них признала родным язык своей национальности, а вторая половина родным признала русский язык, 18 человек ответили, что владеют как вторым бурятским языком. Более половины (56,4 %) татарского населения республики признала родным свой татарский язык, 42,5 % – русский, 110 человек (около 1 %) – бурятский, при этом владеют им как вторым 184 человека (1,2 %). Почти половины эвенков (из 1679 человек) признали родным русский язык, 74 человека – бурятский. Русским языком как вторым из них владели более 45 %, бурятским – около 3 %.

По данным переписи 2002 г., бурятским языком в республике владели 81,4 % бурят, 0,7 % русских, 10,2 % татар, 95,8 % сойот, 19,6 % эвенков, 0,4 % украинцев. Эвенкийским языком владело 32,4 % эвенков.

Существенное снижение доли владеющих бурятским языком наблюдается в 2010 г. не только среди самих бурят (43,6 %), но и среди русских – 0,4 %, татар – 6,6 %, сойот – 92,3 %, эвенков – 4,2 % эвенков, украинцев – 0,2 %.

В 2010 г., как отмечено выше, демографическая мощность русского языка выросла: только 102 человека (менее двух сотых одного процента) русской национальности, 2315 бурят (0,75 %), татары – 7 человек, украинцы – 3, сойоты – 284, эвенки – 1 человек, ответили, что не владеют русским языком.

KOICHI HIGUCHI (Japan, Matsuyama)

Linguistic and philological value of Mongolian Buddhist works*

0. Introduction

Most of Mongolian Buddhist works were firstly translated into Mongolian in the 14th century when Buddhism was introduced into the Mongols by the Uighurs, but they are missing today. At our hand are only their modern versions revised after the 17th century when the Tibetan Buddhism was said to be secondly introduced. However, careful examinations into their lines enable us to assume that the revisions were not so exhaustive that we find many archaic forms of much linguistic value as well as many mistaken forms there, which can give us a well-founded conjecture as to how Mongolian Buddhist works were translated and had been transmitted from generation to generation.

1. Mongolian versions of *Ratnajāli*

Spotlighted below are the Mongolian versions of *Ratnajāliparipṛcchā* or *Qutuγ-tu erdeni tour-tu-yin öčigsen neretü yeke kölgen sudur*. We have a manuscript and four printings of it, which can be classified into three groups, A, B and C, in terms of philological as well as linguistic features[4]. Though they all are productions of the modern period, we find many archaisms in their lines; worth noting is Pre-classical orthography *-qi-*, as well as forms like

* This study is supported by Grants-in-Aid for Scientific Research (C) by Japan Society for the Promotion of Science 2010–2012 and 2013–2015.

[4] Version A is a manuscript which belongs to the Hedin Collection of the Swedish Ethnographical Museum [Aalto 1954: 81]. Version B consists of another manuscript of the Collection and two Peking xylographs [Heissig 1954: 10, 47]. Version C is a Kanjur version [Ligeti 1942–44: 244]. Only the last mentioned has a colophon in which it was described that this one was a revision of the translation by Unükü-tü bilig-tü tai güüsi, who was a real historical figure performing central roles in the publication of the Mongolian Kanjur under the reign of Ligdan Qan of Chaqar in the 17th century.

büsire- ‘to believe in’, *güre-* ‘to beg’, *ǰilmaγan* ‘soft’, *siγun* ‘voice’, *bilge bilig* ‘prajñāpāramitā or perfect wisdom’, *quvraγ* ‘monk’ and so forth, all of which are quite rarely attested even in the literature of the middle period.

2. Archaisms in *Ratnajāli*

Here we presented an example of *-qi-*. This orthography, peculiar to Pre-classical Written Mongolian, cannot be found in the modern literature and even in the middle period its equivalent *-ki-* was predominant, so we can utilize it as an index of the age of production of manuscripts or printings. We attest *-qi-* 16 times in A but they all are replaced with *-ki-* in the other two versions. Given below is the 35th verse[5];

<35-ab>
A *ked ba doloγan edür söni : bürin ilaγuγsan-u ner-e-yi baribasu :*
B *ked ba doloγan edür söni : bürin ilaγuγsan-u ner-e-yi baribasu :*
C *ked ba doloγan edür söni : bürin ilaγuγsan-u ner-e-yi baribasu :*
<cd>
A *burqan-a sayisiyaγdaγsan qiǰaγalal ügegü : teyin büged ariγun nidü-tü boluyu ::*
B *burqan-a sayisiyaγdaγsan kiǰaγalal ügegü : teyin büged ariγun nidü-tü boluyu ::*
C *burqan-a sayisiyaγdaγsan kiǰaγalal ügegü : teyin büged ariγun nidü-tü boluyu ::*
“Anyone who, for seven days and nights consecutively, has been reciting the holy name of the Conquered, namely Buddha, will be praised by Buddha and have limitless and perfectly clear eyesight given.”

These forms can convince us that the original of A was produced in the middle period and B as well as C was a modern revision. But different from typical middle period works such as *Bodhicaryāvatāra*, a masterpiece of Chos kyi ’od zer, *Ratnajāli* has not a few mistakes in the lines which cannot be supposed to have made by well-versed monks.

[5] This work consists of 195 stanzas and prose. The manner of citation adopted here is the same as that in [Higuchi 1994]. See the introductory remarks of the second part of the monograph.

3. Mistakes and their implications

The contrast in the second stanza is worthwhile to note: A and B *lingqu-a* ‘lotus’ vs. C *degedü-yin* ‘of the superior, sacred.’

<0047-ab>

A *ende ibegel-ün ner-e-yi sonosbasu : masida čiγuluγsan* ***linqu-a*** *egesig-tü :*

B *ende ibegel-ün ner-e-yi sonosbasu : masida čiγuluγsan* ***lingqu-a*** *egesig-tü :*

C *ende ibegel-ün ner-e-yi sonosbasu : masida čiγuluγsan* ***degedü-yin*** *egesig-tü :*

<cd>

A *samadi-yi ödter olqu bol-un : költi erdem-üd-i sayitur daγurisqayu ::*

B *samadi-yi ödter olqu bolun : költi erdem-üd-i sayitur daγurisqayu ::*

C *samadi-yi ödter olqu bolun : költi erdem-üd-i sayitur daγurisqayu ::*

“If they heard here the name of the Savior, namely Buddha, it would be sound as the voice of assembled lotus (sic!), and helping them obtain *dhyāna* quickly, it would glorify the limitless virtue.”

The phrase ‘the voice of lotus’ which is almost meaningless has no equivalent in the Chinese version or the Tibetan one. The fact that its Tibetan counterpart is *dam pa* ‘holy’ makes us to conclude that in A and B this form must be misread as *pad ma* ‘lotus’ and only in C this mistake is corrected. However, even C is not free from such careless mistakes, although we have no space to present them here.

With these facts presented so far at our hand we can suppose that the Mongolian *Ratnajāli* was originally translated from the Tibetan original in the 14th century in haste by monks not so acquainted with Tibetan and that the original had been transmitted from generation to generation with careless revisions and linguistic modernizations. These facts also warn us that colophons are not always trustworthy.

References

Aalto 1954 – *Aalto P.* A Catalogue of the Hedin Collection of Mongolian Literature // Contributions to Ethnography, Linguistics and History of Religions: Reports from Scientific Expedition to the North-West Provinces of China under the Leadership of Dr. Sven Hedin. Stockholm, 1953. P. 67–108. (Publication 38:8: Ethnography; № 6.)

Heissig 1954 – *Heissig W.* Die Pekinger lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache: Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Wiesbaden, 1954. (Göttinger Asiatische Forschungen; Bd. 2.)

Higuchi 1994 – *Higuchi K.* The Mongolian *Ratnajālipariprcchā*: Introduction, Texts, Translations and Notes. Tokyo, 1994. (*in Japanese*)

Ligeti 1942–44 – *Ligeti L.* Catalogue du Kanǰur mongol imprimè. Budapest, 1942–1944. (Bibliotheca Orientalis Hungarica; Vol. 3.)

JUHA JANHUNEN (Finland, Helsinki)

On Para-Mongolic vs. Pre-Proto-Mongolic loanwords in Jurchen-Manchu

The Tungusic languages incorporate a large number of Mongolic loanwords. Most of these were reviewed by G. Doerfer [1985], who showed that their distribution indicates a gradual infiltration of Mongolic lexicon into Tungusic, with the smallest number of Mongolisms being present in geographically marginal idioms such as Western Ewenki and Ewen. The majority of the loanwords are Post-Proto-Mongolic borrowings into Post-Proto-Tungusic, that is, into the various individual Tungusic languages and dialects. There is also a small corpus of items shared by Proto-Mongolic and Proto-Tungusic, for which the direction of borrowing is more difficult to establish. Ultimately we cannot rule out that there are a few items shared on a genetic basis, though evidence for a binary genetic connection between Tungusic and Mongolic in the context of a distinct language family ("Khinganic") is still very scarce [Janhunen 1996].

Many Mongolic loanwords are present in only a single Tungusic language. In most of such cases, it is not difficult to point out the Mongolic source. It is, for instance, natural that Barguzin Ewenki has borrowed many words from Buryat, but also from Khamnigan Mongol and/or Dagur [Khabtagaeva 2010]. The only really problematic cases are offered by the Jurchen-Manchu lineage, which has a considerable number of Mongolic elements not present in the other Tungusic languages. Although many of the Mongolisms in later Manchu can be directly related to Post-Proto-Mongolic sources, there are also items that are conspicuously "different" from their Mongolic counterparts. Interestingly, many of these items were not included in Doerfer's corpus. They are discussed by W. Rozycki [1994], but his conclusions are rather laconic.

Manchu, or Jurchen-Manchu, is notoriously the most "aberrant" Tungusic language, in some respects looking even "non-Tungusic" [Vovin 2006]. Many of the idiosyncracies of Manchu can be explained by assuming interference from Mongolic and Chinese, and the general impression is that most of the specific features of Manchu are innovations — typically, losses of morphological com-

plexity, though it has also been maintained that the morphological "simplicity" of Manchu may in some cases be an archaic retention [Alonso de la Fuente 2011]. However this may be, there has historically been one additional neighbouring language whose influence on Jurchen-Manchu has not been studied in detail — for the reason that the language is extinct. This language is, of course, Khitan, but when speaking of Khitan we also have to consider the possibility that it was only one of several "Khitanic" languages once spoken in the western neighbourhood of Jurchen.

Recent progress in the decipherment of the Khitan Small Script, as summarized by D. Kane [2009], has confirmed that Khitan was a distinct language, related to Mongolic, but clearly separate from the Proto-Mongolic lineage, from which all the other historical and modern Mongolic languages have evolved. Khitan is therefore best classified as "Para-Mongolic", meaning that it represented a branch collateral to Proto-Mongolic. Since Khitan was the language of a powerful ethnic group, or tribal union, which established the Liao dynasty of Manchuria (907–1125), it must have exerted considerable influence on Jurchen, whose speakers followed the Khitan as rulers of Manchuria under the subsequent Jin dynasty (1115–1234).

We do not know when the Proto-Mongolic and Para-Mongolic lineages were separated from each other, but judging by the differences between Khitan and "regular" Mongolic, the separation must have taken place at least several centuries before the founding of the Liao dynasty, possibly even earlier. We do know, however, when, approximately, the Khitan language became extinct. It was still widely used and even written during the Jin dynasty, and there were Khitan individuals serving under the historical Mongols during the Yuan dynasty (1279–1368). However, there does not seem to be any unambiguous information on Khitan speakers during the Ming dynasty of China (1368–1644), suggesting that, very probably, the language died out already before the new rise of the Jurchen under the name Manchu (1616).

This means that Jurchen-Manchu is likely to have undergone three types of linguistic influence from Khitan, corresponding to the different historical constellations. At the first stage, when the Khitan and the Jurchen coexisted in Southern Manchuria as two distinct ethnic groups, geographically separated by the Liao river [Janhunen 2008],

the influence must have been mainly of the adstratal type. At the second stage, when the Jurchen were subjects of the Liao empire, Khitan is likely to have left traces of superstratal influence on Jurchen. At the third stage, when the political roles were reversed, part of the remaining Khitan speakers were gradually absorbed into the Jurchen speech community leaving, very probably, some traces of substratal influence. Of course, Khitan speakers abandoned their language also in favour of Chinese, as well as, after the rise of the historical Mongols, in favour of "regular" Mongolic.

The Proto-Mongolic lineage seems to have differentiated from Para-Mongolic by way of gradual diffusion towards the north. While the Khitan speech community remained in the original Mongolic homeland in Southwestern Manchuria, the new Proto-Mongolic homeland, from where the historical Mongols started their expansion, was located in Northwestern Manchuria. In the intermediate zone there may have been transitional idioms: we do not know, for instance, what type of Mongolic was spoken by the Tatar confederation, which occupied the territory between the Khitan and the Mongols. Even so, in view of the considerable difference between Khitan and Proto-Mongolic, the linguistic boundary between the two branches is likely to have been sharp, and the two types of Mongolic are unlikely to have been mutually intelligible.

The Jurchen homeland seems to have been located in Southeastern Manchuria (probably extending to Northern Korea), from where the language expanded also to Central Manchuria. It is, therefore, likely that direct contacts between Jurchen-Manchu and the Proto-Mongolic lineage were initiated only after the rise of the historical Mongols. Prior to this period, the Mongolic contacts of Jurchen were limited to Khitan, as well as, possibly, to other Para-Mongolic languages. However, the contacts between Tungusic and Mongolic date back to even earlier times, and irrespective of whether the two language families are ultimately mutually related or not, they contacted with each other already at the level of pre-protolanguages.

We must, consequently, assume that Jurchen-Manchu incorporates three chronological layers of Mongolic influences, deriving from Pre-Proto-Mongolic, Para-Mongolic, and Post-Proto-Mongolic, respectively. In the absence of unambiguous diagnostic features it is not always easy to distinguish between these layers. Even so, items

belonging to the Post-Proto-Mongolic layer can often be identified on the basis of formal or semantic criteria, while items belonging to the Pre-Proto-Mongolic layer are at least potentially revealed by their distribution, which can extend from Jurchen-Manchu also to the other Tungusic languages. The best candidates for Para-Mongolic loanwords are those that are attested only in Jurchen-Manchu, and that, at the same time, show features deviating from the Proto-Mongolic lineage. Para-Mongolic loans in other Tungusic languages are likely to have been transmitted by Jurchen-Manchu.

The linguistic interaction between Para-Mongolic and Jurchen concerned, of course, not only the lexicon, but also structural features, including, perhaps most importantly, phonological developments. Unfortunately, although we know relatively well how Jurchen-Manchu developed from Proto-Tungusic, our understanding of the history of Khitan is still very imperfect, and, in particular, we have no information on how substantial the difference between Khitan and the possible other Para-Mongolic languages may have been. In this situation, it is not always clear whether the special features, especially phonological ones, exhibited by a Mongolism in Jurchen-Manchu are due to internal developments in Jurchen-Manchu, or to developments that had taken place already in the Para-Mongolic donor language.

In many cases, the most difficult distinction to make is that between a Para-Mongolic and a Pre-Proto-Mongolic source language. In this respect, the recent growth of information on Khitan has turned out to yield unexpected results, in that certain formally aberrant items that otherwise would look like good candidates for Para-Mongolic borrowings in Jurchen-Manchu seem to have been absent in the language of the Khitan inscriptions. There are three possible explanations: either (a) the items were lost in Khitan only after they had been transmitted to Jurchen, or (b) they were borrowed from a Para-Mongolic language other than Khitan, or (c) they were borrowed from Pre-Proto-Mongolic before the separation of the Para-Mongolic and Proto-Mongolic lineages. In this paper we shall examine three groups of etymologies:

> (1) Colour terms: Manchu *fulgiyan* [ful-g^{j}an] ‘red’, *shanyan* < *shanggiyan* [šaŋ-g^{j}an] ‘white’ and *niowanggiyan* [ɲ^{w}aŋ-g^{j}an] ‘green’ correspond systematically to Mongolic **xulaxan*, **cagaxan* and **nogaxan*, modern (*)*ulaan*, (*)*cagaan*,

(*)*nogoon*, respectively. The Manchu shapes exhibit both archaic and innovative features [Okada 1962], which might well point to a Para-Mongolic origin. However, the colour terms attested in Khitan are completely different [Kane 2009: 176]. Also, the etymological status of the feminine forms *shahûn*, *niohon*, *fulahûn* is unclear. The same pattern is repeated in Manchu *genggiyen* : *gehun* vs. Mongolic **gegexen* 'bright'.

(2) Numerals for the teens: Jurchen-Manchu 11 *omshon*, 12 *jorgon*, 13 †*gorhon*, 14 †*durhon*, 15 *tofohon*, 16 *niolhun*, 17 †*dalhon*, 18 †*niohun*, 19 †*oniohon* are based on Mongolic synthetic forms not attested in the Proto-Mongolic lineage [Janhunen 1993]. Certain phonetic details also point to an origin different from Proto-Mongolic. These might, then, be borrowings from Para-Mongolic. Unfortunately, although the basic numerals of Khitan correspond to Mongolic [Janhunen 2012: 118–119], the phonetic shapes of the Khitan items for the teens are unknown, and the way they are written with logograms suggests that were expressed analytically (10 + 1 etc.).

(3) Random items: Many other "irregular" parallels between Jurchen-Manchu and Mongolic must be Para-Mongolic loanwords. However, in most cases they cannot be verified against the extant Khitan corpus. We may distinguish three types of cases: (a) items which, like Manchu *fomo-ci* 'stockings' vs. Mongolic **xoima-su/n*, are simply not attested in Khitan, (b) items which, like Manchu *aisin* 'gold' vs. Mongolic **altan* (< **alton*) vs. Khitan †*nigu*, exhibit a totally different etymon in Khitan, and (c) items which, like Manchu *fon* < **pon* 'time' vs. Mongolic **xon* 'year' vs. Khitan †*po*, correspond to Mongolic in form and to Khitan in meaning.

References

Alonso de la Fuente 2011 – *Alonso de la Fuente J.A.* Tense, Voice and Aktionsart in Tungusic: Another Case of »Analysis to Synthesis«? Wiesbaden, 2011. (Tunguso-Sibirica; Bd. 32.)

Doerfer 1985 – *Doerfer G.* Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, 1985. (Tungusica; Bd. 3.)

Janhunen 1993 – *Janhunen J.* The teens in Jurchen and Manchu revisited // Festschrift für Raija Bartens. Helsinki, 1993. P. 169–184. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; Vol. 215.)

Janhunen 1996 – *Janhunen J.* Prolegomena to a comparative analysis of Mongolic and Tungusic // Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC), Kawasaki, Japan: August 7–12, 1995 / Ed. by G. Stary. Wiesbaden, 1996. P. 209–218.

Janhunen 2008 – *Janhunen J.* Liao: A Manchurian hydronym and its ethnohistorical context // Studia Etymologica Cracoviensia. 2008. Vol. 13. P. 89–102.

Janhunen 2012 – *Janhunen J.* Khitan: Understanding the language behind the scripts // Scripta. 2012. Vol. 4. P. 107–132.

Kane 2009 – *Kane D.* The Kitan Language and Script. Leiden, 2009. (Handbuch der Orientalistik. Sect. 8;Vol. 19.)

Khabtagaeva 2010 – *Khabtagaeva B.* Mongolic elements in Barguzin Evenki // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010. Vol. 63, № 1. P. 9–25.

Okada 1962 – *Okada H.* Color-names in Manchu // American Studies in Altaic Linguistics. Bloomington, Indiana, 1962. P. 225–227. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 13.)

Rozycki 1994 – *Rozycki W.* Mongol Elements in Manchu. Bloomington, Indiana, 1994. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 157.)

Vovin 2006 – *Vovin A.* Why Manchu and Jurchen look so non-Tungusic? // Tumen jalafun jecen aku: Manchu Studies in Honor of Giovanni Stary / Ed. by A. Pozzi, J.A. Janhunen, and M. Weiers. Wiesbaden, 2006. P. 255–266. (Tunguso-Sibirica; 20.)

BÉLA KEMPF (Hungary, Szeged)

An etymological dictionary of the Buryat language

The presentation will give an overview on my ongoing project supported by the Hungarian Scientific Research Fund (OTKA PD 104312) entitled *An etymological dictionary of the Buryat language*.

The broader background of the project is provided by the Altaic Hypothesis, still one of the most debated questions of linguistic history and historical linguistics, arguing the existence or non-existence of the Altaic language family.

The arguments relating to the main question of Comparative Altaic Studies have recently intensified again. The authors of the *Etymological dictionary of the Altaic languages* [Starostin et al. 2003] concluded that the Altaic languages are definitely genetically related to each other, but their newly gained results evoked an intensive scientific dispute. There have been serious attacks on this work (cf. the reviews by R.A. Miller [2003–2004], S. Georg [2004], A. Vovin [2005], S. Stachowski [2005], and B. Kempf [2008], and, connected to them, [Starostin 2005] and [Georg 2005]) and counter-attacks in its defense [Dybo, Starostin 2008].

Thus, the scientific community today remains divided in judging the question of the genetic affiliation of the Altaic languages. While some scholars view it as an established language family, others argue against this.

Attainment of a definitive solution to the question is complicated by numerous factors. One of the most serious problems is that the research level on the different branches of Altaic is unbalanced. Best studied seems to be Turkic, where not only descriptions of the modern languages, but even historical-comparative works are available. In the next step these works made possible the compilation of well-grounded etymological dictionaries.

In turn, lack of such basic researches prevented the creation of an etymological dictionary of the Mongolic languages. Without a Mongolic etymological dictionary, however, lexical comparisons on an Altaic level are highly dubious.

The project

The aim of my project is to establish an historical–etymological survey of the Buryat lexicon, which highlights the origin, the morphological structure, the phonetic and semantic changes, and if possible the internal and the external connections of the lexical items.

Workings on the etymological dictionary can be divided into preliminary tasks and substantial ones.

Preliminary tasks

1. the brief history of the Buryat people;
2. the brief history of the Buryat language, focusing on its origin, and its external contacts;
3. determining the principles and methods followed during the substantial work;
4. presenting the structure of the lexicon, and picturing the contents and system of the database, which serves for the comparative data;
5. fixing the transcriptional system used during the workings;
6. compiling the body of sources, which will be used to trace back the history of the words.

Substantial tasks

1. compiling the database of the concerned Buryat lexical items;
2. compiling the database of the comparative material;
3. exploring the literature;
4. the critical examination of the suppositions and argumentation;
5. in case that there were no earlier etymologies for the word, or the earlier etymologies should be rejected, a task is to suppose a possible grounded etymology for the lexical item concerned.

External contacts of Buryat

External contacts of the Buryat language and Buryat dialects are worth to examine from two points of view. The first, often neglected aspect refers to the formation of the ethnics who speak today Buryat. It is reasonably expected that the ethnogenesis of the Buryats

will show traces of external contacts with Tungusic, Turkic and Uralic people. It is also highly probable that 1. these contacts left their traces in the language at least in the form of substratic phenomena and 2. they actively contributed to the appearance of Buryat as an independent language. An interesting feature is the buryatization process, i.e. that the speakers of a non-Buryat language change their code to Buryat is observable even today (cf. the Barguzin Evenkis).

On the other hand, Buryat elements preserved in neighboring languages will serve with valuable material for gaining information about the linguistic history of Buryat. The periodization of these contacts encounters several problems, since some of them occurred continuously in the last millenium (or even earlier). Such Buryat elements are awaited to be found in different Tungusic languages [Khabtagaeva 2010], Yakut [Kałużyński 1961] and Russian [Аникин 2000; Юмсунова 1999].

A different direction of contacts is mirrored by the Turkic elements of Buryat. As most of these elements are traceable in other Mongolic languages as well, the contacts which resulted them probably happened prior to the Chinggisid-era. On a dialectal level recent Turkic elements are also found in Buryat [Рассадин 1999], e.g. Oka Buryat *balyūhan* 'small fry' ← Turkic **balïq+sUn*, cf. Old Turkic *balïq* 'fish'; Buryat *habagša* 'thread' ← Turkic **sap-Gči*, cf. Old Turkic *sap-* 'to thread a needle'; Barguzin Buryat *zoto* 'shin of an animal' ← Turkic **ǰota*: cf. Old Turkic *yota* 'the thigh', etc.

Less numerous are the Evenki loanwords of Buryat, e.g. Buryat *zantaxi* 'wolverine' ← Evenki *yantakī* 'a dog, badger'; Buryat *oro* 'reindeer' ← Evenki *oron*; Aga Buryat *degtendi* 'the case for sewing things' ← Evenki *dektende* 'box, case', etc.

A specific layer of the Buryat lexicon is meant to be the Tibetan elements, which entered and spread in the first half of the 18th century together with Buddhism and mostly represent Buddhist terminology.

Loanwords from other, more distant languages (e.g. Chinese, Manchu, Sanskrit, Persian, Arab, German, French) came into Buryat via a mediator language, which in earlier periods could be a Turkic language, while later on either Khalkha (and its predecessor language) or Russian.

A very interesting layer consists of Russian loanwords, from which the earlier ones were adopted to the Buryat phonological system, accordingly they could be subject to significant formal change, e.g. Buryat *xenīge* ← Russian *kniga* 'book', Buryat *pulād* ← Russian *plat* 'kerchief', Buryat *xilēme* ← Russian *xleb* 'bread'.

Expected results

Expected results of my project may be summarized in 3 points.

The first is that we will have a detailed history of the Buryat lexicon.

The second is that we will have a firm grounding for compiling the etymological dictionaries of other Mongolic languages.

And the third is attaining new material in the form of new etymologies that we can use in the field of comparative Altaic linguistics.

References

Аникин 2000 – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000.

Рассадин 1999 – *Рассадин В.И.* Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ, 1999.

Юмсунова 1999 – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

Dybo, Starostin 2008 – *Dybo A.V., Starostin G. S.* In defense of the Comparative method, or the end of the Vovin controversy: In memory of Sergei Starostin // Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности. М., 2008. Вып. 19: Аспекты компаративистики 3. P. 119–258.

Georg 2004 – *Georg S.* [Rev. on] Sergei Starostin, Anna Dybo, and Oleg Mudrak (eds.): Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Diachronica. 2004. Vol. 21. P. 445–450.

Kałużyński 1961 – *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa, 1961. (Prace Orientalistyczne; T. 10.)

Kempf 2008 – *Kempf B.* [Rev. on] Starostin, Sergei – Dybo, Anna – Mudrak, Oleg (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov): An Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Acta Orientalia Academiae Scientiarium Hungaricae. 2008. Vol. 61, № 3. P. 403–408.

Khabtagaeva 2010 – *Khabtagaeva B.* Mongolic elements in Barguzin Evenki // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2010. Vol. 63, № 1. P. 9–25.

Miller 2003–2004 – *Miller R.A.* [Rev. on] Starostin, Sergei – Dybo, Anna – Mudrak, Oleg with Assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Ural-Altaische Jahrbücher. Neue Folge. 2003–2004. Bd. 18. P. 215–225.

Stachowski 2005 – *Stachowski M.* Turkologische Anmerkungen zum altaischen etymologischen Wörterbuch // Studia Etymologica Cracoviensia. 2005. Vol. 10. P. 227–246.

Starostin 2005 – *Starostin S.* Response to Stefan Georg's review of the Etymological Dictionary of the Altaic Languages // Diachronica. 2005. Vol. 22, № 2. P. 451–454.

Starostin et al. 2003 – *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, 2003. (Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia; Vol. 8(1–3).)

Vovin 2005 – *Vovin A.* The end of the Altaic controversy: A review article of Sergei Starostin, Anna Dybo, and Oleg Mudrak's Etymological dictionary of the Altaic Languages. Leiden: E.J. Brill (2003) // Central Asiatic Journal. 2005. Vol. 49, № 1. P. 71–132.

YOKO KOBAYASHI (Japan, Matsuyama)

Changes of spoken Mongolian in Inner Mongolia caused by language contact with Chinese

As is well-known, spoken Mongolian in Inner Mongolia suffers from constant and unilateral interference by the Chinese language, not only in vocabulary but also even in grammatical structure. Presented in this paper are preliminary studies on this field, partly based on critical examination of a rare foregoing study and partly on the basis of data of the present author's own, aiming at clarifying what is to be done.

Drastic changes caused by language contacts with the other languages in the Mongolic languages spoken in the other provinces, such as Gansu or Qinghai and so forth, have been reported so far. However, we have been scarcely reported the real state of arts about structural changes of Mongolian languages in Inner Mongolia. At the same time, we have witnessed only rarely systematic studies on how and to what degree such grammatical changes are taking place in a number of districts of Inner Mongolia, though they are of significance from the viewpoint of not only Mongolian linguistics but also general linguistics, especially as a case study of language contacts under way [Kobayashi 2011: 18–20].

Among a few exceptions is [Yi 2010], in which she researched her native dialect of Xilinhoute, and found such expressions in daily use as connecting inflectional or derivational suffixes directly to Chinese stems[6]. Examples are shown bellow [Ibid.: 299–319][7]:

(1) ***shizong*** *ki-gsen* *kümün-iyen* *olu-gad* …
missing do-perfect VN person-Refl. find-Conv.
'(He or she) found the person missing …'

[6] It is said that there has not been any report or data as for these constructions of Mongolian in the middle-west in Inner Mongolia.

[7] Forms in bold character are Chinese. All the sentences and glosses in (1) to (3) are quoted from [Yi 2010] and the English translations are made by the present author.

(2) ***yaodian*** ***kai-ǰu*** *baina siu.*
drugstore run-Conv. Cop.
'(He or she) is running a drug store.'

(3) *bitegei* ***shenjing-****te-ged* *bai.*
Proh. nerve-Deverbal-Conv. Cop.
'Do not be so nervous.'

However, some important points are left untouched. For instance, in what contexts and what kind of consultants used the expressions like above-cited examples are not explained. Reanalysis of her data by the present author showed that there are strong correlations between the degree of acceptance of these constructions and consultants' age as well as their academic career or occupation; the younger and more acquainted with Chinese, the more widely those mixed constructions accepted. Her consultants are all habitants in Xilinghoute [Kobayashi 2012: 95–100].

Then, what about speakers of other districts of nearly the same age and career? Four international students studying at Ehime University in Japan, all from Inner Mongolia (one is from Ulanhoute, another from Tongliao and the other from Chifeng) of nearly the same age are questionnaired as for the degree of acceptance of the 49 phrases with constructions in question[8].

The results are quite striking: the construction of Chinese stems + Mongolian inflectional / derivational suffixes, which are fully accepted in Xilinghoute region, are not always accepted in other regions. The contrasts are very sharp in some words and definite discrepancies are found even in the speakers from the same region according to their social backgrounds. For example, Chifeng A says "yes" in only two items out of 49, while Chifeng B says "yes" in 26 items out of 49. Chifeng A, brought up in downtown of the city, mainly speaks Chinese at home and B, grown up in steppe, speaks solely Mongolian at home.

By reconsideration of the previous study and in the light of the research result of the present author's own, it may be indicated that the influences of Chinese over Mongolian in Inner Mongolia show various phases. Especially, in view of the situation in some

[8] The details will be shown in [Kobayashi 2013].

younger generation their language behaviors can be considered as not mere shift from simple code switching but bilingualism.

References

Kobayashi 2011 – *Kobayashi Y.* Language changes in Mongolian due to language contacts with Chinese in Inner Mongolia // Jinbungaku Ronsō (Journal of the Society of Letters and Human Sciences). 2011. Vol. 13. P. 11–24. (*in Japanese*).

Kobayashi 2012 – *Kobayashi Y.* Strategies of adaptation of Chinese loans into verb phrases of the Mongolian language in Inner Mongolia (1) // Jinbungaku Ronsō (Journal of the Society of Letters and Human Sciences). 2012. Vol. 14. P. 93–104. (*in Japanese*).

Kobayashi 2013 – *Kobayashi Y.* Changes in the Mongolian language spoken in Inner Mongolia caused by contacts with the Chinese language: a preliminary study // Proceedings of the 55th Permanent International Altaistic Conference held at Cluj-Napoka, Romania, 2012. Wiesbaden, 2013. (*Forthcoming.*)

Yi 2010 – *Yi L.* Mongolian Verb Formation Based on Chinese Loanwords // Studies on Humanities and Social Sciences of Chiba University. 2010. Vol. 21. P. 299–319. (*in Japanese*).

С.А. КРЫЛОВ (Россия, Москва)

База данных «Квантитативно-реализационный грамматический словарь современного монгольского языка» (на основе Генерального корпуса современного монгольского языка)[*]

Создана первоначальная версия корпуса современного монгольского языка (далее – СМЯ), включающего тексты разных жанров:

– 1) художественную прозу XX в. (романы, повести, рассказы, очерки);

– 2) поэзию XX в.;

– 3) перевод эпоса «Сокровенное сказание» на современный монгольский язык;

– 4) подборку газетных статей (из газеты «Даяар монгол»).

Корпус содержит 966 текстов (длиной 1 155 583 слов).

Также были созданы морфологический анализатор, словарь на 63 071 лексему, таблица омонимов; были проведены лемматизация и глоссирование корпуса (в духе Лейпцигских правил глоссирования). На данный момент морфологический анализатор для СМЯ работает под управлением информационной среды StarLing[9]. Разработка находится на экспериментальной стадии:

---

[*] Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы Президиума РАН по корпусной лингвистке на 2011 и 2012 г. (направление №4 – «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам мира»), Фонда фундаментальных лингвистических исследований (проект 2012/2013 отчетного года № С-13 «Квантитативно-реализационный грамматический словарь современного монгольского языка») и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-04-00357 «Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка»). Корпус создавался при участии д.ф.н. Г.Ц. Пюрбеева, к.ф.н. Н.С. Яхонтовой и к.ф.н. М.П. Петровой, которым автор приносит сердечную благодарность.

[9] Информационная среда StarLing была создана С.А. Старостиным (1953–2005), а позже усовершенствована Ф.С. Крыловым.

эффективно анализируется 97% текстовых словоформ (соответствующих 89% словоформ, являющихся входами в конкорданс словоформ). Распознание включает в себя лемматизацию (т.е. возведение к той или иной словарной вокабуле) и грамматический разбор (т.е. возведение к той или иной грамматеме), поэтому в нижеприведенной таблице отдельно даны сведения о доле «хоть как-то» проанализированных словоформ, о доле лемматизированных (лексически размеченных) словоформ, о доле грамматически разобранных (грамматически размеченных) словоформ и о доле **полностью** проанализированных (и лемматизированных, и грамматически разобранных) словоформ.

На сегодняшний день общее количество графических словоформ (лексов) в корпусе составляет 1 155 583, из них доля «хоть как-то» распознанных графических словоформ (аллолексов) составляет 1 123 156 (97%), а доля **полностью** распознанных — 1 103 233 (95%). Всего различных аллолексем в словнике конкорданса к корпусу (и в словнике аллолексем) насчитывается 89 190, из них доля «хоть как-то» распознанных составляет 79 137 (89%), а доля **полностью** распознанных — 67 531 (76%).

Эффективность работы морфологического анализатора наглядно представлена в таблице:

	в корпусе	доля в %	в словнике	доля в %
всего словоформ	1155583	100%	89190	100%
проанализированных	1123156	97%	79137	89%
проанализированных лексически	1104911	96%	68212	76%
проанализированных грамматически	1121478	97%	78456	88%
проанализированных и лексически, и грамматически	1103233	95%	67531	76%

Доля омонимических пучков лексем в списке лексем составляет 6086/21752=28%. Доля омонимических пучков грамматем в списке грамматем составляет 613/1221=50%.

Доля омонимически разобранных словоформ в словнике конкорданса различных полностью разобранных словоформ составляет 16%. Доля омонимически разобранных словоформ в тексте (от общего числа полностью разобранных словоформ) составляет 313435/1103233=28%.

Назначение созданной базы данных (БД) – формальная репрезентация связей между грамматикой и лексикой монгольского языка (МЯ) в их квантитативном аспекте путем установления квантитативных отношений между единицами языковой системы и дискурсивными единицами, т.е. их речевыми реализациями в текстах. Созданная БД МЯ включает не только словари, принадлежащие к относительно традиционным (хотя и новым в монголистике) жанрам частотных словарей (ЧС) (а именно, к ЧС синтетических словоформ и синтетических лексем), но и ЧС, принадлежащих к тем жанрам, которые являются относительно новыми даже в русистике (не говоря уже о монголистике, где они не разрабатывались вообще). А именно, это ЧС:

(1) дискурсивных единиц с нетрадиционно проводимыми синтагматическими границами,
(2) абстрактных (инвариантных) единиц первого уровня абстракции,
(3) абстрактных (инвариантных) единиц второго уровня абстракции.

Базовые единицы, частотность которых положена в основу измерения – это аллоглоссемы (= синтетические словоформы) и неразрывные аллолексемы.

БД включает таблицы, описывающие:

(1) сравнительную частотность словоформ;
(2) общую частотность дискурсивно реализованных словоформ каждой грамматемы;
(3) лексические объемы каждой грамматемы, понимаемых как количество дискурсивно реализованных словоформ, входящих в эту грамматему; таблица включает оценку употребительности словоформ, отнесенных к данной грамматеме;
(4) общую частотность дискурсивно реализованных словоформ каждой лексемы;

(5) грамматические объемы каждой лексемы – как количество дискурсивно реализован-ных словоформ, входящих в эту лексему; таблица включает оценку употребительности словоформ, отнесенных к определенным лексемам;
(6) квантитативно-реализационные грамматические характеристики дискурсивно реализованных субпарадигм, свойственных лексемам.

Результатом классификации лексем на основе этих характеристик является квантитативно-реализационный (корпусно-ориентированный) субпарадигматический ЧС МЯ.

Созданная база данных позволяет составить представление о современном монгольском языке в его количественном аспекте, включая квантитативную модель морфологии, квантитативную модель лексики, квантитативную модель синтаксиса и квантитативную модель стилистики текстов разных жанров.

Д.Н. МУЗРАЕВА (Россия, Элиста)

К проблеме изучения языка письменных памятников конца XVI–XVIII вв. (на материале монгольских и ойратских переводов тибетской «Сутры о мудрости и глупости»)

Лингвистическое исследование буддийского письменного наследия монгольских народов – одна из актуальных проблем монголоведения. Эта проблема разноаспектна: она относится к проблемам перевода, лексической эквивалентности, грамматике, становлению норм монгольских литературных языков и т.п. Письменные памятники на монгольском и ойратском языках, относящиеся к концу XVI–XVIII вв., представляют собой уникальный материал, дающий возможность проследить пути развития монгольского языка в области фонетики, грамматики, лексики, а также его письменных систем. Указанный период известен как период активного распространения буддизма среди монголов, когда утверждались принципы перевода сакральных буддийских текстов.

До настоящего времени не потерял своей значимости лексикографический труд буддийского ученого Рольбий-Дорчжэ (1717–1786), составленный как руководство для перевода второй части буддийского канона Данджура с тибетского языка на монгольский язык [Введение 1989: 80; Цыбиков 1991: 33–34]. Этот словарь, именуемый «Источник мудрецов» (монг. *Merged yarquyin oron*), состоит из 11 частей, охватывающих все отделы буддийской литературы. Несмотря на то, что в разное время в помощь переводчикам составлялись и другие тибетско-монгольские словари, первым в их ряду по праву считается «Источник мудрецов», поскольку именно в нем впервые наиболее полно зафиксированы правила, по которым предписывалось выполнять переводы с классического тибетского языка на монгольский язык. Г.Ц. Цыбиков на примере монгольского перевода «Лам-рим чэнпо» блестяще продемонстрировал, какие требования предъявлялись к переводам канонических текстов и как они реализовывались авторами-переводчиками [Цыбиков 1991: 36]. Среди трудностей, с которыми сталкивались переводчики, были, в первую

очередь, такие особенности строя тибетского языка, как порядок слов в простых и сложных предложениях или периодах, который отличался от порядка слов в монгольском языке. Особые затруднения для монгольских переводчиков буддийских текстов были связаны с неопределенностью тибетского имени, а также глагола, а в некоторых случаях – категорий времени, залога и падежа. При сопоставлении тибетских и монгольских окончательных форм глаголов исследователи приходили к выводу, что в монгольском языке нет строгого соответствия передачи тибетских форм, так как в монгольских формах наблюдается большее разнообразие.

История зарождения и становления ойратской литературы, как переводной, так и оригинальной, связано с именем выдающегося религиозного и политического деятеля, просветителя XVII в. Зая-пандиты Намкай-Джамцо (1599–1662) [Михайлов 1970: 132–137, 142–143]. Первые переводы сочинений из состава тибетского буддийского канона (сводов Ганджура и Данджура) на язык ойратов были выполнены Зая-пандитой, согласно биографу Раднабхадре, в период «с года барса до года барса» при поддержке и участии его ближайших учеников и последователей [Biography of Caya Pandita 1967: 8, 43 (л. 9a)]. Список сочинений, переведенных на ойратский литературный язык и записанных на созданную Зая-пандитой для этих целей «ясную» письменность (*todo bičiq*), представляющую собой видоизмененное монгольское письмо, включает порядка 177 (186) наименований [Музраева 2012: 14]. Продолжая традиции переводов, ученики Зая-пандиты перевели еще 35 (37) работ, что также отмечено в жизнеописании учителя. Состав, содержание переводов Зая-пандиты, их жанровая принадлежность, ряд других вопросов получили освещение в классическом монголоведении (К.Ф. Голстунский, А.М. Позднеев, А.В. Попов и др.), а также в работах более поздних авторов (В. Хайссиг, Х. Лувсанбалдан, Ц. Дамдинсурэн, Г.И. Михайлов и др.).

Как отмечал А.Г. Сазыкин, сочинения, переведенные Зая-пандитой и его учениками, в большинстве своем были и раньше известны монголам. Однако новые ойратские переводы и в особенности переводы самого Зая-пандиты существенно отличались от прежних переводов своей характерной терминологией и чрезмерно буквальным следованием тибетскому оригиналу (иногда во вред литературным достоинствам перевода) [Сазыкин 1988: 449].

В круг переводов Зая-пандиты и его учеников вошли самые разные произведения: сутры, сочинения из разряда литературы по Праджняпарамите, философские трактаты, сочинения из раздела тантр, комментарии на известные буддийские сочинения, медицинские и астрологические трактаты, лексикографические труды, повествовательная и агиографическая литература, дидактические и биографические сочинения, руководства и описания различных буддийских обрядов и другие тексты [Biography of Caya Pandita 1967: 52; Лувсанбалдан 1975: 126; Damdinsürüng 1959: 320–334].

Одним из широко известных произведений, пользовавшихся большой популярностью у буддийских ученых и книжников и в наши дни привлекающих внимание исследователей буддизма и буддийской литературы, является «Сутра о мудрости и глупости» (тиб. *'Dzangs blun mdo*). Несмотря на то, что санскритский оригинал этого сочинения утрачен, в распоряжении ученых имеется почти современная ему китайская версия, создание которой восходит к V–VI вв. н. э. Этот памятник привлекал внимание не одного поколения российских и зарубежных монголоведов и тибетологов. Пожалуй, нет такого труда, посвященного истории древней и средневековой монгольской и тибетской литератур, в котором бы не упоминалась данная сутра.

Изучение версий этого известного буддийского сочинения, его списков и вариантов, в особенности тех, которые выполнены на поздних этапах развития литературы монгольских народов, представляет большой научный интерес. На сегодняшний день нам хорошо известно о существовании как минимум трех монгольских и двух ойратских переводов этого памятника. Наиболее часто в литературе упоминается перевод, именуемый *Silaγun unultu*[10], автором которого является известный монгольский переводчик конца XVI–начала XVII в. Ширээт-гуши-цорджи (монг. *Širegetü güüsi čorji*) из Хух-Хото [Цэрэнсодном 1987: 313, 319–320; Хүрэлбаатар 1995: 60–79]. Авторство другого монгольского перевода, озаглавленного *Silaγun budaγun üy-e onoqui*, принадлежит Тойнгуши. Этот перевод был издан Ц. Шагдарсурэном [Šagdarsüren 1989]. Третий из упомянутых монгольских переводов этой сутры, составителем которого является Зуун-Авгинский Цултэмлодой, имеет на-

[10] На наш взгляд, правильнее *Silaγun onoltu.*

звание *Sayin mayu üyle-i uqayulaqui* [Үлгэрийн Далай 1996: 3]. Зая-пандита Намкай-Джамцо перевел эту сутру на ойратский язык, и этот труд получил широкую известность под названием *Medētei medē ügei-yi ilγaγči kemekü sudur* («Сутра, разъясняющая мудрого и глупого») [Biography of Caya Pandita 1967: 52 (л. 23a)]. Самым поздним из известных переводов тибетской сутры является перевод Тугмюдгавджи (О.М. Дорджиева) (1887–1980), записанный на ойратском «ясном письме» (*тодо бичиг*) (1968) [Музраева 2010: 403–405].

Проведенный сравнительный текстологический анализ монгольских и ойратских переводов известного канонического сочинения в сопоставлении с его тибетским оригиналом выявил некоторые несоответствия в структуре (последовательности глав) переводов, а также показал, что отличия касаются подбора лексики, используемых морфологических форм, синтаксиса и стиля. Это становится очевидным и не только при сравнении монгольских (или ойратских) переводов друг с другом.

Интересно отметить и такую сторону переводов, как передача стихотворного тибетского текста, повсеместно встречающегося в тексте сутры (отдельные авторы используют для этого прозаический текст).

Примечательно, что высокий уровень знания тибетского языка переводчиками, обеспечивающий понимание текстов и их перевод, сохранялся на примерно одинаковом уровне с начальных этапов развития монголоязычной литературы вплоть до конца XIX в. и начала XX в., о чем свидетельствует относительное единообразие передачи как религиозной лексики, так и лексики, относящейся к иным сферам деятельности.

Изменения, затронувшие письменные системы и нормы письменных языков на протяжении пяти столетий (у монголов) и, соответственно, трех столетий (у ойратов), были неизбежны, поскольку литературный язык монголов не стоял на месте, он развивался, испытывая прямое и косвенное влияние тибетского языка и санскрита, и прежние формы не могли в полной мере служить выражением этих изменений.

Библиография

Введение 1989 – Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк / Болсохоева Н.Д., Ванчикова Ц.П., Дашиев Д.Б. и др.; Отв. ред. д. и. н. Р.Е. Пубаев. Новосибирск, 1989.

Лувсанбалдан 1975 – *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд (= Ясное письмо и его памятники) / Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар, 1975.

Михайлов 1970 – *Михайлов Г.И.* «Тодо бичиг» и начало ойратско-калмыцкой литературы // 320 лет старокалмыцкой письменности: Мат. науч. сессии. Элиста, 1970. С. 130–144.

Музраева 2010 – *Музраева Д.Н.* Литературное наследие // Калмыки / Отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М., 2010. С. 387–405.

Музраева 2012 – *Музраева Д.Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста, 2012.

Сазыкин 1988 – *Сазыкин А.Г.* Рукописная книга в истории культуры монгольских народов // Рукописная книга в культуре народов Востока (очерки). М., 1988. Кн. 2. С. 449.

Үлгэрийн Далай 1996 – Үлгэрийн Далай (Шулуун уналт хэмээх судар) (= Океан сказаний [Сутра под названием *Silaγun unultu*]) / Ширээт гүүш цоржийн орчуулга; Монгол бичгээс кирилл бичигт хөрвүүлэн тайлбар хийсэн Д. Бүрнээ, Д. Энхтөр. Улаанбаатар, 1996.

Хүрэлбаатар 1995 – *Хүрэлбаатар Л.* Монгол орчуулгын товчоон (Сонгодог орчуулгын зарчим, уран чадварын асуудалд) (= Краткая история монгольских переводов [К вопросу о принципах и искусстве классических переводов]). Улаанбаатар, 1995.

Цыбиков 1991 – *Цыбиков Г.Ц.* О монгольском переводе «Лам-рим чэнпо» // *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды: В 2 т. 2-е изд., перераб. Новосибирск, 1991. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. д.и.н. Р.Е. Пубаев. С. 26–49.

Цэрэнсодном 1987 – *Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол (XIII–XX зууны эхэн) (= Монгольская литература [XIII–начало XX в.]). Улаанбаатар, 1987.

Biography of Caya Pandita 1967 – Biography of Caya Pandita in Oirat characters (Rabǰamba Čay-a bandida-yin tuγuǰi saran-u gerel kemekü ene metü bolai) / Red. acad. prof. Dr. Rinchen. Ulanbator, 1967. (Corpus Scriptorum Mongolorum; T. 5, fasc. 2–3.)

Damdinsürüng 1959 – *Damdinsürüng Č.* Mongγol uran ǰokiyal-un degeǰi ǰaγun bilig orušibai (= Сто образцов монгольской литературы). Ulaγanbaγatur, 1959. (Corpus Scriptorium Mongolorum; T. 14.)

Šagdarsüren 1989 – *Šagdarsüren C.* Le Damamūkonāmasūtra: Texte mongol du Toyin guiši. Budapest, 1989. (Monumenta linguae mongolicae collecta; 10.)

OTGON BORJIGIN (China, Lanzhou)

A Brief Introduction to the Fragments of a Clear Script Manuscript of the *Thar-pa čhen-po* Found in Qinghai

The fragments which constitute the subject of this study were acquired in Qinghai in the winter of 1998 by my colleague Hailong, a Khoshut Mongol from Qinghai, who very generously turned them over to me for research and publication when I returned from the United States in 2008. He informed me that these fragments had been found in 1998 by a local herdsman named Zandag in the Cave of Qara-Qabchuu (the Black Gorge) in Dulaan County, Qinghai province. In a report written at my request, he remarks:

> In the summer of 1998, having heard that Möngke, an elementary school teacher in Baruun Sumu (Right Sumu, *sumu* or *sum* is a township-level political and administrative division) of Dulaan County, acquired some fragmented folios of a Mongolian Buddhist scripture from someone else, and out of curiosity, I went to Baruun Sumu to visit Möngke in the winter of the same year. He said: 'Since you guys do research work, the scripture may be useful to you someday. Just take it with you and do research on it.' Having said that, he gave me the manuscript for free. As for the origin of the manuscript, he said that he had acquired it from Zandag, a herdsman in Küür Bariγada (the Küür Production Team) of Baruun Sumu, who found it in the Cave of Qara-Qabchuu. Further details may be acquired by asking Zandag.

In order to get further information on the manuscript, Hailong paid a special visit to Zandag on the occasion of his stay in Dulaan County during the National Day holiday in 2009. According to his report, Zandag, or Möngkezandag in full, 45 years old, now working as a taxi-driver in Dörbelǰin Balγasu (Square Town) of Dulaan County, found these precious pieces in the summer of 1998 on the southern slope of a hillock, which is about 5 km away from the Cave of Qara-Qabchuu, and then gave them to the school teacher Möngke.

These fragments, approximately several hundred pieces in number, belong to one and the same Buddhist text written with thick calamus in the Oirat Clear Script, in black ink mingled with almost invariably three lines in red from time to time on both sides of yellowish paper with the text-frame of a single red line. On some larger

fragments, the average size of which is about 14 × 19 cm, the chapter number such as *xorin xoyor* 'twenty-two', *xorin tabun* 'twenty-five', or *γučin nigen* 'thirty-one', etc., reads along the outer side of the left hand vertical line of the text-frame. Since the fragments are found to be in a terrible mess and disorder, and most of them are stuck together, one first has to detach all the fragments from each other before they may be photographed, and it is only the study of the content of the text which may eventually allow us to restore the pieces to their original order.

The script of the text fragments is in a rather neat hand. The general appearance of the writing in this manuscript and the shape of some words and many individual letters closely resemble the writing of a Clear Script manuscript of the Oirat *Thar-pa čhen-po* "The Great Liberator", a page of which has been published in photograph form in Prof. György Kara's *Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian* [Kara 2005: 136].

In the same book, Prof. György Kara recorded that the manuscript fragments of a Mongolian translation of "The Great Liberator" were found by S.E. Malov, a noted Russian Turkologist, in Gansu, along with the famous manuscript of the Old Uygur version of the Golden Beam Sutra and some other Buddhist works in a copy of the 17th century. According to Prof. Kara, the manuscript has three colophons, and the text of the fragments corresponds almost literally with the text of the late Oirat versions of this work. In the discussion of these colophons, Prof. Kara remarked:

> Its has three colophons, the first and the last in Mongolian, the middle one in Uygur. The first colophon contains the date of the copy: *Dai Čing Kang-si ... arban nigen jil šayšbd sarayin sini naiman ...* "the 8th day of the new moon of the śiksāpada month [of the] 11th year [of the] Ta Ch'ing K'ang-hsi (i.e., 1672) …" in the last one are the Pandita's verses (i. e., the versified afterword of the Zaya Pandita). The Uygur colophon, though badly damaged, makes clear it belongs to this copy of the Pandita's Mongolian translation of the Tibetan *Thar-pa čhen-po* "The Great Liberator," in Uygur, *Uluγ os*[*γur*]*dačï* [= ozγurtačï] *nom*. Thus the triple colophon of this Mongolian manuscript is a witness to the relations between the Zaya Pandita's Western Mongols and the Yellow Uygurs of Kansu. This copy also demonstrates the authority of the Pandita's translations among the users of the Uygur-Mongolian script [Kara 2005: 143–144].

He believes that these texts were compiled by the Zaya Pandita in Mongolian script and only later rewritten into the Clear Script, considering that this Uygur-Mongolian manuscript stands closer to the original translation of the Zaya Pandita than the later handwritten copies in Clear Script.

In his book *Rab-'byam Za-ya panditayin touǰi sarayin gerel kemēkü orošiboi* "The Moon Splendor: the Life of the Rabjamba Zaya Pandita", Ratnabhadra gives a long list of the Pandita's translations from Tibetan, which he prepared from 1650 to 1662 [Kara 2005: 139–140]. According to Prof. Kara,

> no autograph copies from his own hand of these translations have yet been discovered, and all known Oirat manuscripts and xylographs in which the translator is indicated, relate to much later times, at best case to the beginning of the 18th century [Ibid.: 141].

On December 23, 2009, I sent, via e-mail, photographs of some of the larger fragments of the Clear Script manuscript found in Qinghai to Prof. György Kara. In his reply dated February 21, 2010, he wrote:

> Judging from the photographs of the Clear Script manuscript found in your area, it was presumably the sutra *Tarbachinboo* (*Thar pa chen po*), *Ixed tonilgogch* in Mongolian, translated by the Oirat Zaya Pandita Namhaijantsan from Tibetan. In my book on the Mongolian books (i.e., *Books of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian*), I mentioned a bit about its colophon. Ayuushi Güüshi's Mongolian translation is found in the Mongolian printed Kanjur, which is also one of the first Mongolian xylographs printed in Beijing during the Manchu era. When I have free time, I shall transcribe, from the photographs, the fragments of the Clear Script scripture found in your area, and send the transcriptions to you.

On the basis of these data, we came to the conclusion that the Clear Script manuscript found in Qinghai was a late handwritten copy of the Zaya Pandita's Mongolian translation of Tibetan *Thar-pa čhen-po* "The Great Liberator" (Mong. *Yekede tonilγaγči*; Chin. *Da jietuo jing* 大解脱经), and inclined to date the new fragments to the late 17th–early 18th century.

Zaya Pandita (1599–1662), the learned Oirat man of letters, created the Clear Script (*Tod üseg*) in 1648, 11 years after the settlement of Güüsh Khan and his people in the area of Kök Nuur, maybe

for this reason until recently no Clear Script monuments have been found from the Kök Nuur area. Now it makes one wonder how this Buddhist text in Clear Script was transmitted to Qinghai. It seems difficult to solve this question, but the important discovery would shed new light on the history of the society, culture, and language of the Khoshud Mongols in Qinghai and their cultural relations to the Oirats in Dzungaria.

A historical tale among the Kök Nuur Mongols relates that Lobzangdanǰin, a grandson of Güüsh Khan, carried the books preserved in his tent by yak-back to the Cave of Qara-Qabchuu and hid them in it when he escaped westward to Dzungaria after his rebellion against the Qing was defeated. Although this is just a tale, old books such as fragments of Tibetan Kanjur and Mongolian Buddhist scriptures, an old-fashioned Mongolian garment, cattle collars, pieces of rope, and so on were indeed found one after another in the very cave. This permits one to consider it likely that the Clear Script manuscript in question has something to do with Lobzangdanǰin's rebellion and relates to the beginning of the 18th century. However, this conclusion seems to be a bit premature, as pilgrim's foot-tracks across Kök Nuur to Lhasa through the centuries are also noteworthy, and thus further research into this question needs to be undertaken.

References

Kara 2005 – *Kara G. B*ooks of the Mongolian Nomads: More than Eight Centuries of Writing Mongolian / Transl. from the Russian by J.R. Krueger. Bloomington, IN, 2005. (Indiana University Uralic and Altaic Series; Vol. 171.)

А.М. ПЕВНОВ (Россия, Санкт-Петербург)

О монгольском происхождении маньчжурского показателя дательного падежа

В маньчжурском письменном языке 6 падежей: именительный, родительный, винительный, дательный, исходный, продольный; последний, как отмечает В.А. Аврорин, встречается редко. Что касается дательного падежа, то он «наиболее полифункционален»; выражается он аффиксом *-de*, не изменяющимся по гармонии гласных (как и показатели других падежей) [Аврорин 2000: 74–75, 81].

В большей части тунгусо-маньчжурских языков дательный (дательно-местный) падеж имеет аффикс *-du* (*-dū*). В чжурчжэньском письменном языке (XII–XV вв.) дательный падеж передавался аффиксом *-do*/*-du*. Однако в том состоянии чжурчжэньского языка, которое было зафиксировано в XVI в. лишь при помощи китайских иероглифов, дательный падеж выражался, как и в маньчжурском, при помощи аффикса *-de* [Kane 1989: 122].

С точки зрения исторической фонетики нет оснований считать, что маньчжурский (и чжурчжэньский, если говорить о позднем состоянии чжурчжэньского языка) показатель дательного падежа *-de* восходит к *-du* (*-dū*).

Можно предложить две гипотезы происхождения маньчжурского показателя дательного падежа *-de*.

1. Маньчжурский показатель дательного падежа является по происхождению монгольским, причем первоначально в соответствии с гармонией гласных он имел 3 варианта (*-da*/*-de*/*-do*); впоследствии маньчжурский язык остановил свой выбор только на варианте *-de* (то же произошло с показателем винительного падежа *-be*). Соответствия в монгольских языках вполне надежны: ср. показатели дательно-местного падежа в бурятском и в языке шира-югуров (*-da*/*-de*, *-ta*/*-te*), в баоаньском, дунсянском и монгорском (*-de*), в халха-монгольском, калмыцком, дагурском (*-d* < *-da*/*-de*) [Языки мира 1997: 35, 47, 57, 65, 83, 119, 130, 151].

2. Аффикс *-de* в позднем чжурчжэньском и в маньчжурском представляет собой результат грамматикализации заимствованного из монгольского языка слова **deyer* ‘верх; высокий’.

В монгольском письменном языке имеется форма местного падежа соответствующего монгольского слова: *deger-e* ‘наверху’.

Рефлексы слова **deγer* ‘верх; высокий’ в различных вариантах чжурчжэньского и маньчжурского языков:

Чжурчжэньский письменный («Хуа-и и-юй»): *deger* ‘высокий; верхний, верх, старший’ [Певнов 2004: 138]. // Чжурчжэньский письменный (Тырская стела, 1413 г.): *deγe* ‘верх’ [Головачев и др. 2011: 205]. // Чжурчжэньский XVI в. – язык китайско-чжурчжэньского словаря Бюро устных переводчиков: (-)*de* могло быть и самостоятельным словом (*de hei-che* ‘высокая стена’ [Kane 1989: 183], *a-li de* ‘Гора высока’ [Ibid.: 167]), и послелогом (*a-li de-le* ‘на горе’ [Ibid.: 167] [*-le* является показателем местного падежа]), и аффиксом (*hei-che tu-lu-ge-de* ‘за пределами городской стены’ [Ibid.: 178] (в последнем примере *de* – не послелог, если бы было иначе, то послелог *de* относился бы к послелогу *tu-lu-ge*)).

Маньчжурский письменный: *de-n* (*дэнь*) ‘высоко; высокий; высота’ [Захаров 1875: 798], *dele* ‘верх; сверху; наверху; верхний’ (*-le* исторически представляет собой формант местного падежа), *deleri* ‘сверху; поверхностно; снаружи; верхом на лошади’, *dergi* (< *de* + *ergi* ‘сторона’) ‘высота; верх; верхний; восток’, *-de* (показатель дательного падежа). // Маньчжурский разговорный (один из территориальных вариантов на Северо-Востоке Китая): *deŋ* ‘высокий’ (в оригинале *дэң*), послелог *der* ‘на’ (*morin der* ‘на лошади’, *far der* ‘на санях’, в оригинале: *морін-дэр*, *фар-дэр*), показатель дательного падежа *-de*, *-d* (*bō-de*, *bo-d* ‘дома, в доме’, в оригинале: *бōдэ*, *бод*) [Руднев 1912: 3, 14, 15].

Звуковые изменения, наблюдаемые в приведенных примерах, закономерны: сначала был устранен заднеязычный проточный звонкий в интервокальной позиции – в результате образовался долгий гласный (**deγer* > **dēr*); затем произошло устранение плавного *r* в исходе слова после долгого гласного (**dēr* > **dē* > (-)*de*, ср. маньчж. *da* ‘ручная сажень’ < **dār*). Следует при этом отметить необъяснимое противоречие: если **deγer* > **dēr*, то почему в письменном чжурчжэньском (Тырская стела, 1413 г.) зафиксирована форма *deγe* ‘верх’? Непонятно также, почему в одном из диалектов маньчжурского языка сосуществуют, каза-

лось бы, несовместимые в синхронии формы *der* ‘на’ (послелог) и *-de ~ -d* (показатель дательного падежа).

Грамматикализация монгольского по происхождению слова **deγer* ‘верх; высокий’ (> **dēr* > **dē* > (-)*de*) в позднем чжурчжэньском и в раннем маньчжурском (вероятно, в XIV–XVI вв.) происходила несколько необычным способом – путем «эндокалькирования», т.е. калькирования значений не иноязычной единицы, а своей собственной, а именно значений фонетически относительно близкого к *-de* показателя дательного падежа *-du*. В итоге оба генетически близких идиома (поздний чжурчжэньский и ранний маньчжурский) ничего нового и не обрели, кроме фонетически несколько иного аффикса.

Вторая гипотеза представляется мне предпочтительной, причем еще и потому, что в некоторых монгольских языках, очевидно, в относительно позднее время произошло примерно то же самое, что и в позднем чжурчжэньском и раннем маньчжурском. Вот что пишет Н.Н. Поппе о «новых падежных формах»:

> Слово **degere* = письм.-монг. *degere* ‘верх, вверху’ превратилось в *dēre* в ордосском, в *dērə* в халха-монгольском. Это слово почти развилось в новую падежную форму в ордосском. Там она включает в себя показатель генитива и образует вместе с ним составной суффикс *-īndār*, например: *nasü̯īndār* ‘у старого человека’ < **nasutujin degere*; *manə̄dār* ‘у нас’ < *manaŋ* < **manuγaŋ* + *dār* < *degere* ‘на’ и т.д. Послелог **degere* стал окончанием (суффиксом. – *А.П.*) также в бурятском, ср. глагольную форму *jabaχadār* ‘как только он ушел’ < **jabuqu degere* [Poppe 1987: 206].

Особый интерес представляет маньчжурский послелог (или суффикс) (-)*deri*, выражающий, в частности, пролативное значение. В.А. Аврорин к числу маньчжурских послелогов относит «*дэри* ‘через, сквозь, по, из’ (чаще всего примыкает, но иногда сочетается с исходным падежом имени …)» [Аврорин 2000: 227]. В словаре И.И. Захарова наряду с формой *te-deri* (в оригинале *тэдэри*) приведена иная, от которой якобы и происходит первая: *tere-i deri* тот-GEN PROL (в оригинале *тэрэй-дэри*) ‘через то, через него, из того’ [Захаров 1875: 726] (в маньчжурском языке значительная часть послелогов требует родительного падежа).

Дз. Икегами, ссылаясь на Н.Н. Поппе, использует его предположение для объяснения происхождения маньчжурского показателя продольного падежа *-deri*:

> Вероятно, в маньчжурском языке старая форма -**deli*, не засвидетельствованная в письменности, была заменена на *deri* по аналогии с *deleri* ‘на поверхности’, *dolori* ‘внутри’, *juleri* ‘впереди’, *oilori* ‘над’ и *tuleri* ‘снаружи’. Возможно, показатель -**deli* был постконсонантным вариантом пролативного падежного аффикса -**li*; показатель -**deli*, вероятно, представляет собой комбинацию аффикса дательного падежа -**de* и аффикса пролатива -**li*; могло быть и так, что «переходный слог» (*de*. – *А.П.*) был вставлен между конечным согласным основы (например, *-n*) и начальным *l*-аффикса [Ikegami 1999: 288].

Обьясняя происхождение маньчжурского показателя продольного падежа *-deri*, Дз. Икегами исходит из того, что пролативное значение изначально выражалось в маньчжурском языке суффиксом. Однако, как отмечает Дз. Икегами, в маньчжурском встречается также послелог *deri*. Разумеется, послелог мог превратиться в суффикс, но вряд ли наоборот. Поэтому этимологизировать необходимо послелог *deri*, а не суффикс *-deri*, поскольку результаты этимологического анализа, естественно, должны быть разными.

Возможно, послелог *deri* представлял собой форму родительного падежа (аффикс *-i*) послелога **der* (< **dēr* < **deγer* ‘верх; высокий’; ср. послелог *der* в опубликованных А.Д. Рудневым материалах по маньчжурскому разговорному языку [Руднев 1912: 14]). Необходимо пояснить, что родительный падеж в маньчжурском языке нередко служит средством адвербиализации [Аврорин 2000: 80].

Не исключено также иное объяснение: адвербиализатором, присоединившимся к слову **de* ‘верх, верхний’, выступал суффикс *-ri*, ср. маньчж. *uxe* ‘единство, одинаковость, совокупность, соединение, согласие, единогласие’ и *uxeri* ‘вообще, совокупно, вместе …’.

Итак, возможно, что в позднем чжурчжэньском и в раннем маньчжурском слово **deγer* ‘верх; высокий’, претерпев в процессе грамматикализации существенные изменения и превратившись сначала в послелог *der* (*de*), а затем в падежный суф-

фикс *-de*, путем «эндокалькирования» целиком заняло ту семантическую нишу, которую прежде занимал дательно-местный падеж с показателем *-du* (*-dū*), восходившим к пратунгусоманьчжурскому языковому состоянию. Послелог *der* (или уже *de*), утратив значение ‘верх’ и присоединив соответствующий суффикс (*-i* или *-ri*), стал послелогом, а впоследствии и суффиксом с пролативным и/или аблативным значением.

Библиография

Аврорин 2000 – *Аврорин В.А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб., 2000.

Головачев и др. 2011 – *Головачев В.Ц., Ивлиев А.Л., Певнов А.М., Рыкин П.О.* Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. СПб., 2011.

Захаров 1875 – *Захаров И.* Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875.

Певнов 2004 – *Певнов А.М.* Чтение чжурчжэньских письмен. СПб., 2004.

Руднев 1912 – *Руднев А.* Новыя данныя по живой манджурской речи и шаманству (С двумя рисунками в тексте). СПб., 1912.

Языки мира 1997 – Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997.

Ikegami 1999 – *Ikegami J.* The Manchu Prolative *deri* // *Ikegami J.* Researches on the Manchu Language. Tokyo, 1999. P. 284–291.

Kane 1989 – *Kane D.* The Sino-Jurchen Vocabulary of the Bureau of Interpreters. Bloomington, 1989. (Uralic and Altaic Series; Vol. 153.)

Poppe 1987 – *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. 2nd impr. Helsinki, 1987. (Mémoires de la Socété Finno-Ougrienne; 110.)

М.М. ПИЛЬЧИНОВА (Россия, Улан-Удэ)

Фрейм-анализ как способ представления ви́дения индивидами языковой ситуации: на примере Республики Бурятия

В работе в рамках фрейм-анализа изучается языковая ситуация в Республике Бурятия. В ходе изучения общественно-политических газет местных изданий (1990–2013 гг.) выявляются основные проблемы и способы развития бурятского языка. Для установления основных проблем родного языка нами выбран фрейм «Недовольство положением бурятского языка». Рассматриваемый фрейм состоит из слотов первого уровня, которые конкретизируются благодаря слотам второго уровня.

В ходе изучения фрейма «Недовольство положением бурятского языка» мы выявили пять основных разделов, являющихся, по мнению авторов рассмотренных газетных статей, «тормозами» в развитии родного языка: неразработанность литературного языка, пробелы в преподавании бурятского языка, безынициативность власти, а также самого народа, проблемы в реализации государственных программ по развитию родного языка.

Проблема сохранения и развития бурятского языка регулярно поднимается в общественно-политических газетах, и то, что она обсуждается в течение длительного периода, свидетельствует о ее трудноразрешимом характере. На протяжении рассматриваемого периода (1990–2013 гг.) активизация фрейма «Недовольство положением бурятского языка» происходила благодаря различным слотам. В начале 90-х годов авторы статей в большей степени освещали проблемы обучения бурятскому языку, в частности затрагивались вопросы усовершенствования учебников, подчеркивалось неэффективное распределение часов преподавания, отсутствие высококвалифицированных кадров. Рассматриваемый фрейм зачастую реализовывался с помощью слота «Разобщенность диалектов»: авторы считали неоправданным выбор хоринского диалекта в качестве литературного языка и противопоставляли ему селенгинский диалект, являющийся, по их мнению, ближе к старописьменному бурят-монгольскому

языку. Также авторы обращались к слоту «Безынициативность власти», но давали размытые, слишком общие формулировки проблем: «Руководство РБ обязано приложить необходимые и достаточные усилия к практическому расширению и оживлению сферы использования языка» (С. Чагдуров, «Правда Бурятии», 1994). Большая ответственность возлагалась на самих людей: «Сохранение живого народного языка – и литературного, и бытового – забота, прежде всего самого бурятского народа. И если со временем этот язык уйдет из сферы употребления, в этом не будет виноват никакой другой народ, а будет виноват сам бурятский народ, как не сумевший сберечь свое главное богатство – свою речь» (Н. Дамдинов, «Правда Бурятии», 1995). Следует отметить, что в этот период статьи по проблемам двуязычия, популяризации родного языка готовились в виде размышлений представителей интеллигенции: учителей, писателей, докторов, профессоров педагогических, филологических наук. Это обстоятельство, возможно, является причиной поверхностного рассмотрения такой глубокой проблемы.

В 1996–1997 гг. на фоне учащающихся межэтнических конфликтов руководство страны начало разрабатывать государственную национальную политику. К съезду народов Бурятии происходила выработка концепций национальной политики, публиковались мнения профессоров Московского университета, заслуженных деятелей науки РБ, народных артистов РБ, представителей национальных движений, конгресса бурятского народа, депутатов народного Хурала, что в целом предоставляло комплексное, объективное осмысление языковой ситуации в республике: публиковалось достаточное количество статей, посвященных истории развития языкового планирования, строительства. Актуализация фрейма «Недовольство положением бурятского языка» в большей степени происходила за счет слота «Безынициативность власти». Авторы статей отмечали неэффективность закона «О языках народов Бурятии», принятого в 1992 г. Отмечалось отсутствие системы контроля над реализацией национальной политики, соблюдением законодательства по национальному вопросу, а также отсутствие политики по сотрудничеству с другими субъектами Российской Федерации. Подчеркивалась длительная

изоляция регионального и национального компонента в образовании, отсутствие единой модели национальной школы.

В современных статьях (2008–2013 гг.) практически не публикуются размышления местной интеллигенции о родном языке, не освещается история развития языковой ситуации в республике. Фрейм «Недовольство положением бурятского языка» реализуется благодаря слоту «Критика преподавания бурятского языка»: авторы статей едины во мнении, что современные учебно-методические комплексы устарели и неспособны заинтересовать ни учеников, ни учителей, а также они не предусматривают уровни владения языком. Активизация фрейма осуществляется также с помощью слота «Критика предыдущей программы по сохранению и развитию языка»: авторы отмечают, что действовавшие программы и планы мероприятий не смогли в целом изменить языковую ситуацию в республике в силу недостаточного финансирования.

Задача следующего этапа изучения языковой ситуации в РБ состоит в выявлении действий, которые должны предприниматься для разрешения данного вопроса. Важнейшим, по мнению Е.А. Морозова, типом фреймов, задействованным при развитии публичных конфликтов, является фрейм конфликт-менеджмента, который отражает предпочтения общественности в отношении того, как возникший конфликт должен быть разрешен [Морозов 2009: 380].

Сделав обзор общественно-политических газет (1990–2013), мы выделили основные идеи по развитию и сохранению бурятского языка и представили их в виде фреймов. Общими для рассматриваемых периодов являются такие фреймы конфликт-менеджмента, как «Аппеляция к действию каждого носителя бурятского языка», содержание которого проявляется в призыве разговаривать с детьми на родном языке, прививать уважение к родному языку, стимулировать его изучение; «Совершенствование учебно-методического комплекта» – он должен содержать несколько уровней, а также быть адаптирован ко времени и социальным потребностям; «Расширение издательской деятельности» – стремление увеличить книгоиздание детской литературы, художественной литературы, расширить выпуск районных газет.

Следует отметить, что в 1996–97 гг. авторы статей наиболее конструктивно подходили к решению проблем языковой ситуации в РБ. Предложенные ими идеи можно включить в содержание фрейма «Аппеляция к действию руководящих органов»: урегулировать закон «О языках народов Бурятии», создать Ассамблею народов России, общественный консультативно-совещательный орган из представителей этнических общностей, терминологическую комиссию, лингвистическую комиссию для обсуждения норм литературного языка, соблюдения цензуры печатной продукции, теле- и радиопередач, разработать образовательные программы.

В настоящее время авторы статей обращаются в большей степени к фрейму «Аппеляция к внедрению информационных технологий». Выход из сложившейся языковой ситуации видится в активизации работы с теле- и радиоканалами, расширении интернет-пространства, создании FM радио, создании операционных систем на национальном языке, разработке электронных художественных произведений, учебников, справочников, словарей.

Таким образом, проблема языковой ситуации беспокоила общественность на протяжении всего рассматриваемого периода. Особо заметную реакцию она вызвала в середине 90-х гг., что и подтверждается заметным толчком в развитии бурятского языка в тот период. Министерство образования и науки добились введения обязательного обучения бурятского языка в общеобразовательных детских учреждениях, учреждениях начального профессионального образования. Был введен национально-региональный компонент содержания образования: созданы курсы по истории, географии РБ, культуре и традициям бурятского народа. При поддержке Министерства образования и науки начала осуществляться профессиональная подготовка специалистов с высшим образованием по бурятскому языку и литературе. Последнее десятилетие многие специалисты ассоциируют со спадом в области развития языка: «Если заглянуть в историю, то очевидно одно – движение шло по синусоиде: всплеск – спад – снова всплеск. В настоящее время наблюдается спад» [Балдано 2010: 65].

Библиография

Балдано 2010 – *Балдано М.Н.* Взаимовлияние этнокультурных и этнополитических процессов в России 1990-х гг. (на примере ВАРК) // Власть. 2010. № 6. С. 65–68.

Морозов 2009 – *Морозов Е.А.* Фрейм-анализ в управлении публичными конфликтами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №10. С. 372–384.

В.Э. РАДНАЕВ (Россия, Москва)

Слова *хутва* и *худам* в монгольском языке: семантика и этимология

В современной Монголии после возвращения народу буддизма вновь обрели свои семантические качества слова, в лексике монгольского языка ранее считавшиеся устаревшими. К числу таких слов относятся словосочетания *худам бичиг* и *худам үзэг*, этимология которых будет рассмотрена в настоящем докладе.

В средние века согдийская культура, литература и философия, а также религии – буддизм, манихейство и христианство, играли большую роль в жизни тюркских (уйгурского) и монгольского народов, о чем свидетельствуют новонайденные памятники согдийского народа, имевшие огромное влияние на население Центральной Азии.

Учитывая это, обратимся к слову *хутва*. Н.Н. Поппе в словаре «Мукаддимат ал-Адаб» обнаружил выражения *oqtaluqsan χutba* (= чаг. *kesük χutba*) ‘прерванная молитва’ и *χutba ungšiba χatīb irgendü* ‘проповедник читал людям молитву’ [Поппе 1938: 268, 385], в которых встречается данное слово. Монгольский грамматолог Цэвэлийн Шагдарсурэн, оттолкнувшись от процитированных примеров, искал формы этого слова в двуязычных персидских, таджикских и узбекских словарях и нашел их в аналогичных значениях [Шагдарсүрэн 2001: 26]. Это слово также попадается в согдийских документах [Согдийские документы 1962/2: 123–124].

По нашим данным, слова *худам* и *хутва* нельзя считать синонимами, если не обратить внимание на слоги *худ-* и *хут-*. Как видим, данные слова распадаются на два слога: *худ-ам* и *хут-ва*; в итоге мы имеем сходные первые слоги – *худ-* vs. *хут-*, но различающиеся вторые – *-ам* vs. *-ва*.

Обратимся теперь к монголоведной лексикографии. Крупнейший финский ориенталист Г.Й. Рамстедт в своем *Kalmückisches Wörterbuch* писал:

χudm̥ moŋgɒl олет. (= калм. Олет. – *ред.*) старомонгольская письменность, в противопол. *tod*^{o} *m.* „ясному письму“, новой калмыцкой письменности (Зая-Пандиты). [qudu˙ma, ВВ[11] *χudma* ’первоначальный, изначальный’ от *χuD*] [Ramstedt 1935: 194b].

По поводу слова *χuD* Ц. Шагдарсурэн ссылается на словарь письменного ойратского языка Х.А. Цвика, в котором это слово понемецки толкуется как ‘Wurzel, Kern, Ursprung’, что в русском переводе означает ‘корень, ядро, семя, начало, исток’ [Шагдарсүрэн 2001: 26].

Название алфавита *худма үзүг*, бытующее в Западной Монголии, превратилось в монгольское слово *худам*. Ц. Шагдарсурэн объясняет трансформацию этого слова по образцу слов типа *тэргэ*, *зэргэ* в письменном монгольском, которые на кириллице пишутся как *тэрэг*, *зэрэг*. Так и первоначальное слово *худма* в произношении монголов превратилось в *худам* [Там же: 25]. Исследователь уточняет, что алфавит *тод бичиг* ‘ясное письмо’ мог быть так назван в противоположность не совсем понятному старомонгольскому алфавиту, поскольку первый считался более точным. Согласно Шагдарсурэну, *тод бичиг* и *худам бичиг* (уйгуро-монгольское письмо) являются антонимами, т.е. имеют противоположные значения [Там же: 26].

Таким образом, вышеприведенные слова *χutba* и *χudma* представляют собой семантически совершенно разные лексические единицы, если не считать их сходство в слогах *χut-* vs. *χud-*.

В монгольских словарях XX века слово *худам* не было зафиксировано вообще, хотя в западной монголоведной лексикографии оно встречалось (ср. выше); это слово упоминалось и в труде К.Ф. Голстунского [Голстунский 1880: 25, 62, 135]. В современном четырехтомном «Большом академическом монгольско-русском словаре» (отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев) оно зафиксировано в составе выражения *худам монгол бичиг* ‘старомонгольское письмо, старомонгольская письменность’ [БАМРС IV 160б].

По поводу этимологии вышеприведенных словоформ сошлемся на мнение Ц. Шагдарсурэна, который предположил их согдийское происхождение. Изучив согдийские буддийские па-

[11]ВВ – это сокращенное обозначение «Сказания о хождении в Тибетскую страну малодербетского База-Бакши» [Позднеев 1897]. Форму *χudma* см. [Там же: XXIX].

мятники из Дуньхуана, он постулировал семантическое развитие исходной согдийской основы примерно по следующей схеме: *γwt'w* > *xutba* > *xutma* > *xudma* [Шагдарсүрэн 2001: 26].

Монгольский автор Б. Сумъябаатар, написавший ряд работ, в которых нельзя найти ничего, кроме сомнительных гипотез, идей и взглядов на изучаемые им объекты, склонен считать, что термин *xudma* произошел от имени финикийца Кадма, который будто бы изобрел греческий алфавит [Наваан, Сумъяабаатар 1987: 50–51]. В мифе говорилось о том, что финикийцы, прибывшие в Грецию вместе с Кадмой, который был сыном хана Агнора, принесли с собой письмо, неизвестное местному населению и заимствованное им. Среди археологических находок были обнаружены первые памятники на этом письме, написанные азбукой Кадмы [Истрин 1965: 333–334].

Слово *xudma* и имя *Кадма* имеют внешнее сходство. Однако имя *Кадма* в семантическом плане остается непереводимым. Если было бы известно его значение, можно было бы сделать какие-то выводы. Главное же состоит в том, что в согдийских источниках это имя не зафиксировано. Ц. Шагдарсурэн, опираясь на данные проф. Ф. Розенберга, высказывает мысль о том, что согд. *γwt'w* (*xvatav*) имело значение ‘владыка, царь, правитель’ [Шагдарсүрэн 2001: 26]. В таком случае это слово было бы связано с понятием сакральности, как в условиях древности всегда и бывало. В словарной статье Г.Й. Рамстедта о слове *χudm̥* источником письм.-ойр. *xudma* обозначен текст хождения калмыцкого монаха База Бакши в Тибет, причем никакой связи обоих слов с согдийскими формами не обнаруживается. Все это говорит об этих словах как об ойратских эксклюзивах позднего времени.

Библиография

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. / Под общ. ред. акад. АН Монголии А. Лувсандэндэва и д.ф.н., проф. Ц. Цэдэндамба; Отв. ред. д.ф.н., проф. Г.Ц. Пюрбеев. М., 2001–2002. Т. 1–4.

Голстунский 1880 – *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года. СПб., 1880.

Истрин 1965 – *Истрин В.А.* Возникновение и развитие письма. М., 1965.

Наваан, Сумъяабаатар 1987 – *Наваан Д., Сумъяабаатар Б.* Өвөг монгол хэл, бичгийн чухаг дурсгал (= Уникальный памятник прото-монгольского языка и письма) / Ред. Н. Сэр-Оджав, Ц. Шагдар-сүрэн. Улаанбаатар, 1987.

Позднеев 1897 – *Позднеев А.* Сказание о хождении в Тибетскую страну малодёрбётскаго База-Бакши. СПб., 1897.

Поппе 1938 – *Поппе Н.Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. М.;Л., 1938. Ч. 1–2. (Тр. / Ин-т востоковедения АН СССР; Т. 14.)

Согдийские документы 1962/2 – Согдийские документы, найденные с горы Муг / Чтение, пер. и коммент. В.А. Лившица. М., 1962. Вып. 2: Юридические документы и письма.

Шагдарсүрэн 2001 – *Шагдарсүрэн Ц.* Монголчуудын үсэг бичгийн товчоон (Үсэгзүйн судлагаа) (= Краткая история монгольской письменности [Грамматологическое исследование]) / Эрхилэн нийтлүүлсэн Ш. Чоймаа. 2-е изд., испр. и доп. Улаанбаатар, 2001. (Bibliotheca Mongolica / National University of Mongolia: Centre for Mongol Studies; 1.)

Ramstedt 1935 – *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 3.)

В.И. РАССАДИН (Россия, Элиста)

Об этимологии некоторых бурятских шаманистических терминов

В данном сообщении хотелось бы подробно остановиться на этимологии тех шаманистических терминов, происхождение которых в бурятоведении вызывает наибольшие споры и разногласия. К таким терминам относятся *бөө*, *заарин* ‘шаман’, *удаган* ‘шаманка’. В бурятском языке эти термины представлены хорошо, и бытуют они во всей этнографической Бурятии. При этом слово *бөө* везде однозначно, это – ‘шаман’, *удаган* – ‘шаманка’. В западных говорах представлен вариант *одигон*, *одёгон*, у нижнеудинских бурят – *идаган*. Для *удаган* К.М. Черемисов дает еще устаревшее значение ‘мать, матушка’ (окинский говор) [БРС 463а]. Зап.-бур. *заарин* у Черемисова приведено со значением ‘шаман’ [Там же: 240б]. И.А. Манжигеев [1978: 24, 51] определяет его как ‘самое высокое духовное звание шамана, присваиваемое ему после девятого посвящения’, а *заарин бөө* – это ‘шаман девятой степени посвящения’. Термин *бөө* в бурятском языке дает ряд производных. При этом весьма важно отметить, что образованный от него глагол *бөөлэхэ* означает не только ‘шаманить, камлать’, но и ‘петь’, а отглагольное существительное *бөөлөөн* – ‘камлание’. Образованное от него слово *бөөлөөшэн* Черемисов приводит как западное со значением ‘певцы’, а также ‘паломники’ [БРС 107б]. В языках старых и новых баргутов тоже бытуют слова *бөө*, *удган* с теми же значениями ‘шаман’ и ‘шаманка’. Кроме того, есть и *бөөлэхэ* ‘шаманить’. Относительно *заарин* здесь сведений нет. Таким образом, термины *бөө* и *удаган* достаточно устойчивы во всем баргу-бурятском ареале. В то же время, они есть и в других современных монгольских языках. Ср., например, халх. *бөө*, калм. *бө* ‘шаман’; халх. *удган*, калм. *удһн* ‘шаманка’; халх. *зайран* почтит. ‘шаман’. Судя по материалам Б.Х. Тодаевой [1981], термины *бөө* и *удган* в тех же значениях представлены и во всех языках и диалектах Внутренней Монголии КНР. В дагурском языке зафиксированы слова *ядаган* ‘шаманка’, *ядагала-* ‘шаманить’ и *джаарин* ‘помощник шамана’.

Все эти термины были характерны и для средневековых монгольских языков. Во всяком случае, в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) уже есть *bö'e* ‘шаман’, ‘колдун’, *ǰa'arin* ‘предзнаменование неба’; в китайско-монгольском словаре XIV в. «Хуаи июй» даны *bö'e* ‘шаман’ и *iduqan* ‘шаманка’. В ойратском языке XVII в. зафиксированы *бөө*, *бөү* ‘шаман’, *бөүлө-* ‘шаманить’, *удуга*, *удугун* ‘шаманка’, в старописьменном монгольском – *böge*, *bögeči* ‘шаман’, *bögele-*, *bögečile-* ‘шаманить’, *iduγan*, *niduγan*, *uduγan*, *udaγan* ‘шаманка’, *uduγala-* ‘шаманить’, *ǰayarin*, *ǰayirang* ‘шаман’. Хотя в «Сокровенном сказании» слово *iduγan* не отмечено, о его бытовании в языке монголов той эпохи свидетельствует П. Кафаров:

> *Ву*: тот, кто имеет сношения с духами. В древности, в Китае, так назывались девицы-шаманки, чествовавшие духов пляскою ... впоследствии, это имя осталось за шаманами. У монголов были *ву* обоих родов, мущины и женщины; по Дтбц. («Дэнтань бицзю». – *В.Р.*), первые назывались *бо*, другия – *идуань* (ср. письм.-монг. *iduγan* – *В.Р.*) [Кафаров 1866: 237, примеч. 511].

Из тюркских языков только в якутском есть слово *удаҕан* в значении ‘шаманка’, при этом определяется его монгольское происхождение [VEWT 510a]. В литературном тувинском языке есть сочетание *чааран хам* ‘начинающий шаман’, ‘шаман-шарлатан’. Термины же *бөө* ‘шаман’, *удугун* ‘шаманка’, *цзаарин* ‘шаман-кузнец’ отмечены только в монгольском языке юго-восточных тувинцев, на котором они до сих пор общаются в быту. Из тунгусо-маньчжурских языков отмечены лишь эвенкийские варианты *удаган*, *удуган*, *идакон*, *идакэн* в значении ‘шаманка’, а также негидальские *одован*, *одоган* ‘шаманка’, солонское *джаара* ‘шаманская шапка’.

Относительно происхождения, этимологии этих терминов в бурятоведении, да и вообще в монголоведении единого мнения пока не сложилось. Имеющиеся предположения весьма противоречивы. Так, Д. Банзаров [1955: 86–88] много внимания уделил этимологии самого термина *шаман*, но не расшифровывает происхождение *бөө*, дав ему лишь старомонгольское соответствие *böge*. Об *удаган* (*идоган*) ‘шаманка’ он говорит, что это похоже на *Итугэн* (*Этугэн*) – богиню земли у монголов [Там же: 65]. О термине *заарын* он не упоминает. Г.Ц. Цыбиков [1991: 164–

165] возводил *бөө* к китайскому *ву*, которое обозначало и жреца и жрицу, а *удаган* – к тюркскому слову *от* (*ут*) ‘огонь’. Г.И. Михайлов [1975: 91–92] связывал единством происхождения *удаган* (*одигон*, *идуган*) с *одхан* и *этуген* и считал, что эти слова связаны с очень древним культом огня или очага. Т.М. Михайлов [1980: 88–89, 198–199], по сути дела, поддержал данное мнение о происхождении термина *удаган*, а в вопросе о *бөө* солидаризировался с Кафаровым, считавшим, что в основе *бөө* лежит китайское *ву* ‘гадатель, священнослужитель’, ‘кудесник’. Б.С. Дугаров [1991: 260–263] возводит *бөө* (*böge*), как и *беки*, к иранскому *бага* ‘бог’, ‘король’ через тохарскую форму *богу* (ср. слав. *бог*). Л.П. Потапов [1991: 128–129], как и Т.М. Михайлов [1980: 198–199], хотя и учитывает древнетюркскую параллель *bögü* ‘мудрец’, ‘шаман’, но склоняется к китайскому *ву*. Проф. Г.Д. Санжеев [1985: 101] выдвинул предположение, что с монг., бур. *удаган*, *одигон* (< *iduγan*) следует сопоставлять не тюрк. *от* (*ут*) ‘огонь’, а др.-тюрк. *ыдуқ* ‘святой’, ‘священный’. Перечень мнений, предположений и гипотез можно продолжить, но и приведенные достаточно красноречиво свидетельствуют о сложности проблемы этимологии рассматриваемых терминов.

Внутренняя реконструкция, проведенная нами на материале монгольских языков и диалектов, позволяет возвести зап.-бур. *одигон*, бур. НУ *идаган*, даг. *ядаган* ‘шаманка’, а также письм.-монг. *iduγan*, *niduγan* к праформе **iduγan*, архетипом которой является ***ïduγan*, от которого еще при раннем переломе **ï* (позднее **i*) закономерно развились формы *удаган*, *удган*. Архетип ***ïduγan* ни в коей мере нельзя возводить к тюрк. *от* ‘огонь’. Нам представляется верным предположение Г.Д. Санжеева о том, что в основе *идуган* (<***ïduγan*. – *В.Р.*) лежит др.-тюрк. *ïduq* ‘священный’. Само же др.-тюрк. *ïduq* в «Этимологическом словаре тюркских языков» М. Рясянена [VEWT 164b] возводится к др.-тюрк. *ïd-* ‘посылать, отправлять; отпускать’ через промежуточную форму *ïdïq*, *ïduq* ‘отпущенный; посвященный духам, богам; жертва богам’. Окончание же *-an*, *-un* в монгольском языке закономерно присоединяется к заимствованным именным основам при их адаптации. Ср., напр., халх. *ариун*, бур. *арюун*, письм.-монг. *ariγun* ‘чистый; священный’ < тюрк. *arïγ* ‘чистый’.

Халх., бур., калм. *бөө* ‘шаман’ (< *böge*) Г.Й. Рамстедт [KWb 56b] и М. Рясянен [VEWT 83a] сопоставляют с тюркскими формами: др.-тюрк. и чаг. *бөгү* ‘мудрец’, чаг. *bügi* ‘колдовство’, тур. *büjü* ‘чародейство’, ком. *bügü* ‘мудрец, пророк’ и т.п. Сэчэнчогт [MÜIT 812a] тоже сопоставляет монг. *böge* с уйгурским *bøwi* ‘шаман’. Сближение монг. *böge* с др.-тюрк. *bögü* ‘мудрец’, ‘мудрый’ имеет сильную позицию, поскольку тюркское слово древнее, а кроме того, оно входит в целое гнездо однокоренных слов (ср. др.-тюрк. *bögün-* ‘понимать, уразуметь’, *bögüš* ‘понимание, уразумение’, оба восходящие к др.-тюрк. **bögü-* ‘понимать, уразуметь’). В монгольских же языках термин *бөө* (*böge*) изолирован. Не исключено, что др.-тюрк. *bögü* ‘мудрец’ само должно быть сопоставлено с кит. *ву* ‘жрец’, ‘жрица’, что может говорить о древнейших связях тюркского этноса с древним китайским. Об этом же свидетельствуют, кстати, и многочисленные китайские заимствования в древних тюркских языках, как впрочем, и в древнемонгольском.

Относительно *заарин* следует отметить, что не лишено оснований предположение Сэчэнчогта [MÜIT 2321b] о связи монг. *ǰaγarin*, для которого помимо ‘шамана’ присущи еще и значения ‘прорицатель, гадатель на лопатке’, ‘гений-хранитель, передающий повеление Неба’, с тюрк. *yaγrïn* ‘лопатка’. Мы считаем эту гипотезу перспективной, поскольку в тюркских языках бытуют слова *ярынчы*, *чарынчы*, *яғрынчы* ‘прорицатель, гадатель на лопатке’.

Таким образом, краткий анализ этимологий халх., бур. *бөө*, *удаган*, *заарин* показывает, что эти термины имеют тюркское происхождение и свидетельствуют о древнейших взаимосвязях тюркского и монгольского этносов в области первобытных верований.

Список сокращений

БРС – Бурятско-русский словарь: 44 000 слов / Сост. К.М. Черемисов. М., 1973.

KWb – *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 3.).

MÜIT – *Sečenčoγtu.* Mongγol üges-ün ǐǰaγur-un toli (= Корневой словарь монгольской лексики) / Rinčingava, Soyoltu kinaba. Kökeqota, 1988.

VEWT – *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 17:1.)

Библиография

Банзаров 1955 – *Банзаров Д.* Черная вера, или шаманство у монголов // *Банзаров Д.* Собрание сочинений. М., 1955. С. 48–100.

Дугаров 1991 – *Дугаров Б.С.* Исторические корни белого шаманства: На материале обрядового фольклора бурят. М., 1991.

Кафаров 1866 – Старинное монгольское сказание о Чингисхане / Пер. с кит., примеч. арх. Палладия [П.И. Кафарова] // Труды членов Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб., 1866. Т. 4. С. 1–258 + таб.

Манжигеев 1978 – *Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: Опыт атеистической интерпретации. М., 1978.

Михайлов 1975 – *Михайлов Г.И.* Некоторые замечания о монгольских словах *бөө* и *удган* // Хэл зохиол судлал (= Язык и литература). 1975. Т. 10. С. 87–93.

Михайлов 1980 – *Михайлов Т.М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980.

Потапов 1991 – *Потапов Л.П.* Алтайский щаманизм. Л., 1991.

Санжеев 1985 – *Санжеев Г.Д.* Монгольские термины *удха*, *бөле* и *бүлү* // Монгольский лингвистический сборник. М., 1985. С. 99–104.

Тодаева 1981 – *Тодаева Б.Х.* Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. М., 1981.

Цыбиков 1991 – *Цыбиков Г.Ц.* Шаманизм у бурят-монголов // *Цыбиков Г.Ц.* Избранные труды. 2-е изд., перераб. Новосибирск, 1991. Т. 2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии / Отв. ред. д.и.н. Р.Е. Пубаев. С. 164–171.

П.О. РЫКИН (Россия, Санкт-Петербург)

Некоторые особенности употребления аффрикат в среднемонгольском языке и вопрос о реконструкции (до)протомонгольских аффрикат*

1. Введение

В настоящее время среднемонгольский язык не без оснований считается очень близким, если не полностью тождественным протомонгольскому [Janhunen 2003a: 1; 2012: 2–3; Rybatzki 2003: 62; Svantesson et al. 2005: 99]. Исходя из этого, в докладе анализируются фонологические характеристики среднемонгольских аффрикат *č* и *ǰ*, которые традиционно признаются рефлексами протомонгольских **č* и **ǰ*, и предлагается новый подход к их (до)протомонгольской реконструкции.

Фонематический статус *č* и *ǰ* в среднемонгольском языке как минимальных смыслоразличительных единиц не подлежит сомнению, о чем свидетельствуют примеры, в которых они взаимно противопоставляются как в начале слова (ср. *čaqa*[12] /ʧʰakʰa/ ‘ребенок’ ТИМ vs. *ǰaqa* /ʧakʰa/ ‘воротник’ ТИМ, ZY, HY, DGZ, YY [*ǰaχa ~ ǰa’a < ǰaqa*]; *čida-* /ʧʰita/ ‘мочь’ ТИМ, Ph, HY, DGZ, YB vs. *ǰida* /ʧita/ ‘копье’ ТИМ, ZY, HY, DGZ, YY, DY, YB; *čö’en* /ʧʰøʔen/ ‘мало, малочисленный’ ТИМ, HY vs. *ǰö’en* /ʧøʔen/ ‘холодный’ HY, DGZ, ТИМ [*ǰü’en*]), так и в середине слова (ср. *eči’e* /eʧʰiʔe/ ‘отец’ ТИМ vs. *eǰi’e* /eʧiʔe/ ‘до сих пор, доныне’ ТИМ, HY, DGZ; *qačar* /kʰaʧʰar/ ‘щека’ ТИМ, HY, DGZ vs. *qaǰar* /kʰaʧar/

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Корпус транскрипций китайских иероглифов в памятниках уйгуро-монгольской письменности доклассического периода (XIII–XVI вв.)», проект № 13-04-00211.

[12] В примерах среднемонгольская лексика приводится как в стандартной академической транскрипции, так и в фонематической («узкой») транскрипции символами Международного фонетического алфавита (МФА). После каждой лексической единицы указаны памятники, в которых она встречается (см. список сокращений). В квадратных скобках даны формы отдельных памятников, представляющие собой результат фонетической эволюции исходных среднемонгольских основ.

‘земля, местность’ ТИМ, Ph, HY, DGZ, ZY [*qaǰir*], YY [*γaǰar*], DY [*χadzar*], YB [*χaǰar ~ γaǰar*]; *qaraču* /k^{h}araʧ^{h}u/ ‘простолюдин; простой народ’ ТИМ, HY vs. *qara-ǰu* /k^{h}araʧu/ ‘смотреть-CVB.IPFV’ ТИМ, HY) (в конце слова не встречаются). Вместе с тем, употребление среднемонгольских аффрикат обнаруживает примечательные особенности, труднообъяснимые на фоне этих примеров.

2. Особенности употребления среднемонгольских аффрикат

2.1. Чередование č ~ ǰ

В среднемонгольском языке выявляется обширный класс случаев несмыслоразличительного чередования обеих аффрикат в лексических основах – в начале слова (ср. *čaqa:n* /ʧ^{h}ak^{h}a:n/ ТИМ–13[13], ZY–1, HY–2, Ph–6 [*čaqa’an*], YY–7 [*čaχa:n*], DY–11 [*čaχa:n*], YB–8 [*čaχa:n*] ~ *ǰaqa:n* /ʧak^{h}a:n/ ZY–2 ‘белый’; *činana* /ʧ^{h}inana/ ТИМ–5 ~ *ǰinana* /ʧinana/ ZY–1 ‘там, с той стороны’; *čiŋgis* /ʧ^{h}iŋkis/ ТИМ–340, Ph–1, HY–3 ~ *ǰiŋgis* /ʧiŋkis/ Ph–29 титул) и в середине слова (ср. *bečin* /peʧ^{h}in/ Ph–1, HY–1, DGZ–1 ~ *beǰin* /peʧ^{h}in/ YB–1 ‘обезьяна’; *hiriče-* /hiriʧ^{h}e/ ТИМ–2 ~ *hiriǰe-* /hiriʧe/ ТИМ–1 ‘расставаться, разлучаться’; *küǰü’ün* /k^{h}yʧyʔyn/ HY–1, DGZ–1, ТИМ–6 [*güǰü’ün*] ~ *küčü’ün* /k^{h}yʧ^{h}yʔyn/ YY–1 ‘шея’; *Qači’un-beki* /k^{h}aʧ^{h}iʔun pek^{h}i/ ТИМ–2 ~ *Qaǰi’un-beki* /k^{h}aʧiʔun pek^{h}i/ ТИМ–1 антропоним). Всего нами выявлено 30 примеров чередования *č ~ ǰ* в лексических основах, встречающегося как в исконной монгольской лексике, так и в заимствованиях. При этом речь не идет о живом, фонетически обусловленном чередовании, так как никакой позиционных или комбинаторных условий нейтрализации для фонемных различий между аффрикатами в указанных примерах не может быть установлено.

Помимо лексических основ, чередование *č ~ ǰ* в среднемонгольском засвидетельствовано также в грамматических морфемах – словообразовательных (ср. *+bči ~ +bǰi* NDS: *geǰige+bči* /keʧikeptʧ^{h}i/ DY–1 ~ *geǰige+bǰi* /keʧikeptʧi/ YB–1 ‘затылочный ремень узды’; *+či-* ~ *+ǰi-* VDS: *qada’u+či-* /k^{h}ataʔuʧ^{h}i/ ТИМ–2 ~ *qada’u+ǰi-* /k^{h}ataʔuʧi/ ТИМ–2 ‘быть осторожным’) и словоизме-

[13] После тире указывается число употреблений данной основы в данном памятнике или группе памятников.

нительных (ср. *-čU ~ -ǰU* CVB.IPFV: *gür-čü* /kyrʧʰy/ ТИМ–47 ~ *gür-ǰü* /kyrʧy/ ТИМ–2, HY–6 ‘достигать-CVB.IPFV’, *nis-ču* /nisʧʰu/ ТИМ–2 ~ *nis-ǰu* /nisʧu/ ТИМ–1 ‘летать-CVB.IPFV’; *-čU’U ~ -ǰU’U* NONFIRSTH.PFV: *od-ču’u* /otʧʰuʔu/ ТИМ–1 ~ *od-ǰu’u* /otʧuʔu/ HY–1 ‘отправляться, уходить-NONFIRSTH.PFV ’) (всего 14 примеров).

2.2. Аллитерация типа č– ǰ *или* ǰ–č

В образцах монгольской поэзии классического периода, например, в стихотворных фрагментах *Erdeni-yin tobči* Саган Сэчэна (1661) [Krueger 1961], аллитерация охватывает только полностью тождественные сегменты, в частности, аффрикаты *č* и *ǰ* никогда не чередуются между собой. Однако в «Тайной истории монголов» (ТИМ) – крупнейшем памятнике среднемонгольского языка – встречается 5 примеров аллитерации типа *ǰ–č* или *č–ǰ*. Так, в одном поэтическом отрывке (§ 125) аллитерируют формы *ǰirüge* ‘сердце’ и *če’eǰi* ‘грудь’, в другом (§ 195) – *ǰidatu* ‘имеющий копье’ и *čisutu* ‘кровавый’, в третьем (§ 230) – *ǰirim* ‘краткий отдых’, *ǰirüge* ‘сердце’, *čiŋ* ‘искренний’ и *ǰirqalaŋ* ‘радость’. Вместе с тем, в ТИМ обширно представлены и примеры «классической» аллитерации типа *ǰ–ǰ* (9 примеров) и *č–č* (12 примеров).

2.3. Неразличение медиальных č *и* ǰ *в доклассической уйгуро-монгольской письменности*

Согласно современным исследованиям, уйгуро-монгольская письменность фиксирует особый литературный язык монголов, в основе которого лежал один из неустановленных пока разговорных идиомов, весьма близкий к протомонгольскому и среднемонгольскому, но в то же время по ряду характеристик отличавшийся от них и отражавший еще более раннюю стадию в развитии монгольских языков – т. н. поздний допротомонгольский (Late Pre-Proto-Mongolic) [Janhunen 2003a: 1–2; 2003b: 30, 33, 34, 40, 43; 2003c: 391; 2012: 6; Rybatzki 2003: 57]. В памятниках уйгуро-монгольской письменности доклассического периода (XIII–XVI вв.) аффрикаты *č* и *ǰ* различались только в начале слова, где *ǰ* выражалось графемой <y> (*yod*), которая, впрочем, также обозначала палатальный глайд /j/, а *č* – инициальным аллографом графемы <č> (*ṣādhē*). В середине же слова обе аффрикаты писались одинаково – с помощью медиальных аллографов

графемы *ṣādhē* (в виде «гладкого рога» или, реже, «угловатого рога»). По этой причине в доклассической уйгуро-монгольской письменности имела место омография членов контрастивных пар (см., напр., п. 1), идентификация которых определялась исключительно контекстом (ср. <q’r’čw> = *qaračᵾ* ‘простолюдин’ HC, но *qara-ǰu* ‘смотреть-CVB.IPFV’ Alt). Что касается случаев чередования аффрикат в одних и тех же основах / суффиксах, уйгуро-монгольская орфография по существу не дает никаких оснований для выбора того или иного из вариантов (ср. <p’čyn> Dun I:24, Sub = ?*bečin* ?*beǰin* ‘обезьяна’; <kwyčwkwn> Turf Ib, Bur, Sub = ?*küǰügün* ?*küčügün* ‘шея’; <n̲ysčw> Turf VI = ?*n̲is-čᵾ* ?*n̲is-ǰu* ‘летать-CVB.IPFV’; <’wd̲čwqw> Turf XXII = ?*od̲čuγu* ?*od̲ǰuγu* ‘отправляться-INDIR.PFV’).

3. Чередование аффрикат в современных монгольских языках

Из трех особенностей употребления аффрикат в среднемонгольском языке и доклассической уйгуро-монгольской письменности в современных монгольских языках отчетливо фиксируется одна – чередование рефлексов **č* и **ǰ* в лексических основах. Оно присутствует как в важных для протомонгольской реконструкции периферийных языках ганьсу-цинхайского комплекса (ср. рефлексы ПМ **časun* ‘снег’: ш.-юг. *ʧasɤn* ~ *ʧʰasɤn*, дунс. *ʦasuŋ* ~ *ʦʰasuŋ* [Nugteren 2011: 218]), так и в наиболее изученных центральных языках – халхаском, бурятском и калмыцком. В этих трех языках **č* и **ǰ* подверглись расщеплению, испытав на себе действие двух фонологических процессов – спирантизации и депалатализации (см. [Svantesson et al. 2005: 200–201]). В каждом из центральных языков сегменты, получившиеся путем расщепления первичных аффрикат, бесспорно образуют отдельные фонемы; тем не менее, выявляется определенный (хотя и немногочисленный) класс лексических основ, в которых они попарно чередуются. Наиболее многочисленные примеры чередования рефлексов **č* и **ǰ* во всех трех языках (не менее полутора десятков для каждого) относятся к одной тематической группе лексики – имитативам: ср. халх. *arʧʰɢar* ~ *arʃɢar* ‘шершавый’, *mɔɢtsɢər* ~ *mɔɢtsʰɢər* ‘короткий и толстый’; бур. *ʒarbəgər* ~ *ʃarbəgər* перен. ‘вертлявый; лебезящий’, *bugzəgər* ~ *bugsəgər* ‘сутулый’; калм. *biʤŋn* ~ *biʧʰŋn* оном. ‘кишеть, кружиться (*о му-*

равьях, мухах и т. п.)', *tordʒŋ ~ tortʃʰŋ* ономат. 'звяк! дзинь!'. Следует отметить, что имитативы традиционно считаются одним из древнейших лексических пластов в алтайских языках, отличающимся архаичной фонетической структурой (см., напр. [Шагдаров 1962]).

4. Выводы

Как явствует из сказанного, фонематическая характеристика сегментов *č* и *ǰ* в среднемонгольском (а значит, скорее всего, и в протомонгольском) вызывает серьезное противоречие: по критерию смыслоразличения (ср. наличие минимальных пар) они должны считаться отдельными фонемами, а по критерию свободного варьирования (чередования и взаимная аллитерация, усиленные свидетельствами уйгуро-монгольской письменности) их следует признать скорее аллофонами одной фонемы. Неудивительно поэтому, что Х. Нугтерен охарактеризовал примеры чередования аспирированных и неаспирированных вариантов взрывных и аффрикат как необъяснимые и странные [Nugteren 2011: 78]. На наш взгляд, для рассмотренных выше особенностей употребления среднемонгольских / протомонгольских аффрикат все-таки возможно предложить определенную объяснительную схему. В протомонгольском различие между **č* и **ǰ* носило фонематический характер, о чем свидетельствует и их участие в смыслоразличительных оппозициях, и данные современных монгольских языков, где их рефлексы в большинстве случаев взаимно противопоставлены. Что касается чередований в лексических основах и грамматических морфемах, их нужно считать историческими, отражающими предыдущий, допротомонгольский этап развития монгольских языков. На этом этапе **č* и **ǰ* предположительно являлись не отдельными фонемами, а факультативными вариантами одной согласной фонемы ***Č*, которая должна была обладать следующими признаковыми характеристиками:

по признаку <способ образования> – [аффриката];
по признаку <место образования> – [постальвеолярный/палатальный];
по параметру <время начала озвончения> – [глухой].

Признак <аспирация>, также реализующий параметр <время начала озвончения>, для этой фонемы не был дистинктивным, но

по нему различались ее аллофоны ***č* и ***ǰ*, свободно варьировавшие в речи без изменения смысла.

Реальность предложенной нами реконструкции частично подтверждается данными киданьского языка, исследования которого в настоящее время переживают ощутимый прогресс. Эти исследования показали, что киданьский и протомонгольский были связаны друг с другом лишь отдаленным (коллатеральным) родством, восходя к какому-то общему допротомонгольскому идиому [Janhunen 2011: 26–27, 43; ср.: Janhunen 2003c: 391–392]. В этой связи любопытно отметить несколько примеров чередования киданьских аффрикат как в лексических основах, имеющих очевидные монгольские соответствия, так и в заимствованиях из китайского (<ci.g.en> ~ <dzi.g.en> ‘левый’, ср. письм.-монг. *ǰegün* ‘id.’; <c.úr.er> ~ <dz.úr.er> ‘второй (*м. р.*)’, ср. ср.-монг. *ǰirin* ‘два (*о существах женского пола*)’; <g.uŋ c.iú> ~ <g.uŋ dz.iú> ‘принцесса’ ← кит. *gōngzhǔ* 公主 ‘id.’; <n.ai.ci> ~ <n.ai.dzi> ‘дружественный’, ср. письм.-монг. *nayiǰi* ‘друг’) [Kane 2009: §§ 3.080, 3.114, 3.159, 3.177]. По-видимому, здесь мы имеем дело с одной из архаичных черт раннего допротомонгольского происхождения, сохранившейся в обеих ветвях киданe-монгольского протоязыка как отражение первичного аллофонического варьирования аффрикативных согласных, не имевшего смыслоразличительного характера.

Уже в позднем допротомонгольском, по свидетельству доклассической уйгуро-монгольской письменности, аллофоны допротомонгольского ***Č* стали контрастировать по признаку <аспирация> в начале слова. Окончательная фонемизация прежних факультативных вариантов во всех дистрибутивных позициях произошла при переходе от поздней допротомонгольской к собственно протомонгольской стадии, однако пережитки более древней фонологической системы сохранились в виде большого количества примеров чередования аффрикат в среднемонгольских основах и суффиксах, а также нестандартной аллитерации в поэтических фрагментах. В современных монгольских языках и диалектах, развившихся из протомонгольского, эти пережитки уже весьма немногочисленны и ограничиваются – по крайней мере, в языках центральной группы – в основном случаями чере-

дования рефлексов **č* и **ǰ* в имитативной лексике, которая сама по себе носит крайне архаичный характер.

Список сокращений

ТИМ – «Тайная история монголов» (сер. XIII в.).
Alt – фрагменты двухъязычной (монгольско-уйгурской) стихотворной рукописи с территории Золотой Орды (XIV в.).
Bur – монгольская версия *Двенадцати деяний Будды* Чойджи Одсэра (20-е гг. XIV в.).
CVB.IPFV – соединительное деепричастие.
DGZ – китайско-монгольский словарь *Дада гуань цзацзы* (2-я пол. XV в.).
Dun I:24 – короткая настенная надпись из дуньхуанского грота на уйгуро-монгольском письме (1341–1368).
DY – китайско-монгольский словарь *Дада юй* / *Бэйлу июй* (между 1567 и 1603). Реконструкция автора.
HC – монгольский перевод *Сяо цзин* на уйгуро-монгольском письме (кон. XIII–нач. XIV в.).
HY – китайско-монгольский словарь *Хуаи июй* (1389).
NDS – суффикс именной деривации.
NONFIRSTH – косвенная эвиденциальность (заглазность).
PFV – перфектив.
Ph – монгольские памятники квадратного письма (XIII–XIV вв.).
Sub – монгольский перевод *Субхашитаратнанидхи* Сакья Пандиты на уйгуро-монгольском письме (кон. XIII–нач. XIV в.).
Turf Ib – фрагмент гимна богине Махāкāлī на уйгуро-монгольском письме из Турфанской коллекции (1-я пол. XIV в.).
Turf VI – фрагмент буддийской поэмы о трех плохих перерождениях на уйгуро-монгольском письме из Турфанской коллекции (1-я пол. XIV в.).
Turf XXII – указ Туглугтэмӳра на уйгуро-монгольском письме из Турфанской коллекции (1352).
YB – китайско-монгольский словарь *Ибу* из *Лулун сайлюе* (1610).
YY – китайско-монгольский словарь *Июй* из *Дэнтань бицзю* (1598).
VDS – суффикс глагольной деривации.
ZY – китайско-монгольский словарь *Чжиюань июй*, или *Мэнгу июй* (1264 или 1330).

Библиография

Шагдаров 1962 – *Шагдаров Л.Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

Janhunen 2003a – *Janhunen J.* Proto-Mongolic // The Mongolic Languages / Ed. by J. Janhunen. London; New York, 2003. P. 1–29. (Routledge Language Family Series; 5.)

Janhunen 2003b – *Janhunen J.* Written Mongol // Ibid. P. 30–56.

Janhunen 2003c – *Janhunen J.* Para-Mongolic // Ibid. P. 391–402.

Janhunen 2011 – *Janhunen J.* Khitan: Understanding the language behind the scripts // Writings and Cognition: Proceedings of the SCRIPTA 2011. Seoul, 2011. P. 19–47.

Janhunen 2012 – *Janhunen J.* Mongolian. Amsterdam; Philadelphia, 2012. (London Oriental and African Language Library; 19.)

Kane 2009 – *Kane D.* The Kitan Language and Script. Leiden; Boston, 2009. (Handbook of Oriental Studies; Vol. 19).

Krueger 1961 – *Krueger J.R.* Poetical Passages in the *Erdeni-yin Tobči*, A Mongolian Chronicle of the Year 1662 by Saγang Sečen. 's-Gravenhage, 1961. (Central Asiatic Studies; 7.)

Nugteren 2011 – *Nugteren H.* Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages: Proefschrift ter verkrijging van de graad van Doktor aan de Universiteit Leiden. Utrecht, 2011. (Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap. Netherlands Graduate School of Linguistics; 289.)

Rybatzki 2003a – *Rybatzki V.* Middle Mongol // The Mongolic Languages / Ed. by J. Janhunen. London; New York, 2003. P. 57–82. (Routledge Language Family Series; 5.)

Svantesson et al. 2005 – *Svantesson J.-O., Tsendina A., Karlsson A., Franzén V.* The Phonology of Mongolian. New York, 2005. (The Phonology of the World's Languages.)

Т.Д. СКРЫННИКОВА (Россия, Санкт-Петербург)

Тюркизмы социальной лексики Монгольской империи

Безусловно, Монгольская империя наследовала традиции политической культуры предшествовавших ей древнетюркских империй. Задача данного доклада – показать те свидетельства значительного участия тюркоязычных сообществ в формировании Монгольской империи и ее элиты, которые нашли отражение в политической культуре. На двусоставность правящей элиты монгольской империи указывают уже имена ее первопредков, которые репрезентируют две различные этнические компоненты – тюркскую и монгольскую: Бортэ-Чино и Гоа-Марал. Следует заметить, что в именах первопредков *Бортэ-Чино – Гоа-Марал* первая часть передает наименование животного на родном языке, тогда как вторая – на языке брачного партнера: *Бортэ* – ‘волк’ в тюркских языках, *Гоа* – ‘олениха’ в монгольском (тунгусо-маньчжурских) [Крадин, Скрынникова 2006: 187]. Соответственно, *Бортэ-Чино* означает ‘Волк-Волк’, а *Гоа-Марал* – ‘Олениха-Маралуха’, причем составная часть имени *Гоа* маркирует жен-монголок, как и в следующих именах: Борджигидай-Мэргэн – Монголджин-Гоа, Желтый пес – Алан-Гоа.

1. Этноним *борджигин* встречается в «Тайной истории монголов» (далее ТИМ) трижды: дважды в имени *Борджигидай-Мэргэн* [Rachewiltz 1972: 13], эпониме, который означает ‘Мэргэн – владыка (досл. ‘который владеет’) борджигинов’, и еще один раз – в связи с Бодончаром, который называется «владыкой родов, составляющих общность борджигин» (монг. *Bodoncar borjigin oboqtan bolba* [Ibid.: 20]). Но женой Борджигидай-Мэргэна была Монголджин-Гоа. Поскольку в качестве брачных партнеров выступают представители кланов борджигин и монгол, а браки в монгольской средневековой среде были экзогамными, то можно констатировать невозможность включения группы *борджигин* в состав монголов. Напротив, это две разные группы. Если сторона женщин маркируется именем *монгол* и сопутствующими ему этнонимами, то брачные партнеры-мужчины – рядом других этнонимов. Можно расширить семантический ряд известных пар: *тайджиут – монгол = нукуз – кият*

= борджигин – монгол = борджигин – кият = мужское – женское = Бортэ-Чино – Гоа-Марал, т.е. архетип сохраняется во всех парах. При этом первый компонент пары принадлежал тюркоязычной общности: *тайчи*, *бор* (‘серый’) – ‘волк’ в тюркских языках.

Можно вспомнить также, что в десятом поколении мы обнаруживаем супружескую пару Хорилартай-Мэргэна и Баргуджин-Гоа, в которой мужской эпоним выступает как маркер тюркоязычной общности (*хори*), а женское имя указывает на монгольское происхождение (*баргу*), что позволяет говорить о двухчастности ядра общности, разросшейся впоследствии до размеров Монгольской империи.

2. Достаточно известна связь монгольских терминов с тюркским социально-политическим лексиконом. Я бы хотела обратить внимание на этнопотестарную характеристику группы, пришедшей с Хорилартай мэргэном (*tede bölök irgen ber köl-barqujin-tögüm-ün ejen barqudai-mergen-nü ökin barqujin-go’a neretei ökin-ni qori-tumad-un noyan qorilartai-mergen-ne ökdeksen aju’u*) [Rachewiltz 1972: 14].

2.1. Привлекает внимание различие титулатуры в обозначении правителей разных этнических групп: *eǰen* у баргу и *noyan* у хори-туматов, что может обусловливаться как подчеркиванием их различных функций (впрочем, это невозможно определить на основании имеющихся фактов), так и их этно-культурными и языковыми различиями. То, что позже (в хронике XVII в.) Хорилартай-мэргэн обозначается как *eǰen* [АТ 9], позволяет предположить идентичность значений обоих титулов.

2.2. На мой взгляд, Баргудай-Мэргэн отмечается как владелец *köl-barqujin-tögüm* – линиджа, являвшегося той частью баргу, которая проживала около озера (тюркское обозначение – *köl*)[14]. Слово *tögüm*, попавшее в тюркские языки из иранских, означает ‘семя; зерно; род, племя, потомство’ [СИГТЯ 1997: 116], что синонимично слову *uruγ*, а аффиксом *-ǰin* образуется прилагательное от имени *barqu*. Его связь с монгольским миром подтверждает и наличие данного термина в калмыцком языке:

[14] Подробнее см. [Скрынникова 1993].

Калм. *toxm* ‘Rasse, Herkunft, Stamm; Nachkommenschaft’ (KWb 397b), совр. калм. *toxm* ‘порода’ (Мун. 510), ойр. Синьцз. *toxom* ‘род, поколение; происхождение’ (Тодаева 335); – тюрк., ср. каз. *tuqïm* ‘зерно; потомки; семья; семена; плод; потомство; поколение; порода; род’, кир. *tukum* ‘семя, семена’, тат. *tokïm* ‘порода; потомство, потомок’ [Kempf 2012: 144].

2.3. Обращает на себя внимание упомянутое в ТИМ слово *bölök*, которое я также перевела как ‘линидж’ Хорилартай-мэргэна[15]. На мой взгляд, подобную интерпретацию позволяет предложить синонимичность *bölök* и *uruγ*, сохранившаяся в бурятской традиционной культуре. Вандан Юмсунов, автор летописи, пишет, что хори *хоорондо обог обогоор гу. Али яһаар болон бүлэг айлнуудаар хамтаран нийлэгэд* ‘между собой объединялись в роды, или в кости и *в группы аилов*’ (пер. мой. – *Т.С.*) [БТБ 75]. Здесь мы видим следующую структуру: хори (племя) – роды (*обог обогоор*) – линиджи (*яһаар* = *бүлэг айлнуудаар*, что аналогично *уруг*).

3. Я думаю, что дополнительным свидетельством тюркской этноидентичности борджигинов является расшифровка имени *Бодончар*, который называется родоначальником этой этнической группы. Известно, что он был младшим сыном Алан-Гоа. Имя *Бодончар* состоит из двух частей: первая часть означает ‘дикий кабан’ [Rachewiltz 2004/1: 260], значение же второй части *-чар*, на мой взгляд, представляет собой иное написание известного в Тюркском каганате титула/звания *чор*[16]. С.Г. Кляшторный пишет, ссылаясь на Э. Шаванна: «Восточная сторона называлась пять племен дулу, во главе которых были поставлены пять великих чоров» [Кляшторный, Савинов 1994: 19]. Из дальнейшего текста С.Г. Кляшторного о реформах Ышбара Хилаш-хана 634 г. следует, что *иркины* и *чоры* являлись племенными вождями [Там

[15] Это очень показательный пример вероятного сохранения в языке хори данного слова. Как видим, Хорилартай-мэргэн – глава части хори, в то время как рукопись Вандана Юмсунова – это хроника, отмечающая историю одиннадцати хоринских родов.

[16] Обсуждение моей точки зрения на формант *-чар* в связи с публикациями П.О. Рыкина о значении суффикса *-чар/-нчар* [Рыкин 2009; Rykin 2010], с которыми я в основном совершенно согласна, не представляется возможным из-за ограничения объема настоящих материалов.

же: 23]. Все это позволяет, на мой взгляд, предположить, что Бодончар (Бодон-чор), младший сын Алан-Гоа, являлся вождем одного из племен (групп) тюркоязычной политии тайджиутов – борджигинов. Если вспомнить, что титул связывался с восточным, т.е. левым крылом, принадлежавшим младшему, то можно предположить, что Бодончар как младший сын наследовал коренной юрт – сакральный центр общности. Подтверждением моего предположения о том, что морфема *-чар* может быть монгольским вариантом тюркского титула *чор*, служат материалы источников, в которых встречаются имена, содержащие этот формант. Примечательно, что люди, их носившие, как правило, принадлежали к восточному крылу, так как были младшими в линидже. Хотя формант *-чар* использовался в именах не только в качестве маркера статуса младшего сына, все-таки данные источников позволяют отметить эту тенденцию как преобладающую.

Материалы, приведенные в данной публикации, демонстрируют, сколь актуальным было участие тюркского субстрата в сложении ядра Монгольской империи.

Список сокращений

БТБ – Буряадай туухэ бэшэгуудэ (Бурятские исторические хроники) / Сост. Ш.Б. Чимитдоржиев. Улан-Удэ, 1992.

СИГТЯ 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. М., 1997.

ТИМ – «Тайная история монголов» [Rachewiltz 1972].

AT – Altan Tobči: A Brief History of the Mongols by bLo-bzań bsTan-‘jin, with a Critical Introduction by The Reverend Antoine Mostaert, C.I.C.M., Arlington, Virginia, and an Editor’s Foreword by Francis Woodman Cleaves, Associate Professor of Far Eastern Languages, Harvard University. Cambridge MA, 1952. (Scripta Mongolica; 1.)

Библиография

Кляшторный, Савинов 1994 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Крадин, Скрынникова 2006 – *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингис-хана. М., 2006.

Рыкин 2009 – *Рыкин П.О.* Об этимологии терминов родства с суффиксом *.čA(r~g) ~ .nčA(r~g)* в монгольских языках // Алгебра Род-

ства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 2009. Вып. 12. С. 195–207.

Скрынникова 1993 – *Скрынникова Т.Д.* Этнотопоним *Баргуджинтокум* // История и культура народов Центральной Азии. Источниковедение: Сб. ст. Улан-Удэ, 1993. С. 41–50.

Kempf 2012 – *Kempf B.* Kalmyk – Semantical Categories of Turkic Elements in Kalmyk // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays / Ed. by Á. Birtalan. Budapest, 2012. P. 134–162.

Rachewiltz 1972 – *Rachewiltz I. de*. Index to The Secret History of the Mongols. Bloomington, 1972. (Indiana University Publications: Uralic and Altaic Series; Vol. 121.)

Rachewiltz 2004 – The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a Historical and Philological Commentary by I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. Vol. 1–2. (Brill's Inner Asian library; Vol. 7/1–2.)

Rykin 2010 – *Rykin P.* Towards an etymology of Middle Mongolian *Bodončar ~ Bodančar* // Mongolo-Tibetica Pragensia ’10: Ethnolinguistics, Sociolinguistics, Religion and Culture. 2010. Vol. 3, № 1. P. 105–122.

Е.В. СУНДУЕВА (Россия, Улан-Удэ)

Звукоподражательные возможности корней с согласным *l* в монгольских языках*

Различные варианты классификации звукоподражательной лексики в целом сводимы к двум основным направлениям: по общим структурным элементам и акустическим качествам звуков (А. Фрелих, Х. Марчанд, С.В. Воронин, О.А. Казакевич и др.) и по источникам звуков (А.М. Газов-Гинзберг, Н.И. Ашмарин, Н.М. Юсифов и др.). По классификации Л.Д. Шагдарова, звукоподражательный корень может быть подражанием звукам и шумам природы, крикам птиц, зверей, животных; звукам, сопровождающим разнообразную деятельность человека [Шагдаров 1962: 467].

В данном докладе выделено четыре лексико-семантические группы, отражающие общие типологические черты звукоизобразительной лексики монгольских языков:

1) звуки живой природы (крики, голоса, звуки млекопитающих, птиц, насекомых);
2) звуки человека;
3) звуки неживой природы (звуки природных стихий – воды, воздуха, огня, издаваемые без антропогенного воздействия);
4) смешанный тип (в качестве источника звука могут выступать как животные, человек, природа, так и различные работающие механизмы).

Следует отметить, что подобное выделение носит достаточно условный характер, поскольку данные группы представляют собой диффузные структуры. Рассматриваемый переднеязычный сонант *l* обладает достаточно широкими звукоподражательными возможностями в изображении как длительных, так и кратковременных шумов.

Из звуков живой природы корни **yul* / **šul* / **pul*(*s*) способны передавать звуки птиц: мо. *гулин гулин* – подражание пе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке междисциплинарного интеграционного проекта № 92 СО РАН.

нию иволги, бур. *гулгана-* ‘ворковать’, мо. *шулгана-*, бур. *шулагана-* ‘чирикать, щебетать’, бур. *пулшагана-* ‘клохтать (*о тетеревах на току*)’. Возможно, к звукоподражанию восходят названия птиц: бур. Алар. *һолжор* ‘поползень’, монг. *болжмор* ‘жаворонок, воробей’, бур. *булжамар*, *булжамуур*, ойр. Синьцз. *булҗимар* ‘жаворонок’, монг. *болжуухай*, бур. *булжуухай* ‘птичка, пташка’, монг. *бялдуур* ‘пташка’, (*хятруу*) *бялзуумар* ‘домовый воробей’, калм. Олет. *билцмр* ‘птенец’, монг. *бялзуухай*, бур. *билжуухай* ‘птичка, пташка’, бур. *билзуурхай шубуун* ‘небольшая птичка (*певчая*)’.

Антропофоны рассматриваются с двух позиций: звуки человека как биологического существа и человека как говорящего существа. К первым относятся так называемые интракинемы, под которыми С.В. Воронин понимает рефлекторные и «выразительные» движения, сопровождающие «внутренние» процессы в сфере сознания человека. Исследователь выделяет 36 типов фоноинтракинем, содержащих «звуковой (фонический) компонент, который, однако, в них вторичен, производен; принципиальные особенности их определяются не им, а артикуляторным компонентом» [Воронин 1982: 74].

Из выделенных автором типов фоноинтракинем согласный *l* представлен в следующих: 1) лизание: монг. *шилэмдэ-* ‘намачивать, смочить языком, послюнить’; монг. *долоо-*, бур. *долёо-*, *жолоо-*, калм. *дола-*, ойр. Синьцз. *долаа-* ‘лизать, облизывать; вылизывать; лакать’; 2) сосание: бур. *хүлхэр-хүлхэр хүхэ-* ‘жадно сосать (*матку*)’; 3) всасывание ртом жидкости: монг. *шүлс*, бур. *шүлһэн*, калм. *шүлсн*, ойр. Синьцз. *шүлсен* ‘слюна, слюни’; монг. *шөл*, бур. *шүлэн*, *шүлэ һалан* ‘суп, бульон, варево’; 4) плевание: монг. *нулим-*, бур. *нёлбо-*, калм. *нульм-*, ойр. Синьцз. *нүлме-* ‘плевать, плюнуть’; монг. *булга-* ‘выплевывать, выкидывать (*твердую пищу, косточки фруктов*)’; бур. *палд байса нёлбо-* ‘смачно плюнуть’; 5) чмоканье, смакование: бур. *шолбо үндэ-* ‘расцеловать’; 6) чавканье: монг. *шал-шал жажал-* ‘чавкать’; монг. *саль буль*, *шаль буль* ‘нехотя, лениво есть (*выбирая кусочки пищи*)’; 7) глотание: монг. *балга-*, бур. *балга-*, калм. *балһ-*, ойр. Синьцз. *балһа-* ‘брать в рот глоток жидкости, испить, отпивать’, бур. Баргуз. *палгал-* ‘много есть’; бур. *гулд-гулд*, калм. *гүлд, кулд* – звукоподражание глотанию жидкости; монг. *хөлбөж идэх*,

хөлхөж идэх ‘есть не разжевывая, глотать целиком’, бур. *хүлдхалд байса залги-* ‘с шумом глотать’, монг. *хүлх-* ‘сосать (*напр. конфету целиком, не разжевывая*); глотать не пережевывая, проглатывать целиком’; монг. *залги-*, бур. *залги-*, калм. *зальг-*, ойр. Синьцз. *зәлге-* ‘глотать, проглатывать’; 8) рыгание: монг. *гулги-*, калм. *hулh-*, ойр. Синьцз. *hулha-* ‘блевать; срыгивать, отрыгивать (*чаще о ребенке*)’; бур. *салги-* ‘срыгивать (*о ребенке*)’; монг. *халги-* ‘рыгать, отрыгивать’; 9) икота: калм. *гүлд* – звукоподражание иканию.

Что касается говорения, сонант *l* чаще характеризует невнятную, косноязычную или чрезмерно быструю речь: бур. *алмаг-талмаг* ‘бессвязно, с пятого на десятое (говорить)’, калм. *алс-булс кел-* ‘говорить несвязно’, монг. *салб-* ‘болтать, молоть, нести вздор; заблуждаться’, *салжи булжи* ‘пустая болтовня, бессмыслица’, *жолон жолон гэ-* ‘трепаться’, бур. *бүлбэгэнэ-* ‘бормотать’, калм. *бөлвәл-* ‘быть косноязычным’, ойр. Синьцз. *бөлвәәле-* ‘немного заикаться’, бур. *пал-пүл гэ-* ‘невнятно говорить, бормотать’, бур. *пальпа-* ‘мямлить’; монг. *шал шал хий-*, *палан гэ-*, *шалчгана-* ‘нести вздор; быть говорливым’, бур. *шали-* ‘болтать вздор; бузить, задираться; хулиганить’, бур. *шалша-* ‘скандалить’, барг. *шальша-* ‘бузить (*о пьяном*)’, калм. *шолҗңн-* ‘болтать, лопотать’; монг. *тал тул* ‘неясно (*подражание неясной речи*)’, монг. *тал мөл* ‘невпопад, невнятно’, бур. *тал-мүл*, *тал-мал* ‘неясно, невнятно’; бур. *тальтарган* ‘картавый; заика’, *тальтар-* ‘шепелявить, картавить’, калм. *талт-мулт кел-* ‘неуверенно говорить’, калм. *тольт*, ойр. Синьцз. *төлте* ‘косноязычный; картавый’; монг. *цолчгоно-*, *цолчро-* ‘быть невнятной (*о речи*)’, монг. *цулчра-* ‘еле ворочаться, заплетаться (*о языке*); говорить невнятно, запинаясь; страдать косноязычием’, и др.

Звуковая оболочка слов категории «Неживая природа» в основном диктуется акустическими свойствами звуков, издаваемых водой: бурления, журчания, плеска, кипения: монг. *алцагчин палцагчин* ‘бултых’; бур. *бал-сал*, *пал-пал*, *пүл-пүл гэ-*, калм. *шал-шал ги-* ‘булькать’, бур. *шал-шал*, *шүл-шүл гэ-* ‘булькать’, калм. *шальжгн-* ‘булькать; хлюпать’, монг. *шол-шол*, бур. *шолшол* ‘буль-буль’, бур. *шалд гэ-*, *шолд гэ-*, калм. *шалд ги-*, *шолд ги-* ‘шлепнуться в воду; всплеснуться’, монг. *цалги-* ‘брызгать; всплескивать; биться о берег (*о волнах*); разливаться’, калм.

цальгр- ‘расплескиваться; переливаться через край’, калм. *цалд* – звукоподражание плеску воды, и пр.

Наконец, среди звукоподражаний смешанного типа, воспроизводящих звуки, издаваемые в определенных обстоятельствах объектами или непосредственно возникающие в результате воздействия человека на какие-нибудь предметы, представлены глаголы со значением ‘бить, колотить’ (монг. *алхи-* ‘колотиться, биться *об что-л.*; хлябать (*при плохой укупорке*)’, бур. *алхи-* ‘бить, колотить’, монг. *булд-* ‘молотить, мять катком’, монг. *балб-* ‘стучать, бить, ударять, колотить’) и т.н. превербы (монг. *дэлбэ*, бур. *дэлбэ*, *балба дэлбэ*, ойр. Синьцз. *делве*, бур. *долго*, *доло*, *дүлэ*, *дэлбэ*, *дэлбэр* ‘вдребезги, совсем, в пух и прах’, и др.).

Таким образом, звукоподражательные слова с доминантой *l* обладают закономерной, непроизвольной фонетически мотивированной связью между фонетическим составом корня и лежащим в основе номинации акустическим признаком денотата. При этом главную роль выполняет корневая доминанта, которую относительно легко вычленить в монгольских языках.

Библиография

Воронин 1982 – *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.

Шагдаров 1962 – *Шагдаров Л.Д.* Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962.

JOHN TANG (Slovakia, Bratislava)

Towards Two Khitan Macroscripts Related to Iron

In the Berlin Turfan Collection appears a fragment including two Khitan macroscript (also “Large Script”) characters with nearly wholesome Uyghur notes in the first rightward column of the typical picture (Ch 3586) as follows.

Wang Ding [2004: 371] suggests that the Uyghur gloss *qaču-* (alternative reading *qaǰu-* as *č* and *ǰ* are not distinguished in Old Uyghur) may be a phonetic transcription of the Khitan word meaning ‘iron’, which is phonetically glossed as 曷朮 *hezhu* in *History of the Khitan-Liao Dynasty*. In this paper, a new decipherment of these two Khitanograms is made mainly based on Wang’s reading together with some another proofs, either etymological or graphological.

The Khitanogram **qaču-* could originate from a graphic subtraction of its rightward component in the cursive Chinese character for ‘iron’ coined by Pei Xiu 裴休 of Tang dynasty[17]. In the

[17] The contemporary simplified Siniform 铁 comes from an assimilation of the radical 釒 into 钅 of the vulgate form 鉄 appearing under Yuan dynasty,

same fragment, it is somewhat similar to (Ch 3586v); therefore, A. West [2011] did such a comparative reading of it and, accordingly, regarded the paralleling Uyghur letter *-q* as a fragmentary ending of the preceding spelling parallel. Thus, this Uyghur spelling form could be restored as *qačuγ*, and the respective Khitanogram could be restored as 次 used to translate Sanskrit *āyatana/viṣaya* 'sphere of perception or sense' (覺/識) in Buddhist terminology. This would make sense as the majority of Turfan and Dunhuang manuscripts are Buddhist in nature, and both the Khitans and Uyghurs were mostly Buddhists, so there is a good chance that any Khitan-Uyghur manuscript would be a Buddhist text.

If such a similarity between the above-mentioned characters is ignored, that is to say, the lowest fragment of the Uyghur gloss parallel to this Khitanogram cannot determine the whole spelling form, the Uyghur gloss *qaču-* could be considered to be the Khitan term for 'iron' recorded in the Khitanogram [Wang 2004: 373]. It can become an enlightenment to overcome the confusions of (un)voicedness and stop/fricative in the second syllable of the Chinese transliteration.

The other Khitanogram is glossed in Uyghur as *-urun* [Ibid.: 372]. West [2011] restored the paralleling Uyghur gloss as *orun*, just to consider the relevant Khitanogram to be 帀 for 'place, seat, throne, territory, country'. Such a decipherment is worth enlightening; those two Khitan characters, however, were read individually and unable to gain any support from the extant data.

If the upmost fragment of the Uyghur gloss cannot determine the whole spelling form likewise, this Uyghur spelling form can be immediately related to the Sino-Jurchen forms 斡論/訛論 *wolun* for 'cast iron' in *History of Jurchen-Jin Dynasty*. It should be connected with the following Altaic etymology [Starostin et al. 2003][18]:

---

according to *The Comprehensive List of Simplified Chinese Characters* (簡化字總表) published in 1964 [Zhang et al. 1997: 80] unrelated to some probable Khitanograms.

[18] Hereupon the webpage version is used. See also (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=%5Cdata%5Calt%5Caltet&first=1&off=&text_proto=*o%CC%86li+&method_proto=substring&ic_proto=on&text_meaning=&method_meaning=substring&ic_meaning=on&text_rusmean=&method_rusmean=substring&ic_rusmean=on&text_turc=&method_turc=substring&ic_turc=on&text_mong=&method_mong=substri

Proto-Altaic: **öli* (~ *-e*) ‘to die; to be hungry, exhausted’ —
Proto-Turkic[19]: **öl-* ‘to die, (**öl-tür-*) to kill’ — Old Turkic: *öl-* ‘to die’ (Yenisei Old Uyghur), *ölür-* ‘to kill’ (Orkhon-Yenisei Old Uyghur); Turkish: *öl-* ‘to die’, *öldür-* ‘to kill’;
Proto-Mongolic[20]: **öl-* ‘to be hungry, hungry’ — Written Mongolian: *ölüŋ* ‘hungry’; Khalkha: *ölön* ‘hungry’; Buryat: *ülen* ‘hungry’;
Proto-Manchu-Tungusic[21]: **(x)olbu-* ‘soul of the dead; shadow’ — Evenki: *elbu*, *olbu-n* (attested only in Evenki, with probable parallels in Turkic and Mongolian).

Based on the above analysis, it could be challenged that V. Rybatzki [1999: 65] thought the Turkish-Gagauz designation *ölü demir*, literally ‘dead iron’, for ‘cast iron’ as a loan translation from German or English.

Simultaneously, it can be noticed that, in the Uyghur spelling form , the extant upmost part is likened rather to *-l-* than to *-r-*. Consequently, it is jusified etymologically that the Sino-Jurchen term 斡論/訛論 *wolun* for ‘cast iron’, reconstructed as **olon*, could be borrowed directly from some unattested Turco-Mongolic form, with the literal meaning ‘exhausted (iron)’. And furthermore, in the fragment concerned, the two Khitan characters together with their Uyghur glosses should be reconstructed as *olon* ‘cast (iron)’ and *qaču* ‘iron’, which becomes more reasonable as concerns the two Khitan terms related to iron from among the extant Khitanograms. In the ex-

---

ng&ic_mong=on&text_tung=&method_tung=substring&ic_tung=on&text_kor=&method_kor=substring&ic_kor=on&text_jap=&method_jap=substring&ic_jap=on&text_reference=&method_reference=substring&ic_reference=on&text_any=&method_any=substring&sort=proto&ic_any=on).

[19] Hereupon the webpage version is used. See also (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=/data/alt/turcet&text_number=++18&root=config).

[20] Hereupon the webpage version is used. See also (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=/data/alt/monget&text_number=+177&root=config).

[21] Hereupon the webpage version is used. See also (http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=/data/alt/tunget&text_number=+235&root=config).

tant Jurchen graphic set, there is no such character in our present reading of this lexical item.

Etymological and graphic analogies to some Jurchenograms and phonetic connection with some Sino-Jurchen glosses could support the conclusion that these two characters might well indicate ‘cast iron’ and ‘iron’, which seems more meaningful than ever.

References

Rybatzki 1999 – *Rybatzki V.* Turkic words for ‘steel’ and ‘cast iron’ // Turkic Languages. 1999. Vol. 3, № 1. P. 56–86.

Starostin et al. 2003 – *Starostin S., Dybo A., Mudrak O.* Etymological dictionary of the Altaic languages. Leiden, 2003. (Handbook of Oriental Studies. Sec. 8: Central Asia; Vol. 8(1–3).)

Wang 2004 – *Wang Ding.* Ch 3586 – ein khitanisches Fragment mit uigurischen Glossen in der Berliner Turfansammlung // Turfan Revisited – The First Century of Research into the Arts and Cultures of the Silk Road / Ed. by D. Durkin-Meisterernst, S.-C. Raschmann, J. Wilkens, M. Yaldiz, P. Zieme. Berlin, 2004. P. 371–379.

West 2011 – *West A.* Khitan Miscellanea 1: Oh, How the Gods Mock Us! (http://babelstone.blogspot. sk/2011/10/khitan-miscellanea-1.html).

Zhang et al. 1997 – Jianhuazi shuoyuan (= On the origins of simplified Chinese characters) / Ed. by Zhang Shuyan, Wang Tiekun, Li Qingmei and An Ning. Beijing, 1997.

С.М. ТРОФИМОВА, В.И. РАССАДИН (Россия, Элиста)

Историческое развитие лексического состава языка дербетов Калмыкии и Монголии[22]

Рассмотрение лексики языка дербетов Калмыкии и Монголии в сравнительно-историческом аспекте показало ее неоднородный состав, который представлен большим количеством лексических единиц общемонгольского характера, присущих большинству монгольских языков и объединяющих эти языки в одну семью. Следует отметить, что данная лексика, представленная в языке дербетов Калмыкии и Монголии, произносится со своим, характерным только для него, т.н. дербетским налетом, обусловленным специфическим губным сингармонизмом. В составе этой общемонгольской лексики бытуют слова, представляющие все части речи и классы, относящиеся к разнообразным тематическим группам.

Так, одной из самых больших по количеству слов лексико-грамматических групп являются имена существительные. В их составе можно выделить, к примеру, слова, называющие человека по полу, возрасту, по отношениям родства, свойства и т.п., например, дерб. К. *күн*, дерб. М. *күмн* ‘человек’, дерб. К. *гергн,* дерб. М. *гергн* ‘жена’; слова, называющие части тела, внутренние органы, выделения, например, дерб. К., дерб. М. *бий* ‘тело’, дерб. К. *толһа*, дерб. М. *толгаа* ‘голова’, дерб. К. *нүдн*, дерб. М. *нүдүн* ‘глаза’; бытовая лексика: дерб. К., дерб. М. *гер* ‘дом’, дерб. К. *ишкә гер*, дерб. М. *ишгәә гер* ‘юрта’.

Дербеты Калмыки и Монголии, как и другие монгольские племена, ведя традиционный кочевой образ жизни, издавна занимались номадным скотоводством и разводили скот пяти видов – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. Но если судить по наличию терминов в языке дербетов Калмыки и Монголии, им был известен и шестой вид скота – яки. Дербеты Калмыкии, в отличие от дербетов Монголии, не разводили яков, но имели о них представление, о чем свидетельствуют оставшиеся в языке термины.

[22] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ–МинОКН Монголии, проект № 11-24-03-005а/Мон.

В языке дербетов Калмыкии обнаруживается большое количество слов общемонгольского характера в составе и других лексико-тематических групп, распределенных по различным частям речи. Так, например, здесь мы находим названия диких животных, рыб, насекомых – *чон* ‘волк’, *бар* ‘тигр’, *меклә* ‘лягушка; жаба’, *заһсн* ‘рыба’, *батхн* ‘муха’; названия растений – *модн* ‘дерево’, *бурһсн* ‘верба’, *өлң* ‘осока’, *шарлҗң* ‘бурьян’; названия ландшафта и атмосферных явлений – *уул* ‘гора’, *цөл* ‘пустыня’, *салькн* ‘ветер’, *шуурһн* ‘метель’, *цасн* ‘снег’. Общемонгольскими являются все числительные и местоимения, многие прилагательные, глаголы и наречия, служебные части речи.

Среди лексики общемонгольского характера в калмыцком языке и в языке дербетов оказалось немало слов, тюркское происхождение которых не вызывает сомнений. Так, среди них выделяются тюркские лексические элементы общемонгольского характера и тюркизмы, присущие, кроме калмыцкого языка, какому-либо другому монгольскому языку. Примерами такого рода тюркских элементов могут служить следующие: из тюркизмов общемонгольского характера – калм. *заль* ‘пламя’, халх. *дзаль* ‘горящий уголь, бур. *зали* в выраж. *сог зали* парн. ‘пыл, жар; величие’, зап.-бур. *зали түмэр* ‘щипцы для углей’, письм.-монг. *ǰali* ‘пламя; воодушевление, жар’ < тюрк., ср. др.-тюрк. *yalïn, yalïnč* ‘пламя’ (< *yal-* ‘вспыхивать, воспламеняться’) (см. [KWb 470a]).

В то же время в языке дербетов, как и в калмыцком языке, есть заметное количество слов, общих со словами языка дербетов Монголии, т.е. слов, характерных для ойратского ареала и отсутствующих в других современных монгольских языках. Это, например, такие слова, как *асхн* ‘вечер; вечером’, *сөөнә* ‘ночью’, *өрлә* ‘на рассвете’, *ааших* ‘приближаться’, *аглюн* ‘глухое место, захолустье’ и т.п. Среди подобных слов немало таких, которые были заимствованы из тюркских и других языков: ср., например, *аю*, сарт-калм. *айуу*, дерб. М. [Вандуй 1965: 148] *ajȳ*, ойр. *ауш* ‘медведь’ < тюрк., ср. др.-тюрк. *adïγ*, *aduγ*, *aδïγ*, *auïγ* (об этимологии см. [ЭСТЯ 1974: 112–113; KWb 5a]); *идш* [*идеш*], дерб. М. [Вандуй 1965: 154] *идәш* ‘корыто, лохань, в которых дают корм собакам, свиньям и т.п.’ < тюрк., ср. др.-тюрк. *idiš* ‘сосуд, чашка, бокал’ (о распространении этого слова по тюркским языкам см. [ЭСТЯ 1974: 328]).

Несколько специфических тюркизмов обнаружилось и у дербетов Монголии (по материалам Э. Вандуя): *аңгӣс* ‘убранное поле, жнивье’ (ср. др.-тюрк. *аŋïs* ‘жнивье’, кир., каз. *аңыз*, тур. *anıs* ‘жнивье, стерня’), *ä^{i}p* ‘1) острога, вилка; 2) развилина, рогулька; 3) неглубокий канал’ (ср. др.-тюрк. *adïr* ‘отделение, ответвление, развилина’, *adïr-*, *aδïr-* ‘разделять, различать; отделять’, кир. *айыр-* ‘отделять, разделять’, каз. *айыр* ‘рогулька; ответвление’, уйг. *айри* ‘деревянные вилы, рогатина’), *башӣк* ‘колос’ (ср. кир. *башак*, уйг. *башақ* ‘колос’), *кӱрәм* ‘каменная осыпь’ (ср. др.-тюрк. *qorum* ‘каменные россыпи, обломки скал, валуны’, кир. *корум* ‘груда больших камней, отвалившихся от скалы’, уйг. *қорам* ‘щебень, дресва’), *осӧw* ‘тесло’ (ср. алт. *озуп*, *оозык*, хак. *усып*, *оозуп*, *озук*, шор. *осуп*, тоф. *осук*, тув. *озук* ‘корнекопалка’), *тоwӧрцӧк* ‘что-либо выпуклое, шишка’ (ср. кир. *тобурчак* ‘еловая шишка’).

Некоторые же слова отмечены в источниках как бытующие в разных калмыцких говорах: сарт-калм. *башлыг*, дерб. М. [Вандуй 1965: 149] *башлӑг*, калм. Олет. [KWb 36a] *башлиг* ‘пресный сыр’; дерб. К., калм. Олет. [KWb 336b] *суль* ‘овес’; дерб. К., калм. Олет. [KWb 173b] *хавг*, калм. Торг. [Кичиков 1967: 35] *хавыг* ‘тыква’; сарт-калм. *халты*, дерб. М. [Вандуй 1965: 164] *халт* ‘карман’ (ср. кир., ног. *калта*, каз. *қалта* ‘id.’); сарт-калм. *хашыг*, дерб. М. [Вандуй 1965: 165] *хашӣг*, калм. Олет. [KWb 172a] *хашиг* ‘ложка’; калм. Олет. [KWb 354a] *шаар*, сарт-калм. *шәәр* ‘город’; сарт-калм. *чалһы*, дерб. К. [Кичиков 1967: 34] *шалһы*, дерб. К. [KWb 346b] *шалһ*, калм. Олет. [KWb 420b] *шалһ* ‘коса для сенокошения’.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что калмыцкий язык давно испытал влияние тюркских языков, начавшееся еще в эпоху, когда предки калмыков – ойраты – еще не выделились из группы северных монголоязычных народов, о чем говорит наличие тюркизмов как в старомонгольском языке, так и в современных халхаском и бурятском. Таких тюркизмов в калмыцком языке довольно много. Здесь в качестве иллюстрации были рассмотрены лишь отдельные из них.

Список сокращений

ЭСТЯ 1974 – *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

KWb – *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae; 3.).

Библиография

Вандуй 1965 – *Вандуй Э.* Дөрвөд аман аялгуу (= Дербетский говор). Улаанбаатар, 1965.

Кичиков 1967 – *Кичиков А.Ш.* Дифференциальные признаки говоров калмыцкого языка (О приципах класификации говоров) // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Сер. филологическая. 1967. Вып. 5. С. 22–38.

HIROYUKI UMETANI (Japan, Tokyo)

Description of *-xgüjs* in Khalkha Mongolian

1. Introduction

This presentation deals with the suffix *-xgüjs*, which has received little attention in Mongolian linguistics. First, we describe some characteristics of *-xgüjs* from such viewpoints as its meaning and the defective inflectional paradigm it exhibits. Then, two possible ways to analyze *-xgüjs* synchronically are presented: (i) it can be considered a verb-deriving suffix as a whole, or (ii) it can further be divided into three suffixes: *-x* (non-past verbal-nominal suffix), *-güj* (negative), and *-s* (verb-deriving suffix).

2. Meaning of *-xgüjs*

Verbs formed from attaching the suffix *-xgüjs* are observed particularly in colloquial Khalkha Mongolian. *-xgüjs* adds such meanings as 'to think that (someone) does/will not …', and 'to be reluctant to …'.

(1) a. *зөвшөөр-* (*zövšöör-*) 'to agree'
b. *зөвшөөрө-хгүйс-* (*zövšöörö-xgüjs-*) 'to think that (someone) does/will not agree' or 'to be reluctant to agree'

See (2) and (3) for examples where a verb using *-xgüjs* appears.

(2) ***Зөвшөөрөхгүйсээд*** *байх юм байхгүй.*[23]
Zövšöörö-xgüjs-eed *baj-x* *jum* *baj-x-güj.*
agree-*XGÜJS*-CVB.PFV be-VN.NP thing.NOM be-VN.NP-NEG
'It is not that I do not agree with it.'
Literal translation: 'There is not a situation [where I] am being reluctant to agree [with it].'

[23] Mongolian examples are presented in Cyrillic characters on the first line. They are transliterated into Latin characters on the second line, and the corresponding glosses are placed on the third line. The portions enclosed by square brackets in the English translations indicate that the words that correspond to the English words do not exist in the original Mongolian sentences.

(3) *Надад* ***чадахгүйсээд*** *байх юм алга*.

Nadad	***čada-xgüjs-eed***	*baj-x*	*jum*
1SG.DAT	be.able.to-*XGÜJS*-CVB.PFV	be-VN.NP	thing.NOM

alga.
not.exist
'It is not that I can't.'

Literal translation: 'There is not a situation [where I] am thinking that [I] can't.'

As far as the data available to us are concerned, verbs using *-xgüjs* appear only in the fixed expression *V-xgüjs-eed bajx jum bajxgüj*/*alga*, as observed in (2) and (3). This expression is literally translated as 'There is not a situation where (someone) is thinking that he does/will not V', or 'There is not a situation where (someone) is reluctant to V', and is suitably translated as 'It is not that (someone) does/will not V' or 'It is not that (someone) is reluctant to V'. (Refer to the translations in (2) and (3).)

3. Defective inflectional paradigm of *V-xgüjs*

As mentioned in Section 2, verbs using *-xgüjs* appear only in the fixed expression *V-xgüjs-eed bajx jum bajxgüj*/*alga*. In this expression, the verb with *-xgüjs* takes the perfective converb suffix *-aad* (or *-ood*, *-eed*, *-ööd* in accordance with vowel harmony). That is, verbs using *-xgüjs* have only one inflectional form. For example, (4) below is not acceptable, where *zövšöörөx-güjs* appears in an inflected form other than the perfective converb.

(4) **Дарга нар миний саналыг* ***зөвшөөрөхгүйссэн***.

**Darga*	*nar*	*minij*	*sanal-yg*	***zövšöörö-xgüjs-sen***.
boss	PL.NOM	1SG.GEN	idea-ACC	agree-*XGÜJS*-VN.PST

Intended meaning: 'Our bosses were reluctant to agree with my ideas.'

Khalkha Mongolian has few verbs which inflect defectively.[24] Therefore, we may say that verbs using *-xgüjs* exhibit an outstanding behavior in terms of morphology.

[24] It is pointed out in the literature that Mongolian has two kinds of defective verbs [Бямбасан, Жанчивдорж 1987: 184–185; Kullmann, Tserenpil 1996: 200]. See (i) and (ii) below.

4. Internal structure of *-xgüjs*

If we try to break up *-xgüjs* into as many morphs as possible, it can be analyzed as a combination of three suffixes: *-x* (non-past verbal-nominal suffix), *-güj* (negative), and *-s* (verb-deriving suffix). On the other hand, it is also possible to consider *-xgüjs* a derivational suffix as a whole. (We have tentatively adopted the latter analysis in the discussions so far.) These two analyses can be presented in the form of (5) below.

(5) a.

zövšöörö		*-x*	*-güj*
agree		VN.NP	NEG
base (including the root *zöv*)		inflection	inflection
-s	(*-eed*)		
VDS	CVB.PFV		
derivation	inflection		

b.

zövšöörö	*-xgüjs*	(*-eed*)
agree	VDS	CVB.PFV
base (including the root *zöv*)	derivation	inflection

When the analysis (5a) is adopted, one problem arises. Cross-linguistically, derivational suffixes are found closer to the root than inflectional suffixes. This general tendency is observed in Khalkha Mongolian as well. According to (5a), however, the inflectional suffixes *-x* and *-güj* appear closer to the root than the derivational suffix

---

(i) *a-žee* (be-TV.PST) 'was/were'
a-tal (be-CVB.TERM) 'while ... is/are, although ... is/are'
a-vaas (be- CVB.COND) 'if ... is/are'
a-san (be-VN.PST) 'was/were'

(ii) *buj* 'is/are'
bij 'is/are'
bilee 'was/were'

These are remnants of conjugational forms of the (auxiliary) verbs *a-* 'to be' (Group (i) above) and *bü-* 'to be' (Group (ii)) in the pre-classical period. As mentioned by Kullmann and Tserenpil [1996: 200], "[a]t that time, they could be fully conjugated as any other verb. But today, only leftovers of these verb conjugations are left and they are mainly used in literary language."

-s. If we take the position that *-xgüjs* is a derivational suffix as a whole (i.e., 5b), this problem does not come up.

However, it is not that the former analysis is totally impossible, because there are several cases where a derivational suffix follows an inflectional suffix in Khalkha Mongolian. For example, the noun-deriving suffixes *-x* and *-xan* appear after the genitive (i.e., inflectional) suffix. See (6) and (7).

(6) *aav-yn* → *aav-yn-x*
father-GEN father-GEN-NDS (base-inflection-derivation)
'father's' (possessor) 'father's' (thing)

(7) *Dorž-ijn* → *Dorž-ijn-xon*
PN-GEN PN-GEN-NDS (base-inflection-derivation)
'Dorj's' 'Dorj's family'

We will remain undecided about which analysis is more appropriate until more detailed descriptions of *-xgüjs* become available. The descriptions provided in this presentation hopefully serve as a basis to further inquiries.

Abbreviations

1 – first person; ACC – accusative; COND – conditional; CVB – converb; DAT – dative-locative; GEN – genitive; NEG – negative; NDS – noun deriving suffix; NOM – nominative; NP – non-past; PFV – perfective; PL – plural; PN – personal name; PST – past; SG – singular; TERM – terminal; TV – terminating verbal; VDS – verb deriving suffix; VN – verbal nominal

References

Бямбасан, Жанчивдорж 1987 – *Бямбасан П., Жанчивдорж Ц.* Туслах ба дутмаг үйл үгийн тухай (= On auxiliary and defective verbs) // Орчин цагийн монгол хэлний үг зүйн байгуулалт: Монгол хэлний үйл үгийн тогтолцоо (= Morphological structures in Modern Mongolian: Verb system of Mongolian) / Ред. Ш. Лувсанвандан. Улаанбаатар, 1987. P. 174–185.

Kullmann, Tserenpil 1996 – *Kullmann R., Tserenpil D.* Mongolian Grammar. Hong Kong, 1996.

Г.Н. ЧИМИТДОРЖИЕВА (Россия, Улан-Удэ)

Взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков: исторические аспекты

В определении причин, условий и результатов взаимодействия языков, а также родства монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских языков или его отрицания, невозможно обойтись без глубокого проникновения в суть исторических, межэтнических и других связей между носителями этих трех групп языков, определяющих направление и характер влияния одного языка на другой. Длительное и тесное взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских этносов – очевидный и общепризнанный факт. Именно он придает проблеме выделения заимствований первостепенное значение.

Данные археологии, антропологии, истории и этнографии свидетельствуют о том, что взаимодействие тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков происходило в течение не только многих столетий, но и тысячелетий. Однако вопрос об этнокультурной ситуации в Центральной Азии и на ее окраинных территориях до появления на исторической арене первых кочевых государственных объединений достаточно сложен – в научной литературе до сих пор дискутируются вопросы праэтнического состояния их обитателей и взаимодействия древних суперэтнических образований.

История монгольских этносов протекала в тесном соприкосновении с тунгусо-маньчжурскими племенами. Выявление точных ареалов контактирования двух этносов в древности осложняется тем, что в археологических культурах более позднего времени начинают проявляться устойчивые специфические особенности, характерные для определенного этноса. Трудно дифференцировать памятники палеолита и неолитические культуры в плане их этнической принадлежности, и можно говорить только об историко-культурных ареалах. Динамичная картина взаимодействия и смены этнокультурных процессов на обширных территориях Центральной Азии наблюдается только с эпохи развитой бронзы [Коновалов 1999: 10].

Что касается лингвистических исследований, то ученые сходятся в том, что, по крайней мере, существовало активное взаимодействие монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, если даже это и не результат родственных отношений. Например, по концепции В.И. Рассадина, северные монгольские языки, среди них особенно бурятский, где-то в районе Хингана и Приамурья еще в древнее время подверглись влиянию тунгусо-маньчжурских языков [Шагдаров 2013: 98]. А.М. Щербак [1966: 22–23] считает, что это взаимодействие относится к эпохе существования киданьской империи Ляо (X–XII вв.) и возвышения чжурчженей (XII–XIII вв.), а также ко времени адаптации маньчжурами монгольского письма и распространения буддизма (XVII–XVIII вв.).

В результате исследования языковых и прочих данных ученые пришли к выводу, что потомками киданей как смешанной «монголо-тунгусской расы» являются дауры и солоны. У Л.И. Шренка дауры и солоны причисляются к севернотунгусским народам с сильной монгольской примесью [Деревянко 1976: 241–242]. Английский ученый Х. Хауорс и японский исследователь К. Ширатори сходятся в том, что от киданей ведут свое происхождение и дауры, и солоны [Залкинд 1948: 56]. На основе имеющихся данных Е.М. Залкинд [1948: 62] делает заключение, что киданей следует рассматривать как древнемонгольскую народность, остатками которой являются современные дауры. Под властью этой народности в Великом Ляо жили народы и племена различного этнического происхождения, в том числе тунгусы-солоны.

Как считает Н.Н. Поппе,

> дагурское наречие безусловно не является не только тунгусским языком, но и монголо-тунгусским жаргоном, представляя собой очень своеобразный и во многих отношениях чрезвычайно архаичный монгольский диалект, сохранивший ряд черт, характерных для монгольских наречий XIII–XIV вв., известных нам по некоторым памятникам того времени [Поппе 1930: 2].

Тем не менее языковые материалы с бесспорностью доказали принадлежность дауров к монголам и солонов к тунгусам. Язык дауров испытал также несравненно большее маньчжурское влияние, чем прочие восточномонгольские наречия, а из тунгус-

ской группы наиболее сильное монгольское влияние испытали солоны.

Нами был проделан сравнительно-сопоставительный анализ словарного состава бурятского как одного из монгольских языков и эвенкийского как языка, относящегося к тунгусо-маньчжурской языковой группе. В результате проведенного нами сопоставления удалось выявить значительное количество общих словарных элементов. Сравнительно-историческое исследование лексики бурятского и эвенкийского языков показало, что выявленные в процессе этой работы многочисленные общие словарные элементы по своему составу неоднородны.

При обращении к проблеме эвенкийско-бурятских связей необходимо опираться как на общетунгусо-маньчжурский материал, так и на общемонгольский, «поскольку часть эвенкизмов может оказаться реликтом более ранних общемонгольских связей с тунгусо-маньчжурским языковым миром. Поэтому мы берем данную проблему шире, как проблему взаимодействия монгольских языков с тунгусо-маньчжурскими» [Рассадин 1989: 146–147]. Также очевидна была необходимость сопоставления каждой параллели с тюркским языковым материалом, что позволило как можно объективнее подойти к решению проблемы разграничения общих лексических элементов и заимствований вследствие существования в науке известного предположения о генетическом родстве алтайских языков.

В решении данной проблемы необходимо было учитывать и данные сравнительно-исторической фонетики – звуковой состав корневых непроизводных и производных основ и особенности развития фонетического облика слов в рассматриваемых языках. Для разграничения общих и иноязычных элементов словаря применялся семантический критерий, то есть характер функционирования каждой параллели в лексико-семантических системах двух языков и связь их с другими словами. Таким образом, в процессе сравнительно-исторического анализа установленных параллелей были определены следующие лексические пласты монголо-тунгусо-маньчжурских соответствий: предполагаемый алтайский пласт слов, лексика общего монголо-тунгусо-маньчжурского характера, монголизмы и бурятизмы в эвенкийском языке, тунгусо-маньчжуризмы и эвенкизмы в бурятском языке.

Проведенный анализ только этих языков выявил много интересных материалов, подтверждающих глубину этнической истории носителей монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в пределах одной или нескольких смежных территорий, причем древность взаимодействия между ними достаточно велика. Каждый из этапов их этнической истории оставлял определенный след в их языке, а также в материальной и духовной культуре.

Библиография

Деревянко 1976 – *Деревянко А.П.* Приамурье (I тыс. до н.э.). Новосибирск, 1976.

Залкинд 1948 – *Залкинд Е.М.* Кидани и их этнические связи // Советская этнография. 1948. № 1. С. 47–62.

Коновалов 1999 – *Коновалов П.Б.* Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ, 1999.

Поппе 1930 – *Поппе Н.Н.* Дагурское наречие. Л., 1930. (Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР; Вып. 6.)

Рассадин 1989 – *Рассадин В.И.* О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск, 1989. С. 145–152.

Шагдаров 2013 – *Шагдаров Л.Д.* Проблемы новой академической грамматики бурятского языка. Улан-Удэ, 2013.

Щербак 1966 – *Щербак А.М.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.

ZHENG YUE (ЦАГААНСАР) (БНХАУ, Хөх-Хот)

Юан улсын төрийн үсэг болох дөрвөлжин үсгийн нэгэн хувилбар — Төвөд зоосон дахь дөрвөлжин үсгийн тухай

1. Сэдэв тушаалт

Манай энд ярих гэж байгаа "төвөд зоос" гэгч нь төвийн засгийн ордноос хянан зохиолгосон, тусгайлан төвөд орон ба түүний эргэн тойрны муж орон дахь төвөд үндэстэний газар оронд хэрэглэгддэг зоос болно. Түүний холбогдох цаг нь 19-дүгээр зууны дөчөөд оноос хорьдугаар зууны жараад он болно. Энэ нь яриангүй Чин улсын сүүлч үеэс Дундад улсын эв хамт намын төв хороо засгийн ордноос төвөд орныг чөлөөлсөн анхны цаг хугцаатай холбогдож байна.

Зоос нь будасын солилцооны явцад тэнцүү үртгийг илэрхийлдэг нэг зүйлийн будас болсоны хувьд түүний аж ахуйн онцлог шинж нь тэргүүн байрд орших боловч тэр нь бас түүх, улс төр, цэргийн явдал, шашин суртахуун, соёл, иргэний зан заншил зэрэг сураг зангийг ахуулж байгаа тул мөн ч манай чухал судлагдахуун болно. Монгол төвөд хоёр үндэстэн бол түүхэн дээр улс төр, шашин суртахуун, соёлын талаар нягт харилцаатай байсан үндэстэн болно. Энэ талаар Юан улсын үед хааны багш байсан Пагва лам хийгээд түүний зохиосон дөрвөлжин үсэг нь товойм гэрч болж болно. Хубилай хааны зарлигаар Пагва ламын зохиосон дөрвөлжин үсэг бол төвөд үсгийн дүрс хэлбэрийн суурин дээр, уйгаржин монгол үсгийн дүрэмээр лавлалт болгон зохиогдсон нэгэн авианы үсэг болно. Хубилай хаан 1269 онд бүх улсын хэвчээнд тус үсгийг хэрэгжүүлэх ба "аливаа үсгийг орчуулан буулгах" зарлиг буулгажээ.

Дөрвөлжин үсэг нь Юан улсын төрийн үсэг болсоны хувьд зөвхөн монгол хэлийг л тэмдэглэсэн тэдий биш, харин тухайн үеийн бусад гол үндэстэн болох хятад ба төвөд зэрэг хэлийг ч тэмдэглэсэн байна. Дөрвөлжин үсэг нь бүхий л Юан улсын шатанд албан ёсоор хэрэглэгдснээр барахгүй, түүний нөлөө нь нэлээд хожуу үе болтол төвөд соёлын хэвчээнд үргэлжилсэн юм. Төвөдийн уламжлалт бурхны шашины сүм хийдэт одоо болтол голдуу чимэг заслын үйлдэлтэй (ганц хоёр сурах бичиг ч буй) хэрэглэгдсэн үүдний хоёр хажуугийн хос уянгын дөрвөлжин

үсгийн бичээс, ихэс лам нар ба албан тамганд сийлэгдсэн дөрвөлжин үсэг, төвөд зоосон дээр хэрэглэгдсэн дөрвөлжин үсэг зэрэг нь түүнийг илрүүлж байна. Эдгээр нь ирэл гарал, дүрс хэлбэрийн хувьд дөрвөлжин үсэгтэй шууд холбоотой боловч үсгийн зурлага ба тиг маяг, үйлдэл хэрэгцээний хувьд өөрийнхээ онцлогтой юм. Бид эдгээр төвөд судлал лугаа холбогдсон дөрвөлжин үсгийн иймэрхүү хувилбарыг төвөджин дөрвөлжин үсэг гэж нэрлэж болно гэж үзэж байна. Манай шинжлэх гэж байгаа нь даруй төвөд зоосон дахь төвөджин дөрвөлжин үсэг болно. Тус өгүүлэлд дөхмийг бодож мөн л "дөрвөлжин үсэг" гэж авсан байна.

2. Төвөд зоосон дахь дөрвөлжин үсгийг тайлан унших нь

2.1. Манд олдож байгаа төвөджин дөрвөлжин үсэг бүхий зоосны олонхь нь цаасан зоос байж, төмөрлөг зоос нь хоёрхон хувь байна. Бид урдаар түүнийг үзье (зураг 1). Энэ хоёр төмөрлөг зоос нь их төлөв Чин улсын сүүлчийн үе даруй 1840 оны наагуур цаагууруар эрдэнэ хадгалах товчионоос цутгасан хувийн зоос болно.

Энэ хоёр зураг дахь дөрвөлжин үсгийн галиг нь *su tho ke bi rja ya* болно.

2.2. Цаасан зоосон дахь дөрвөлжин үсэг нь тухайн цаасан зоосынхоо адил бус байринд оршдог.

Үүнд нэгдүгээр төрөл нь бол цаасан зоосны нүүр талын баруун хагас хэсэгт дараастай хар будагт тамган дахь дөрвөлжин үсэг, хоёрдугаар төрөл нь бол цаасан зоосон дахь нүүр талын зүүн баруун хоёр хөвөөгөөр байгаа дөрвөлжин үсэг, гуравдугаар төрөл нь бол цаасан зоосны нүүр талын голд байгаа зургийн дөрвөн өнцөг дэх дөрвөлжин үсэг, дөрөвдүгээр төрөл нь бол цаасан зоосны ар талын зүүн баруун хоёр хөвөөгөөр байгаа дөрвөлжин үсэг зэрэг болно.

Нэгдүгээр төрлийн дөрвөлжин үсэг нь арван таван зангаа, хорин таван зангаа, тавин зангаа ба таван лан, долоон лан хагас, арван лангийн цаасан зоосон (зураг 2-т үзээрэй) ба хорин таван лан, зуун лангийн цаасан зоосонд тус тус харагдна. Үүнд өмнөх зургаан зүйл дэх нь адилхан агуулгатай байж, сүүлийн хоёр зүйл дэх нь нөгөө зургаан зүйлийнхээс ондоо байдаг. Эхний зургаан зүйлийн цаасан зоосон дахь тамганд хоёр мөр дөрвөлжин үсэг байх нь тус тус *gžhung* 'засгийн ордон' (нэгдүгээр мөр), *dngul khang* 'банк' (хоёрдугаар мөр) болно. Даруй тус зоосыг засгийн

ордны банкаас тархааж байгаа гэснийг харуулсан утгатай. Хорин таван лан болон зуун лангийн цаасан зоосон (зураг 4-д үзээрэй) дэх тамгын дөрвөлжин үсэг нь нэгдүгээр мөрт *srid žhi* ‘төрөх үхэхийн нирваан’ болон хоёрдугаар мөрт *dpal ḥbar* ‘гэрэл цацрангуй’ гэх дөрвөлжин үсэг бичээстэй байна.

Хоёрдугаар төрлийн дөрвөлжин үсэг нь тав, арав, хорин таван лангийн цаасан зоосонд холбогдно (зураг 3-д үзээрэй). Зүүн талын дөрвөлжин бичгийн галиг нь *dgaḥ ldan pho brang* ‘тэнгэрийн сахиулсаны суудаг ордон’, баруун талынх нь *phogs las rnam rgyal* ‘цаглашгүй хүчин чадалтай бөгөөд дөрвөн зовхисыг дийлэх’. Энэ дөрвөлжин бичиг бол тухайн төвөд орны шашинаар төв болгосон засгийн эрхийн сүр хүчнийг харуулсан хэллэг болно.

Гуравдугаар төрлийн дөрвөлжин үсэг нь таван зангаа, хорин таван лангийн зоосонд холбогдно. Энэ хоёр зүйлийн цаасан зоос нь Рашийн засаг байгуулагдсан 1931–1959 оны хооронд дарамласан зоос болно (зураг 4-д үзээрэй). Энэ хоёр зүйлийн зооосны голд байгаа зууван хэлбэрийн зургийн дээр талын зүүн баруун өнцөгт байгаа дөрвөлжин үсэг бол *srang* ‘лан’ гэх хэмжүүр үг, доор талын зүүн баруун өнцөгт байгаа нь *ñer lnga* ‘таван тахил’.

Дөрөвдүгээр төрлийн дөрвөлжин үсэг нь зөвхөн зуун лангийн цаасан зоосонд л холбогдно (зураг 5-д үзээрэй). Иймм төрлийн цаасан зоосын нүүр талд зөвхөн баруун талын дөрвөлжин хар тамганд л дөрвөлжин үсэгтэй, харин түүний ар талын зүүн баруун хоёр хөвөөгөөр байгаа дөрвөлжин бичиг бол бусад цаасан зоосны нүүр талын зүүн баруун хоёр хөвөөний дөрвөлжин бичигтэй адилхан агуулга бүхий дөрвөлжин бичиг болно. Энэ нь хоёрдугаар төрлийн дөрвөлжин үсэгтэй адил.

3. Тус дөрвөлжин үсгийн онцлог

Үүнийг монгол дөрвөлжин үсэг (монгол судлалд бас Хубилайн тигийн дөрвөлжин үсэг гэдэг)-тэй харьцуулбал үсэг зүйн талаар доорхи мэтийн хэдэн онцлогтой:

3.1. Тэр нь анх зохиогдсон дөрвөлжин үсгийн бичиглэлийн дүрмийг уламжилжээ. Даруй дээрээс дорогш босоогоор бичиж, зүүнээс баруунш мөр шилжүүлдэг.

3.2. Иймэрхүү дөрвөлжин үсэг нь биеэ дааж хэрэглэгдсэн биш, харин төвөд зоосон дахь харгалзсан төвөд үгний бичлэгийг

буулган тэмдэглэж хэрэглэгджээ. Энэ нь түүний хэрэглээний талын онцлогийг харуулж байна.

3.3. *е*-ийг гаргавал, төвөджин дөрвөлжин үсгийн бусад эгшиг үсгүүдийн зурлага нь гийгүүлэгч үсгүүдийн адил бүр ас шугамаар бүтжээ.

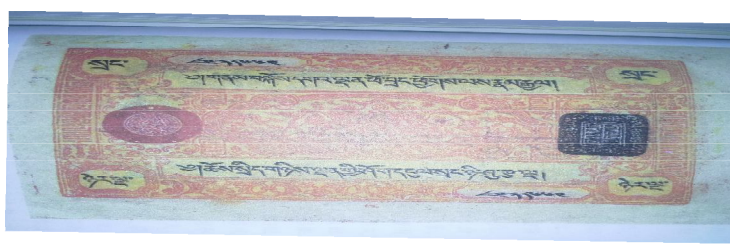
3.4. Монгол дөрвөлжин үсгийн тигийг бодвол иймэрхүү дөрвөлжин үсгийн тиг нь зурлагын хувьд цулгуй боловч идрүүн, нэн тэгшхэн бөгөөд үзмэртэй болсон байна. Энэ нь түүний урлагийн талын онцлог шинж болно.

Төвөд зоосон дахь дөрвөлжин үсэг нь төвөд бичгийг галиглан буулгах галигийн үйлдэлтэй хэрэглэгдсэн талаараа монгол дөрвөлжин үсэг ба төвөд үсэгтэй ялгаатай байж, тэр нь биеэ даасан нэг зүйлийн үсэг бичиг биш харин нэг зүйлийн галигийн систем болно. Тэр бол Юан улсын үеийн дөрвөлжин үсгийн нэгэн хувилбар мөртөө Хубилай хааны тухайн үеийн тус бичгийн тухай төрийн бодлогын үргэлжлэл ба нөлөө тусгалын үр дүн болно. Үүнийг бид төвөд сурвалж бичигт *hor yig* ‘монгол үсэг’ гэдэг байсныг одоогийн төвөд хэлэнд ч ингэж нэрлэдэгээс улам нэг алхам ойлгон мэдэж болно.

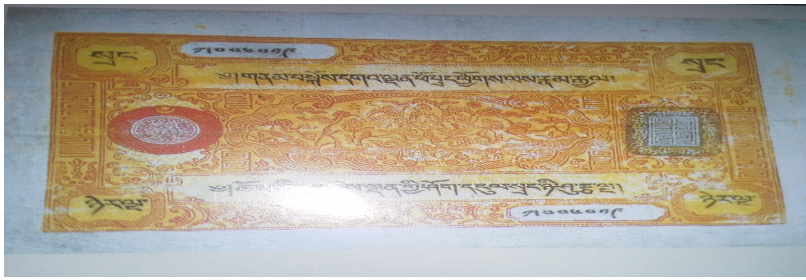
Зураг 1.

Зураг 2.

Зураг 3.



Зураг 4.



Зураг 5.

Мунхцэцэг Энхбат (Монголия, Улан-Батор)

Сведения о грамматике маньчжурского языка в словаре «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности» (1717 г.)

Толковый двуязычный словарь «Зерцало маньчжурско-монгольской словесности», составленный в XVIII в. (1717 г.), занимает центральное место среди маньчжурских словарей этого периода. В нем можно найти информацию об административном устройстве, хозяйственном укладе, обычаях и быте маньчжурской империи. Особенности его построения, широкая тематика и большой лексический объем дают сведения и по грамматике маньчжурского языка, хотя специальных разделов, которые можно было бы отнести к чисто лингвистическим, в нем практически нет.

Построение словаря основано на базовом делении всего объема знаний на относящиеся к небу, земле и человеку, причем слова, связанные с человеком, занимают приблизительно две трети от всего корпуса словаря. В словаре 280 разделов (маньчж. *hacin*) и 45 подразделов (маньчж. *meyen*), объединяющих слова более узкой тематики.

В словаре есть три раздела, название (и содержание) которых отличается от всех остальных и которые можно назвать грамматическими. В главе «Человек» авторы поместили разделы про местоимения, этот раздел назван «Я и ты» (манчьж. *bi si sere hacin*), про частицы – раздел «Частицы» (манчьж. *sula gisun i hacin*) и про числительные – раздел «Счет» (манчьж. *ton-i hacin*). Появление именно этих разделов далеко не случайно. Дело в том, что остальные части речи (глаголы, существительные и прилагательные) в словаре представлены в других многочисленных тематических разделах. Авторы специально ввели эти разделы, стремясь дать полную картину частей речи маньчжурского языка.

Всего, по сведениям М. Баярсайхана, этот словарь содержит около 12000 слов [Баярсайхан 2009: 97], принадлежащих к разным частям речи. Кроме уже упомянутых, в нем встречаются также междометия, словосочетания и даже фразы, расположенные в соответствии с их тематикой в различных разделах.

Выбор первого слова в каждом разделе обычно строго регламентирован, составители словаря в большинстве случаев

придерживаются определенного правила: первым в разделе стоит то же слово, которое употреблено в названии раздела. Это может быть слово любой части речи: глагол, существительное или прилагательное.

Однако, несмотря на существование этого правила, есть случаи, когда оно нарушается, но и тогда выбор первого слова не будет произвольным. Так сделано в нескольких разделах, в названии которых говорится о природных явлениях или обычаях, связанных с повседневной жизнью человека. Все слова в них будут расположены в логическом порядке, чтобы выглядеть как илюстрации к теме раздела. Например, в разделе «Рожать» (манчьж. *jui banjire hacin*), первым стоит слово «беременная» (маньчж. *beye jursu*), после него стоят «ребенка родила» (маньчж. *jui banjiha*), «разрешиться от беремени» (маньчж. *beye isihiha*), «плацента» (маньчж. *tebku*), «груди набухли» (маньчж. *huhun sidahabi*), «баю-бай» (маньчж. *bebu*) [8, 19б–23а][25] и т.д.

В большинстве же разделов наблюдается следующее соотношение названия и первого и последующих слов в разделе.

1. а) Если в названии раздела стоит непроизводный глагол, то первым словом в разделе будет глагол. Он может стоять в форме основы или в форме настоящего времени на *-mbi*. Дальше обычно приводится стандартный набор других производных форм этого глагола, который будет одинаковым во всех подобных разделах (с учетом возможности употребления той или иной формы). Другие части речи (например, существительные) в таких разделах будут встречаться довольно редко. Все производные глагольные формы приводятся в настоящем времени на *-mbi*. Это форма побудительного залога с суффиксом *-bu*, производный глагол, образованный от исходного с помощью суффикса *-ne*, форма совместного залога *-je* и/или взаимного залога *-ndu*. Например, два глагола из раздела «Перемещаться и кочевать» (маньчж. *gurire nugtere hacin*) [10, 8а–9б] представлены следующими формами:

[25] Первая цифра обозначает номер тетради, вторая – номер листа.

***gurire* ‘перемещаться’**	***nugtere* ‘кочевать’**
guri-mbi ‘перемещается’ *guri-bu-mbi* ‘заставляет перемес-титься’ *guri-ne-mbi* ‘перемещается (от нас)’ *guri-n-je-mbi* ‘совместно переме-щаются’	*nugte-mbi* ‘кочует’ *nugte-bu-mbi* ‘заставляет кочевать’ *nugte-ne-mbi* ‘откочевывает’ *nugte-ndu-mbi* ‘совместно кочуют’

б) В тех случаях, когда глагол, стоящий в названии, образован от существительного, первым словом раздела обычно ставится это существительное, а следом за ним даются образованные от него прилагательные или форма множественного числа, и только потом будет стоять сам глагол, приведенный в тех же формах, что и выше. Например, в разделе «Злоба и враги» (маньчж. *kimun bata-i hacin*) [10, 44а–45а]:

***kimun* ‘злоба’, ‘вражда’**	***bata* ‘враг’**
kimu-ngge ‘мстительный’ *kimu-le-mbi* ‘питает злобу’ *kimu-ndu-mbi* ‘враждуют (друг с другом)’ *kimu-le-bu-mbi* ‘возбуждает вражду’	*bata-ngga* ‘вражеский’ *bata-la-mbi* ‘враждует’ *bata-la-bu-mbi* ‘делает врагом’

в) Если глагол образован от прилагательного, то первым словом в разделе будет прилагательное, за которым, как правило, стоит его уменьшительная форма на *-kan* и только потом глагол, но только в одной форме (настоящего времени на *-mbi*). Например, в разделе «Спешить и торопиться» (маньчж. *hūdulara ekšere hacin*): *hūdun* ‘быстро’, *hūdu-kan* ‘быстренько’, *hūdu-la-mbi* ‘спешит’ [10, 1а–б].

2. Если в названии раздела употреблено существительное, тогда, естественно, раздел начинается с него. Дальнейшие слова могут быть самыми разными: другие существительные с близкими значениями или производные от него (или от других существительных) глаголы. Например, в разделе «Шелк и полотно» (маньчж. *suje boso-i hacin*) [15, 1а–2б, 9а–б]: *suje* ‘шёлк’, *mansui* ‘шелк (*с узорами в виде драконов*)’, *bolin* ‘шёлк (*с узорами кругами*)’, *doyonggo* ‘шелк (*с мелкими узорами*)’, *boso* ‘ткань (*хлопчатобумажная*)’, *mocin* ‘ткань оранжевого

цвета', *samsu* 'ткань светло-голубого цвета', *silan* 'тонкая хлопчатобумажная ткань'. Ср. также раздел «Виды обсуждения» (маньчж. *gisun leolen-i hacin*) [9, 3а–б]: *leolen* 'обсуждение', *leole-mbi* 'обсуждает', *leole-bu-mbi* 'заставляет обсуждать', *leole-ndu-mbi* 'совместно обсуждают'.

3. В случае, если в названии раздела стоит прилагательное, первым словом в разделе будет прилагательное, которое сопровождается разными формами (например, уменьшительной формой и формой уподобления). Ср. раздел «Мягкий и твердый» (маньчж. *uhuken mangga i hacin*) [18, 90а–б, 92а–б]: *uhuken* 'мягкий', *uhuke-liyen* 'подобный мягкому', *hayaihu-ngga* 'мягкий', *mangga-han* 'немного твердый', *mangga-tangga* 'очень твердый'.

Соотношение названия раздела и первого слова в разделе видно из следующей таблицы.

В названии раздела			**Первое слово в разделе**
1.	глагол	а) непроизводный глагол	глагол
		б) глагол, образованный от существительного	существительное
		в) глагол, образованный от прилагательного	прилагательное
2.	существительное		существительное
3.	прилагательное		прилагательное

Библиография

Баярсайхан 2009 – *Баярсайхан М.* Монгол-Манж толь бичгийн уламжлал дахь нэгэн дурсгал (= Памятник, принадлежащий к традиции монгольско-маньчжурских словарей) // Acta Mongolica. 2009. Vol. 9 (320). P. 97–108. (Монгол Улсын Их Сургуулийн эрдэм шинжилгээний бичиг.)

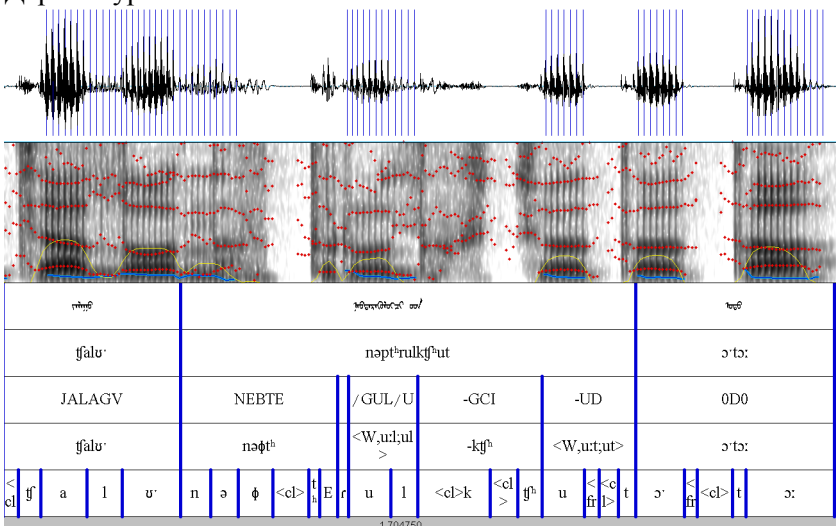
YU RONG (БНХАУ, Хөх-Хот)

Монгол ярианы хэлний материалын сан

Тус өгүүлэлд “Монгол ярианы хэлний материалын сан”-гийн (Corpus of Spontaneous Mongolian дөхмөөр CSM гэж нэрлэе) ерөнхий байдлыг танилцуулах болно.

CSM нь БНХАУ-ын Нийгмийн шинжлэх ухааны Фондын дэмжлэгээр хийсэн судалгааны төсөл болно. CSM-д хоёр хүний 30 минут орчмын чөлөөт ярилцлагаас бүрэлдсэн 20 цагийн материалыг багтааж байна. Иймээс CSM-д нийт 40 хувь материал байх бөгөөд тус тус D001, D002, D003… гэж нэрдэн хадгаласан ба материал бүрд шингээт хийсэн дууны Wav материал ба задлалт хийсэн TextGrid материал хоёр байна. CSM-д 80 авиалагч оролцсон юм. Эдгээр авиалагчийг цөм Хөххотод байгаа багш, оюутан, нэвтрүүлэгч буюу сурвалжлагч найруулагчаас сонгожээ. Ярианы чөлөөт материал олох зорилгоос болж, ярих агуулгын хязгаарлал байхгүй мөртөө ярилцагч хоёр хүн сайн танил болно.

Шингээсэн материалаа Praat авиа задлах софтыг ашиглан Mong, Pro, Tra, Morp, Seg гэх таван давхарга гарган задлалт хийж, хэлний ба хэлний бус үзэгдэлд бүр тэмдэг хадсан юм. Дараах зураг мэт.



Нэгдүгээр давхарга (Mong)

Тус давхаргад шингээлтийн материалийг дан үгээр нэгжилэн, авианы зураг ба долгионий зурагтай тохиролцуулан тасалж хуучин монгол үсгээр буулган бичжээ. Тус давхаргын хэрэгцээ гэвэл, монгол үсгээр тэмдэглэж, монгол хэлний материалын сангийн онцлог шинжийг харуулна. Нөгөө талаар материалын санд ажиллаж бий хүмүүсийн дараачийн давхарганы ажилд тус болдог.

Хоёрдугаар давхарга (Pro)

Шингээлтийн материалаа таслалт хийх нь нэгдүгээр давхаргатай адил. Дан үгээр нэгжилэн тасалсан материалаа олон улсын галигийг (IPA) хэрэглэн фонемын түвшинд тэмдэглэнэ. Энд яаж хэлсэн бол тэгж буулган бичих зарчмыг баримтална. Тус давхаргын үйлдэл хэрэгцээ гэвэл 4–5-дугаар давхаргад гарч ирэх олон хувилбарыг энд фонемын түвшинд харж болно. Нэг нэг үгийн бүтэн дуудлагыг ч уншиж болно.

Гуравдугаар давхарга (Tra)

Тус давхаргад шингээлтийн материалаа үгийн язгуур дагавар нөхцөлөөр салган, авианы зураг ба долгионы зурагтай тохиролцуулан тасалж, монгол бичгийн хэлийг тэмдэглэх галигаар тэмдэглэнэ. Үүнд язгуурын өмнө ямар ч тэмдэг тавихгүй, нэр үгийн дагавар нөхцөлийн өмнө (-), үйл үгийн дагавар нөхцөлийн өмнө (/) тэмдэг өгчээ.

Тус давхарга бол CSM-ын хайлтад зориулсан давхарга болно. Хэлэхэд олон янзын хувилбартай авианууд нь бичихэд нэгдэлтэй байдгийг үндэслэн монгол бичгийн галигаар тэмдэглэсэн юм.

Дөрөвдүгээр давхарга (Morp)

Шингээлтийн материалаа таслалт хийх нь гуравдугаар давхаргатай адил. Тус давхаргад бичихдээ бодитой авиалсан ёсоор үгийн язгуур дагавар нөхцөлүүдийг олон улсын галигийг хэрэглэн хувилбараар нарийн ялгаж тэмдэглэнэ. Тус давхаргад голдуу үеийн гээгдэл, дагавар нөхцөлүүдийн хувиралтад тэмдэг өгчээ. Жишээлвэл: Үеийн гээгдлийг <S> тэмдгээр тэмдэглэж, хашилтанд залгаад гээгдсэн үейиг бичиж хашилтаа хаана. Харъяалахын нөхцөл '-ийн' нь '- им' болж хувирсан байвал <W,i:n;im> гэж тэмдэглэжээ.

Тавдугаар давхарга (Seg)

Шингээлтийн материалаа авиагаар нэгжилэн, авианы зураг ба долгионы зурагтай тохиролцуулан тасалж, олон улсын галигийн хувилбараар нарийн тэмдэглэнэ. Тус давхаргад авианд гарах олон хэлний үзэгдэлд тэмдэг тавьжээ. Жишээлбэл: [а] эгшиг гээгдсэн байвал <V, а> гэж тэмдэг өгөх ба [н] авиа нь [м] болж хувирсан байвал <W,n;m> гэж тэмдэглэжээ.

CSM_д ажиллах дүрмийг тогтоожээ. Жишээлбэл олон улсын галигийг хэрэглэх дүрэм, эгшгийн уртыг нарийн ялган тэмдэглэх дүрэм, хамжих ба хамжин шүргэх гийгүүлэгчийн хамжилтын хэсгийг тэмдэглэх дүрэм, хэлний ба хэлний бус үзэгдэлд тэмдэг тавих дүрэм гэх мэт.

CSM_г судалганд ашиглахын төлөө дууны материалд задлалт хийж олсон TextGridийг Excel-д унших хайлтын Програмыг тусхайлан боловсруулсан юм. Иймээс CSM_г хэл судалганд шууд ашиглах бүрэн боломжтой байна.

Юухэй ЯМАДА (БНХАУ, Хөх-Хот)

Дагуур хэлний *k* ба *x* гийгүүлэгчийн түүхэн хувиралтын шинжлэх нь*

Тус өгүүлэлд Дагуур хэлний нутгийн аялгууны хоорондохь авиалбарын тохиролцоог нарийн шинжлэхээр дамжин Дагуур хэлний түүхэн хувирал ба Дагуур хэлний ойр эртний байдлыг өгүүлэхээр гол зорилгоо болгов.

Дагуур хэлний Бутха аялгуунд харагдадаг зарим *k* ба *x* гийгүүлэгчээр эхлэх үгс болон тэдгээртэй тохиролцох Чичихар аялгуу ба Хайлар аялгууны үгсий үзэхэд Бутха аялгууны *k* нь заримдаа Чичихар аялгуу ба Хайлар аялгууны *x*-тэй, Бутха аялгууны *x* нь заримдаа Чичихар аялгуу ба Хайлар аялгууны *k*-тэй тохиролцож байдаг. Энэ тохиролцоог Энхбат «Монгол хэлний нөлөөгөөс болсон» гэж үзэж байна [Engkebatu 1988]. Гэвч бид үүний тухай өөр үзэлтэй байна. Энэ тохиролцоо нь дүрэмгүй шиг харагдадаг боловч нарийн шинжвэл Дагуур хэлэнд багтах хэдэн аялгууны өвөө хэлийг мэдэж чадах боломжтой.

1. Дагуур хэлний судалгааны байдал

Дагуур хэлний 4 нутгийн аялгууг тус тусад нь судалсан судалгаа байдаг боловч тэдгээрий харьцуулан шинжлэсэн судалгаа ховор байдаг.

Хэсэг хэсгээр нутгийн аялгууны хоорондохь ялгааг тодорхойлон тайлбарласан судалгаан хэдэн байна. Гэхдээ голдуу Бутха аялгууг үндэслэн шинжлэж байгаа учраас хувиралтын дэс дарааг үзүүлэх арга зүйд нь асуудалтай шиг санагдана.

Зөвхөн Дагуур хэлээр барахгүй Монгол төрөл хэлний хувирал үүслийг бүх талаар шинжлэж байгаа Юү Шичангийн «Монгол төрөл хэлний үүсэл ба хөгжил»-д яг тус өгүүлэлд шинжлэх авианы хувиралтын тухай ч өгүүлэж байна [Yu Shichang 1983]. Цаашаа бас Дагуур хэл ямар дэс дараагаар авианы хувиралт гарсныг өгүүлэж байвч түүний өгүүлэхийн шалтгаан нь тодорхой биш байна.

---

* Энэ өгүүлэлийг тус хүний Өвөр Монгол Их сургуульд магистэр хамгалах өгүүллөөс үндэслэсэн байна.

Уутакэгийн «Дагуур хэлний авиалбарын хувиралын түүхэн сэргээлт» бол Дагуур хэлний авиалбарын хэдэн үзэгдэлийг нэг нэгээр нарийн шинжлэж Дагуур хэлний түүхэн дээр үүссэн хувирал ба Дагуур хэлний эргэн тойрон дохь бусад хэлний нөлөөний харьцангуй цаг үеийг тодорхой болгох гэх зэрэг агуулгатай [Уутакэ 2012]. Түүний доторхи хэдэн хэсэг тус өгүүлэлд тустай үзэгдэлийг задлан өгүүлэж байна.

2. Дагуур хэлний *k* ба *x* гийгүүлэгчийн тухай

k гийгүүлэгчийн тухай доор мэт өгүүлэж байна.

> гийгүүлэгч *k* нь Дагуур хэлний нутгийн аялгууны хооронд жаахан адилгүй гардаг байна. Бутха аялгуун дахь *a* ба *o* жич *a* ба *o* гаралтай *ə*-гийн өмнөх *k* нь Хайлар аялгуу ба Чичихар аялгуунд бүр хувираад *x*-гээр гардаг [Engkebatu 1988: 122–124]

x гийгүүлэгчийг ч *k*-тай адилхан нутгийн аялгууны хоорондох ялгаа нь их бүгээд доорхи мэтээр өгүүлэж байна.

А. Эгшиг *a o*-гийн өмнөх *x* нь Бутха аялгуу Чичихар аялгуу Хайлар аялнуунд бүр *x*-гээр, Бутха аялгууны Нэмээр аман аялгуунд бүр *k*-гээр гардаг.

Б. Эгшиг *ə u i*-гийн өмнөх *x* нь Чичихар аялгуу Хайлар аялгуунд жич Бутха аялгууны Нэмээр аман аялгуунд бүр *k*-гээр хувилан гардаг [Engkebatu 1988: 125].

Уутакэ [2012]-д Юү Шичангийн судалгаанаас үндэслэн дэвшүүлэж тухайн чухал зүйлийг зааж гаргасан байна.

1. 2-р үеийн эхэнд хүчдэлтэй гийгүүлэгч байхад үгийн эхэнд *x* гардаг жишээ бараг байхгүй.

2. 2-р үеийн эхэнд хүчдэлтэй бус гийгүүлэгч байхад үгийн эхэнд *k* гэж гарах жишээ харин хөндий үгэнд олон бий.

3. Хайлар аялгуу ба Чичихар аялгуунд хоёр зөөлөн тагнайн гийгүүлэгч нөхөх байраар гардаг нь Дагуур хэлний хуучин байдлыг үлдэж байгаа.

4. Дагуур хэлний хувиралыг шинжих үед “хүчдэлтэй гийгүүлэгч”, “хүнд үе” гэх мэт элемент чухал.

5. Бутха аялгуунд *k* ба *x* 2 гийгүүлэгч салсан нь Манж хэлнээс зээлгэ үг орж ирсний дараахь учир.

3. Материалыг шинжлэх нь

3.1. х-*гээр эхлэх чанга үг*

Хэрвээ ердөө Хайлар аялгууны хэлбэрээр гардаг юм бол *a*, *o* гэдэг чанга эгшигтэй үгст *k* гэж гардаггүй. Цүмагари [1986]-д нийт 1000 гаруй үгсийн дотор *ха*-гаар эхлэх үг 43, *хо*-гаар эхлэх үг 29 байна. Энхбат [Engkebatu et al. 1984]-ын цуглуулсан 7000 шахам үгэнд *ха*-гаар эхлэх толгой үг 188, *хо*-гаар эхлэх толгой үг 116 байна. Түүнээс ард нь хүчдэлтэй гийгүүлэгч байвч *k* гэж болсонгүй "онцгой жишээ" 29 үг байдаг.

3.2. k-*гээр эхлэх чанга үг*

Хайлар аялгууны хэлбэрээр гарвал *a*, *o* чанга эгшигтэй үгсийн олонхид нь үгийн эхний гийгүүлэгч *x* гэж гардаг юм. Түүнчлэн Бутха аялгууны хүчдэлтэй гийгүүлэгчтэй үгст толгойн гийгүүлэгч *k* гэж гардаг гэнэ [Yu Shichang; Уутакэ 2012]. Гэхдээ ар талд нь хүчдэлтэй гийгүүлэгч байхгүй боловч *k* гэж гарах үг цөөхөн биш байна. *ka*-гаар эхлэх үг 126, *ko*-гаар эхлэх үг 93 бий. Түүнээс 64 "онцгой жишээ"-г олов.

3.3. х-*гээр эхлэх хөндий үг*

Өнгөрсний судалгааны дүрмээр өгүүлбэл Хайлар аялгуунд *a*, *o*-гүй үгс нь *k*-гээр эхлэх ёстой. Бас зөвхөн "хүчдэлтэй гийгүүлэгч байвал *k* болно" гэсэн [Yu Shichang 1983] боловч ямар үед *x* болохыг өгүүлсэнгүй. Гэвч *a*, *o*-гүй хөндий үгст *k*-гээр эхлэх үг олон байдагаас үзвэл урдаар Хайлар аялгууны хэлбэрээр байсан гэж таамаглаж цаашаа *x*-ээс *k* болсон нь тодорхой байна. Ийм дүрэмтэй зохирохгүй *a*, *o*-гүй хөндий үгс боловч *x*-гээр эхлэх үгс нь Энхбатын заан гаргасан *хə*-гээр эхлэх үг 95, *хi*-гээр эхлэх үг 44, *хи*-гээр эхлэх үг 112 гэж нийт 251 үгс бий. Үүний дотроос үгийн эхний **h*-тэй үгс (95 үг), Хятад хэлний зээлгэ үг гэж мэдэж чадах үг (7 үг) гэх мэт үгийг хасвал 136 үг болно.

3.4. k-*гээр эхлэх хөндий үг*

k-гээр эхлэх хөндий үгс нь Хайлар аялгууны хэлбэрээр гарахад хүрвэл бүр *k*-гээр эхлэх ёстой. Үүнд үгийн ар талд хүчдэлтэй гийгүүлэгч байх эсэхтэй холбогдохгүй онцгой жишээ байхгүй.

4. Дүгнэлт: Дагуур хэл хувирлын 3 шат

Дагуур хэлний үгийн эхний зөөлөн тагнайн гийгүүлэгчийн хувирлын байдлыг гурваар хувааж үзэж болно.

1-р шат: зөөлөн тагнайн гийнүүлэгч ганц нэг байсан.

2-р шат: зарим зөөлөн тагнайн хамжих гийгүүлэгч *k* нь хувираад *x* болов.

3-р шат: Манж хэлний нөлөө хүртээд дахиад үгийн эхний зөөлөн тагнайн гийгүүлэгчийн хувирал гарч нэг хэсэг *x* гийгүүлэгч хувираад *k* болов.

Ном зүй

Уутакэ 2012 – *Ootake Masami.* Daguurugo on'inshino saikousei. Kyouto Daigaku Bungakubu Graduate Paper. Kyouto, 2012.

Цүмагари 1986 – *Tsumagari Toshirou.* Daguurugo Hairaru hougen kisogoi // Mongoru Kenkyuu. 1987. № 17. P. 2–38.

Engkebatu 1988 – *Engkebatu.* Daγur kele ba mongγol kele. Dawo'eryu he Mengguyu. Kökeqota, 1988. (Mongγol töröl-ün kele ayalγun-u sudulul-un čuburil; 004.)

Engkebatu et al. 1984 – *Engkebatu et al.* Daγur kelen-ü üges. Dawo'eryu cihui. Kökeqota, 1984. (Mongγol töröl-ün kele ayalγun-u sudulul-un čuburil; 005.)

Yu Shichang 1983 – *Yu Shichang.* Lun Menggu yuzu de xingcheng he fazhang. Beijing, 1983.

Н.С. ЯХОНТОВА (Россия, Санкт-Петербург)

Толкования монгольских слов в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности»

Словарь, известный под названием «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности» (маньчж. *Han-i araha manju monggo gisun-i buleku bithe*, монг. *Qaγan-u bičigsen manǰu mongγol ügen-ü toli bičig*), был издан ксилографически в 1717 г. в Пекине по приказу и под наблюдением императора Канси. Этот объемный словарь является двуязычным маньчжуро-монгольским словарем, построенным тематически. Он относится к типу толковых словарей – каждое слово (или сочетание слов) сопровождается пояснением. Пояснения даются отдельно по-маньчжурски для маньчжурского слова и параллельно по-монгольски для его монгольского перевода. Общее количество слов в словаре оценивается разными авторами от 12000 до 20000, они сгруппированы по 45 тематическим разделам и 280 подразделам [Энхбат 2013: 18][26].

Для некоторых слов простое объяснение их значения заменяется подробными сведениями, которые носят скорее энциклопедический характер. Заметно, что в первую очередь такие сведения касаются устройства цинского двора, администрации, управления, территориального деления Цинской империи. В словаре это разделы «Хан» (монг. *Qaγan-u quriyangγui*) и «Указы» (монг. *J̌arliγ-un quriyangγui*). Например, в качестве объяснения значения территориально-административной единицы Цинской империи «Восемь знамен» (монг. *naiman qosiγu*) дается просто перечень названий этих знамен. Очень наглядно про-маньчжурская ориентация словаря проявилась в разделе «Человек». Вторым словом (первое все-таки просто «человек», монг. *kümün*) стоит слово «маньчжуры» (монг. *manǰu*), при котором вместо краткого толкования значения дается сокращенный вариант мифа о происхождении маньчжурского правящего рода и приводится длинный перечень племен, входящих в состав империи

[26] При подготовке данного текста у автора была возможность использовать не только тезисы доклада М. Энхбат, но и находящийся в печати текст доклада.

(всего на 4 страницы). Следующим словом стоит «подданный» (монг. *albatu*), объясненное предельно просто: «раб маньчжуров» (монг. *manǰu boγol*). Сразу за ним стоит слово «монголы» (монг. *mongγol*), что можно понимать как первые в списке подданных. Значение этого слова – ‘люди, кочующие на пастбищах за Великой китайской стеной’ (монг. *čaγan kerem-ün γadan-a usu ebesün-i daγan negün yabuqu kümün*). Последнее объяснение – пример многочисленных действительно компактных толкований значений, сопровождающих большинство слов в словаре.

Другие примеры: «человек» (монг. *kümün*) – ‘самый умный среди десятков тысяч живых существ, созданных Небом’ (монг. *tngri-yin ǰokiyaγsan tümen amitan-u dotuγadu masi sečen*), «учитель» (монг. *baγsi*) – ‘человек, который обучает людей разным знаниям’ (монг. *kümün-dür alib erdem suryaqu kümün*), «волшебство» (монг. *obadis*) – ‘хитрый обман человека’ (монг. *kümün-i bačilan mekelekü*), «алмас» (монг. *almas*) – ‘плохая, рожденная безобразной старуха-черт’ (монг. *muuqai sürekei törögsen kögsin em-e čidkür*), «кошка» (монг. *miγui*) – ‘название вещи (! – *Н.Я.*), которую кормят дома, похожа на манула, ловит мышей’ (монг. *gerte teǰigekü yaγuman-u ner-e. ǰangǰu malur-tur adali. quluγan-a barimui:*), «ходят»[27] (монг. *yabumui*) – ‘любым [способом] шествовать’ (монг. *aliba ǰorčiqui*), «шествуют» (монг. *ǰorčimui*) – ‘шагать ногами’ (монг. *köl-iyer alququi*), «спешат» (монг. *mačumui*) – ‘спеша, торопясь ходить’ (монг. *yaγaran qurdulan yabuqui*), «один» (монг. *nige*) – ‘начало счета, от «одного» дальше считают’ (монг. *toγan-u egüsgel. nige-eče teser toγalamui*), «два» (монг. *qoyar*) – ‘если прибавить к одному один’ (монг. *nige-dür nige nemebesü*). Объяснения значений, приведенные в данном словаре, вполне сопоставимы с современными трактовками, с поправкой, конечно, на уровень знаний того периода[28]. В отдельных случаях объяснение значения в словаре

[27] Глаголы в словаре приводятся в форме настоящего времени на *-mui*, перевод для которых дается в 3 лице множественного числа.

[28] Ср.: «человек» – ‘живое существо, обладающее даром мышления и речи…’ [Шведова 2007: 1085]; «учитель» (монг. *багш*) – ‘человек, который обучает знаниям’ (монг. *эрдэм сургах хүн*) [Цэвэл 1966: 66], ‘лицо, которое обучает чему-нибудь…’ [Шведова 2007: 1042]; «идти» – ‘двигаться, переступая ногами’ [Там же: 287], «идти» (монг. *явах*) –

кажется даже более разумным[29]. Для некоторых слов в объяснении дается специфическая, но актуальная для своего времени информация, например, для всех животных, приведенных в разделе «Домашний скот», но входящих в перечень «12 циклических животных», первым в объяснении будет дан порядковый номер их года, а уже потом какие-то особые признаки (наличие рогов, размеры хвоста, вид шерсти). Аналогично и для тех десяти цветов, которые являются еще одной характеристикой года, первым в объяснении будет отмечен именно этот факт (несмотря на то, что они приводятся в разделе «Одежда»).

При многих словах, входящих в словарь, указана одна или несколько производных форм (например, форма множественного числа для существительных, уменьшительная форма для прилагательных, форма разделительного числительного, формы каузатива и реципрока для глаголов и некоторые другие). Толкования, приводимые при этих дополнительных формах, унифицированы по всему тексту словаря. Значение множественности будет передаваться словом «много» (монг. *olan*), значение уменьшительности – словом *baqan* ‘немного’; например, «старики» (монг. *kögsid*) объясняется как монг. *olan kögsin* ‘много стариков’, *urtuqan* ‘коротенький, не очень длинный’ – как монг. *baqan urta* ‘немного длинный’. Разделительная форма от числительного объясняется стандартно для всех числительных: например, для числительного «пять» – «по пяти» (монг. *tabuγad*) объясняется как ‘каждому человеку на пятерых разделить’ (монг. *kümün tutum tabun tusqaqui*). Форма реципрока от любого глагола стандартно объясняется как ‘взаимно (монг. *tusiy-a tusiy-a*) совершать действие’: например, от глагола «обсуждают» (монг. *šügümǰilemüi*) реципрок (монг. *šügümǰilelčemüi*) объясняется как ‘взаимно обсуждают’ (монг. *tusiy-a tusiy-a šügümǰilemüi*).

‘шествовать (*о человеке и животном*)’ (монг. *хүн амьтны зорчих*) [Цэвэл 1966: 898].

[29] Ср.: «один» (монг. *нэг*) – ‘число, оставшееся после того, как от двух отнимут один’ (монг. *хоёроос нэгийг хасаад үлдсэн тоо*) и «два» (монг. *хоёр*) – ‘число, полученное от прибавления к одному одного’ (монг. *нэг дээр нэгийг нэмсэн тоо*) [Цэвэл 1966: 395, 682].

При всех неоспоримых достоинствах толкования лексических и грамматических значений слов, представленных в словаре, в нем имеется немало случаев «зеркального» объяснения слов, когда первое слово объясняется через второе, а второе через первое. Например, монг. *öngčügtei* ‘угловатый’ толкуется как ‘слово, имеющее значение, противоположное «круглому», квадратной формы’ (монг. *dügüreng esergüčeldügsen üge. düri dörbeljin*), а монг. *dügüreng* ‘круглый’– как ‘слово, имеющее значение, противоположное «угловатому», без углов’ (монг. *öngčügtei esergüčeldügsen üge. öngčüg möri ügei*). Также ‘толстый’ (монг. *ǰuǰaγan*) объясняется как ‘нетонкий’ (монг. *nimgen ügei*), а ‘тонкий’ (монг. *nimgen*) – как ‘нетолстый’ (монг. *ǰuǰaγan ügei*).

Библиография

Цэвэл 1966 – *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь (= Краткий толковый словарь монгольского языка) / Ред. Х. Лувсанбалдан. Улаанбаатар, 1966.

Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.

Энхбат 2013 – *Энхбат М.* Словарь “Зерцало маньчжуро монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению” (1717 г.) // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора: Междунар. конф. при поддержке Президента Монголии, 19–20 апреля, 2013, Санкт-Петербург: Тез. док. СПб., 2013. С. 18–19.

Названия языков и диалектов / Abbreviations for languages and dialects / Хэл аялгуунуудын хураангуйлсан нэр

алт. – алтайский
бур. – бурятский
бур. Алар. – аларский говор бурятского языка
бур. Баргуз. – баргузинский говор бурятского языка
бур. НУ – нижнеудинский говор бурятского языка
даг. – дагурский
дерб. К. – язык дербетов Калмыкии
дерб. М. – язык дербетов Монголии
др.-тюрк. – древнетюркский
зап.-бур. – западные говоры бурятского языка
каз. – казахский
калм. – калмыцкий
калм. Олет. – олетский говор калмыцкого языка
калм. Торг. – торгутский говор калмыцкого языка
кир. – киргизский
кит. – китайский
ком. – команский
маньчж. – маньчжурский
монг. – монгольский
МЯ – монгольский язык
ног. – ногайский
ойр. – ойратский
ойр. Синьцз. – ойратские диалекты Синьцзяна
письм.-монг. – письменный монгольский
письм.-ойр. – письменный ойратский
ПМ – протомонгольский.
сарт-калм. – языка сарт-калмыков
слав. – славянский
СМЯ – современный монгольский язык
согд. – согдийский
ср.-монг. – среднемонгольский
тат. – татарский
тиб. – тибетский
тоф. – тофаларский
тув. – тувинский
тур. – турецкий
тюрк. – тюркский
уйг. – уйгурский
хак. – хакасский
халх. – халхаский
чаг. – чагатайский
чук. – чукотский
шор. – шорский
эвенк. – эвенкийский
эвенк. Брг. – баргузинский говор эвенкийского языка
як. – якутский
ММ – Middle Mongolian

Сведения об авторах / List of Contributors / Зохиогчдын тухай мэдээ

Бадмацыренова Надежда Бадмажаповна – к.ф.н., ст. преп. (Бурятский гос. ун-т, Улан-Удэ); nadya_dambayeva@mail.ru

Болд Лувсандоржийн – академик, доктор (DSc.), директор (Институт языка и литературы Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия); bold_gld@yahoo.com

Brosig Benjamin – doctoral student (employee) (Stockholms universitet, Institutionen för lingvistik, Stockholm, Sweden); benjamin@ling.su.se

Бурыкин Алексей Алексеевич – д.ф.н., д.и.н., в.н.с. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург); albury@rambler.ru, albury@mail.ru

Гедеева Дарина Бадмаевна – к.ф.н., доц. (Институт калмыцкой филологии и востоковедения Калмыцкого гос. ун-та, кафедра калмыцкого языка и монголистики, Элиста); dgedeeva@mail.ru

Дырхеева Галина Александровна – д.ф.н., доц., гл.н.с. (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ); an5dag1@mail.ru

Higuchi Koichi – Master of Arts, Professor (Ehime University, Department of Linguistics, Faculty of Law and Letters, Matsuyama, Japan); higuchi.koichi.mm@ehime-u.ac.jp

Janhunen Juha Antero – Professor and chair, East Asian Languages and Cultures (University of Helsinki, Department of World Cultures, Helsinki, Finland); asiemajeure@yahoo.com

Kempf Béla – PhD (University of Szeged, Klebelsberg Library, Oriental Collection, Szeged, Hungary); belakempf@gmail.com

Kobayashi Yoko – Master of Arts, Research fellow (Ehime University, Department of Linguistics, Faculty of Law and Letters, Matsuyama, Japan); xlyz86@gmail.com

Крылов Сергей Александрович – д.ф.н., в.н.с. (Институт востоковедения РАН, Москва); krylov-58@mail.ru

Музраева Деляш Николаевна – к.ф.н., доц., с.н.с. (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Элиста); deliash@mail.ru

Otgon Borjigin – PhD, Professor (Research Institute of Overseas Documents of Ethnic Minorities in China, Northwest University for Nationalities, Lanzhou, China); otgonborjigin@yahoo.com

Певнов Александр Михайлович – д.ф.н., гл.н.с. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург); pevnov@gmail.com

Пильчинова Мария Михайловна – аспирант (Бурятский научный центр СО РАН, Улан-Удэ); maryapilchinova@yandex.ru

Раднаев Владимир Эрдыниевич – к.и.н., с.н.с. (Институт востоковедения РАН, Москва)

Рассадин Валентин Иванович – д.ф.н., проф., чл.-кор. РАЕН (Калмыцкий гос. ун-т, Элиста); rassadin17@mail.ru

Рыкин Павел Олегович – к.и.н., с.н.с. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург); pavryk@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна – д.и.н., проф., в.н.с. (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург); skryta999@mail.ru

Сундуева Екатерина Владимировна – д.ф.н., доц., зав. отделом языкознания (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН); sundueva@mail.ru

Tang John – PhD (Institute of Oriental Studies, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia); hooglecn@gmail.com

Трофимова Светлана Менкеновна – д.ф.н., проф. (Калмыцкий гос. ун-т, Элиста); trofimovasm@mail.ru

Umetani Hiroyuki – PhD, Researcher (Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, Tokyo University of Foreign Studies, Tokyo, Japan); humejp@ba2.so-net.ne.jp

Чимитдоржиева Гунсэма Нимбуевна – к.ф.н., в.н.с. (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ); ch.gunsema@gmail.com

Zheng Yue (Цагаансар) – Doctor, Professor (College of Mongolian Studies, Inner Mongolia University, Hohhot, China); cgsr99@163.com

Энхбат Мунхцэцэг – аспирант, магистр текстологии (Санкт-Петербургский гос. ун-т, Санкт-Петербург); ilha_999@yahoo.com

Yu Rong – Doctor, Vice Professor (College of Mongolian Studies, Inner Mongolia University, Hohhot, China); umyr@163.com

Ямада Юухэй – Postgraduate student (College of Mongolian Studies, Inner Mongolia University, Hohhot, China); yamadabayar@gmail.com

Яхонтова Наталия Сергеевна – к.ф.н., доц., с.н.с. (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург); nyakhontova@mail.ru

Монгольские языки: история и современность
Материалы международной научной конференции,
Санкт-Петербург, 21–23 октября 2013 г.

Подписано в печать 30.09.2013. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 9,75
Тираж 300 экз. Заказ № 3530

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23

ISBN 9-785-4469-0115-9